

Валерий Красовский

# *Объединяя времена*



Валерий Красовский  
**Объединяя времена**

«Издательские решения»

**Красовский В.**

Объединяя времена / В. Красовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836722-9

Эта книга написана как на основании личного опыта автора, так и по рассказам коллег по врачебной работе и армейской службе. Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-836722-9

© Красовский В.  
© Издательские решения

## Содержание

Глава первая	6
Съемные квартиры	6
В студенческом сообществе	8
Жанна, Айсулу и романсы	10
Кроссворд Таисии	12
Практиканты	15
Гаудеамус	17
Среди узоров сентября	20
Сеанс внушения	27
Глава вторая	30
Соперничество	30
Случай в десантном полку	32
Профессиональный осмотр	34
Кристалл	36
Хостенков	38
Коварство аппендицита	40
Санитарная дружина	41
Дизель-поезд и стоп-кран	43
Диктофонный центр	46
Врачебный экстрим	48
Интерны тоже женятся	50
Бурановская ЦРБ	51
Стерилизация	54
Травма пальца и щука	56
Кононов	57
Глава третья	58
Двухгодичники	58
Начало	60
У военкома	65
В городе семи палаток	66
На месте службы	68
Больной офицер	70
Телеграмма	73
Не без приключений	74
Ночная беседа	78
Наркоманы	81
Случай на грейдере	85
Не изменяя цели	87
Переезд	91
Весна первого года службы	95
Эпидемия	97
Глава четвертая	99
Учеба, наука, интерес	99
Комсомол и дерзания молодости	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

# Объединяя времена

**Валерий Красовский**

*От автора*

© Валерий Красовский, 2024

ISBN 978-5-4483-6722-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это книга о судьбах друзей, вначале студентов, а затем практикующих специалистов-медиков. После интернатуры, или годовой специализации по избранному медицинскому направлению, они были призваны в действующую армию на два года. Часть из них, прослужив предписанные сроки, возвратилась на родину, а некоторые стали кадровыми военными, подписав соответствующие контракты. В приведенных повествованиях охвачен промежуток времени с шестидесятых годов двадцатого по первое десятилетие двадцать первого века.

Душа автора неизменно присутствует в каждом из героев его произведений, но иногда она не хочет быть в тени и вырывается под солнечные попитры событий, перебирается из заднего ряда прямо на сцену, как бы отталкивает действующих лиц жизненной драмы, а потом, осознав пределы возможного, снова исчезает в массовке.

Есть мнение, что в творчестве человек абсолютно свободен, однако бескомпромиссная природа и жесткая человеческая общественная среда не упускают момента напомнить, что их неписаным законам подчиняется не только ремесла и художественные устремления, но и любая другая возможность самовыражения. Мы не хотим признавать ограничений, в то время как они заложены в нас самих.

Как физики протоны в ускорителе, так жизнь в своем круге сталкивает людей, чтобы проявить их во всех спектрах бытия.

Наша память привычно равнодушна к безостановочному движению конвейера событий, но когда творческий инструмент обстоятельств создает нечто экстраординарное на пределе душевных впечатлений и чувственных восприятий, она вся приходит в трепет и начинает действовать в режиме наивысших возможностей.

У каждого поколения свои впечатления и представления о переменчивой и стремительно меняющейся окружающей действительности. Они неразрывно связаны с прошлым и во многом подчинены ему. В решении проблем текущего момента возможности и знания всех деятельных возрастных групп устремлены к объединению. Иначе как выжить!? Многое из человеческого бытия можно зафиксировать техническими средствами, кроме чувства сокровенного. Здесь без литературы не обойтись.

## Глава первая

### Съемные квартиры

Шел одна тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Упразднялось одиннадцатилетнее школьное образование и по этой экспериментальной педагогической причине в суровую большую взрослую жизнь включалось сразу два дерзновенно устремленных потока юношей и девушек, завершавших обучение в десятых и одиннадцатых классах. Прием в институты, техникумы, училища и другие профессионально ориентированные учебные заведения был удвоен. Волны абитуриентов накатывались на суровые скалистые твердыни приемных комиссий. Не всем удалось попасть из зыбучего жизненного океана на студенческое плато высшего образования. В медицинский вуз конкурс был традиционно высок, более шести человек на место. Это было то время, когда профессию врача окружал дух возвышенной романтики, а меркантильность считалась предосудительным проявлением.

Василий Шувалов оказался среди счастливчиков и уже числился первокурсником. Возведение нового жилого корпуса для института затягивалось. Большинство из поступивших в институт абитуриентов вынуждено было снимать частные квартиры или просить милости у родственников.

В середине августа Шувалов начал обход частного сектора города не только по адресам указанным на доске объявлений в холле вуза, но и по квиткам, расклеенным на городских остановках. Только после нескольких дней безуспешных поисков ему удалось найти большой деревянный дом на улице Мира, где сдавалось сразу три комнатки каждая по размеру вагонного купе. В двух из них уже обитали студенты медики, переступившие порог пятого года обучения, они должны были прибыть к началу сентября, одна жилая секция была свободна. Заправляла домом одинокая вдова. С ней проживал младший сын студент третьего курса, также будущий врач. Шувалов с радостью отдал залог в пятнадцать рублей и договорился, что прибудет к началу занятий.

Камский Игнат решил начать поиск съемного жилья с благоустроенных кварталов. Он бродил по дворам, расспрашивал мужиков играющих в домино, интересовался у старушек, коротающих свою неумолимую старость, сидя на отшлифованных одеждой скамейках возле песочниц, где играли их внуки или внучки. Намаявшись, растратив добрую половину веры в благоприятный исход дела, в одном из дворовых сквериков Игнат подошел к жадно курившему папиросу мужчине, облаченному в клетчатую помятую рубашку и вздутые на коленках брюки, на его ногах безрадостно держались стоптанные домашние тапочки.

– Добрый день! – подойдя вплотную, поприветствовал его утомившийся искатель временной обители для отдыха и учебы. От курильщика исходил резкий запах дыма и перегара.

– Ну, здорово студент!

– Это что, на мне написано?

– Ты ж по нашим домам целый час ходишь. Из окна все видно. Комнату снять хочешь?

– Хочу.

– Я сдаю. Вот там, на третьем этаже.

Из открытого окна на третьем этаже доносилась музыка популярной в то время группы Битлз. Игнат решил осмотреть жилище.

– Покажете?

– Пошли.

Мужчина стрельнул пальцем сигарету в куст декоративных насаждений и направился к себе домой. Камский последовал за ним. Дверь в квартиру была полуоткрыта. Небольшой

коридор, запруженный брошенными вещами и обувью, вызывал желание дальше не следовать. В воздухе висел смог затхлости. Из-за остекленной двери слева показалась полуголая девица с сигаретой во рту, изрядно хмельная. Ее пошатывало.

– Валюша, иди к себе! Не мешай нам.

Через дверной проем было видно, что в комнате, куда ушла особа, одурманенная спиртным, пара в составе молодого человека в джинсах с рубашкой навыпуск и девушки с короткой стрижкой, в мини-юбке и синей блузке, дико, с каким-то остервенением танцевала буги-вуги. При этом они были босиком. Музыка, вылетающая из магнитофона на полу, резала уши.

– Сдаю вот эти апартаменты.

Хозяин провел гостя в небольшую комнату со старым диваном и старательно поцарапанным письменным столом. Стены были в серых и бурых пятнах, потертые и неуклонно приближались к состоянию отталкивающей неприглядности, кое-где на них читались далеко не литературные словосочетания. Казалось, что ремонт в квартире не проводился с момента сдачи дома в эксплуатацию.

– Мои родители проживают отдельно, а жена с сыном от меня ушла...

– И сколько вы хотите за это жилье?

– Тридцатник в месяц.

Названная сумма для Игната, вернее для его родителей, была почти не подъемной. Но не это смутило его, а предполагаемое соседство и невозможность спокойной учебы.

– Я подумаю.

– Давай договоримся конкретно!

– Хорошо, если я к вам в течение двух дней не приду, можете на меня не рассчитывать, – сухо произнес Камский и покинул территорию бурного веселья.

В частном одноэтажном секторе он довольно быстро нашел скромный угол для проживания у одиноких стариков, пообещав носить воду и колоть дрова.

Залесский Роман обошел дальних родственников, проживавших в городе. Все обещали приютить в случае необходимости. Но, интуитивно улавливая нотки, глубоко спрятанной в душах неудовлетворенности от предстоящего соседства, он параллельно вел поиск по другим адресам. И, в конце концов, договорился о добротной временке на окраине города. А спустя пару недель ему удалось переехать в сносное жилье неподалеку от института.

Валерий Еремин еще в период сдачи вступительных экзаменов познакомился с Родионом Перфильевым. Они оба были зачислены в институт и теперь сообща сняли за двадцать рублей в месяц просторную комнату, которую называла залом, одинокая женщина пенсионерка. В коридоре имелась газовая плита. За баллоны с газом студенты обязались платить, воду от колонки обещали носить. Дров у хозяйки на зиму было в достаточном количестве.

## В студенческом сообществе

По весне возле медицинского института было введен в эксплуатацию кирпичный четырехэтажный корпус общежития, и теперь здание наполнялось радостными голосами новоселов, в деканате шло распределение квот по курсам. В первую очередь места выделялись студентам из малоимущих семей, для чего те должны были представить справки о заработной плате своих родителей и составе семьи. В холле вуза перед доской объявлений стояли два молодых человека. Это были второкурсники, к тому же из одной группы, оба имевшие твердую жизненную цель стать хирургами, Роман Залесский и Камский Игнат. Им в глаза бросилось объявление: «Кафедра общей хирургии приглашает студентов младших курсов для занятий в научном кружке. Обращаться к доценту Андрееву Петру Яковлевичу».

– Запишемся? – спросил Игнат друга.

– Конечно. И давай не будем терять время, пойдем на кафедру прямо сейчас, – ответил Залесский и сделал первый шаг в избранном направлении. Однако товарищ его остановил:

– Смотри, спортивные секции приглашают для занятий гандболом, волейболом, баскетболом, велоспортом. «Активным участникам межвузовских и городских соревнований будет предоставлено общежитие», – громко прочел Игнат.

И Камский, и Залесский были из обеспеченных семей по тем временам. У первого родители были на инженерных должностях, в одном из райцентров, у второго педагогами на деревне. Шансов на получение мест в новом здании общежития через деканат в тот момент у них было мало, поэтому они решили примкнуть к велоспорту. В тот же день друзья осуществили задуманное, записавшись в научный кружок и спортивную секцию велосипедистов.

Доцент Андреев внес карандашом их фамилии ниже записи Василий Шувалов, который был им знаком по встречам на лекциях. Тройке дерзновенных исследователей непознанных явлений в медицине предстояло продвинуть знания человечества по теме: «Современные методы лечения гнойных осложнений».

По ходатайству тренера велосипедной секции кандидата в мастера спорта студента пятого курса Модарова активным участникам соревнований по шоссейным гонкам Камскому и Залесскому вскоре было предоставлено общежитие. Волею случая в одной с ними четырехместной комнате номер сорок семь поселились Василий Шувалов и Валерий Еремин.

Время обучения в старших классах школы и пора юности образуют восхитительный космический сплав настоящего и устремлений в будущее. Если наша жизнь – симфония, то юность ее лучшая мелодия. В этот одухотворенный период чувства способны взлетать, увлечения неутомимы, мечтания неудержимы, и в голову стороннего наблюдателя невольно закрадывается мысль, о том, что парни и девушки питаются особой энергией, не связанной с приемом пищи. В юности представляется, что любым нашим желаниям соответствуют возможности по времени, в душе безраздельно царствует чувство бесконечности существования и бессмертия, а влечение к противоположному полу ориентировано по непостижимым разрывам силовым линиям любви. Накапливая опыт разочарований, мировоззрение школьных лет, переступив границу совершеннолетия, из поэтической романтики лунных ночей попадает под власть неумолимой правды бытия. На первое место выходят труд, упорство, настойчивость и приобретение умения выживать.

Жизнь в общежитии выходцам из деревень казалась пределом мечтаний. На каждом этаже была общая кухня, где стояли электроплиты. В конце коридора располагались умывальники и туалеты. В подвале бесперебойно функционировали душевые, которые согласно графикам помывки блаженно шумели струйками теплой воды, не пустовали прачечная и сушилка. Девушки студентки обитали на первом и втором этажах, представители мужской половины студенчества на третьем и четвертом. Впоследствии такое четкое разделение размылось обсто-

ятельницами. Зимой общежитие со стороны улицы украшала похожая на лепнину висящая мозаика из множества матерчатых пакетов, авосек и всевозможных приспособлений, прикрепленных к рамам и форточкам, в которых хранились на морозе продукты, привезенные от родителей. Эти запасы позволяли студентам не только обеспечить себе сносное пропитание, но и кое-что сэкономить на увлечения.

В череду непрерывных зачетов и экзаменов незаметно прошел год, затем летняя практика, потом начался второй год учебы, миновала зимняя сессия, каникулы. Игнат и Роман регулярно тренировались в спортзале и на специальных велотренажерах. Когда сошел снег, начались шоссейные заезды.

В мае второй курс был взбудоражен новостью о том, что идет формирование строительных отрядов для работы в Средней Азии и Сибири. Студентам второго курса, кандидатуры которых были одобрены деканатом для включения в списки участников этих всесоюзных мероприятий, была разрешена досрочная сдача экзаменов. Получив, кто заслуженные, кто с натяжкой, свои четверки, стройотрядовцы приступили к пошиву парадной формы, представлявшей собой брюки и куртку определенного фасона. Еремин, Камский, Шувалов, Залесский и Перфильев записались в стройотряд «Альбатрос», направлявшийся в полупустынные степи Казахстана.

После возбужденно вдохновенного прощания с однокурсниками и знакомыми возле главного входа в институт отряд построился в колонну и под оркестровые литавры и барабанную дробь двинулся в направлении вокзала. Улицы, несмотря на дневное время, были не многолюдны, редкий автомобиль двигался навстречу или обгонял шагающих студентов. Это была середина шестидесятых годов двадцатого века.

По прибытии на вокзал энтузиасты трудового семестра заняли целый вагон и отбыли в направлении столицы, где формировались уже целые эшелоны стройотрядовского движения.

Под ритмичные перестуки колесных пар по рельсовым стыкам студенты пели песни, выпускали путевые листки, рисовали дружеские шаржи, устраивали конкурсы. Лучшей творческой работой, включавшей рисунки, стихи и коротенькие рассказы на актуальную тему студенческого движения, была признана выполненная дружным коллективом отряда «Альбатрос». Когда поезд по железнодорожному мосту пересекал водное пространство величественной реки Волга, все без исключения прильнули к окнам. Никто из отряда так далеко от дома еще не выезжал, поэтому глаза светились неподдельным интересом. Вскоре потянулись казахстанские степи, становясь все более пустынными до самого горизонта.

## Жанна, Айсулу и романсы

Поваром в студенческом строительном отряде «Альбатрос» была Жанна Полунина, студентка со стажем работы на комсомольских стройках, успевшая неудачно побывать замужем, не без труда одолевшая пять курсов медицинского института. В качестве бригадиров выступали студенты с жизненным и трудовым опытом, остальные – еще вчерашние второкурсники, не нюхавшие целинного степного воздуха ни разу в жизни.

Первую неделю проживания студентов кормили в основном кашами, консервами, да поили чаем. Работа же требовала больших силовых затрат: прибывшие энтузиасты делали вручную цементные растворы, клали бутовый камень, изготавливали саманные кирпичи, грузили в карьере лопатами песок и прочее. По этой причине задора в их глазах поубавилось, в движениях появилась медлительность, маленькие перерывы на отдых участились, а все приехали, и это не скрывали, заработать, чтобы подкрепить скудный студенческий бюджет. Жанна своим опытным женским взглядом ловила все нюансы стройотрядовской жизни, ее зарплата зависела от их общего заработка, и для нее делом чести было, как и ее двух помощниц, студенток младших курсов, держать бойцов отряда в надлежащей физической кондиции. Поразмыслив, она поняла, что надо действовать, и отправилась в совхозную контору, где застала руководителя стройотряда, ассистента кафедры марксизма-ленинизма медицинского института Карсева Вилена Тельмановича, и заявила:

– Вилен Тельманович, мальчишки недоедают, мы кормим их недостаточно! Работа же у них тяжелая.

– С чего ты взяла? – то ли недоуменно, то ли возмущенно возразил руководитель отряда.

– Похудели, осунулись немного, – доказывала Жанна.

– Ну, это у них адаптация.

– Трудятся вяло. На консервах без витаминов при такой работе много не наворочаешь.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь! – не очень уверенно возразил Вилен Тельманович.

И тут Жанна решилась на последний бронебойный довод с ее точки зрения: – Их даже на любовные романы не тянет!!!

Торопливо ходивший по комнате в ожидании прибытия местного начальства Вилен Тельманович резко остановился, как то с изумлением посмотрел в лицо Жанне и сказал: – Ладно, ты возвращайся в отряд, займись своими делами.

Со следующего дня ситуация резко изменилась, меню было не узнать: утром гречневая каша и свежая баранина, компот без ограничения, на обед наваристый борщ из свинины, второе из тушеной капусты с рисом и мясным фаршем... И пошло поехало. Студенты повеселели, работа спорилась. Валерий Еремин с Василием Шуваловым работали каменщиками в бригаде по возведению бани из бута. Роман Залесский участвовал в подвозе песка из карьера, расположенного в степи неподалеку от соленого озера с историческим названием Эльтон, при этом никогда не расставался со своим спутником – фотоаппаратом «Смена». Игнат Камский и Родион Перфильев вызвались участвовать в изготовлении самана. Эта работа считалась одной из самых трудных.

Однажды вечером к Жанне подошел Володя Шаталов и сказал на местном наречии:

– Мен сен съемен! – что означало «Я тебя люблю!»

Жанна ему ответила:

– Я понимаю только «сыктым бар!?!» – Поклонник, не ожидавший такого откровения, смущенно удалился.

По вечерам, которые в степи были необъятного масштаба и красоты, Жанна уходила за пределы аула с кем-либо из студентов со стажем, юные неопытные второкурсники ее не интересовали. Они были статистами на том празднике любви. За весь первый месяц работы у сту-

дентов было только два выходных, один из которых они посвятили поездке на озеро, а второй – игре в футбол с командой соседнего стройотряда «Вымпел». В августе на заключительном этапе работы стройотряда, ради поездки в Волгоград к мемориальному комплексу на Мамаевом кургане, студенты пожертвовали всеми выходными. Свободного времени было мало, лишь час-другой вечером перед сном.

В совхозном поселке было около двухсот домов, магазин, начальная школа. Дети постарше получали образование в районном центре. Выпускники всегда ездили поступать в техникумы и вузы по всей стране и теперь возвращались по домам, одни с радостью на лице, другие были опечалены. В свой родной дом вернулась также Айсулу. Она набрала проходной балл и сейчас ждала вызова в педагогический институт. Это была очень красивая, стройная девушка, ходившая в платьице с национальным казахским орнаментом. Она охотно общалась со студентами по вечерам, никого из них не выделяя. Как-то так получилось само собой, что в нее влюбились в большей или меньшей степени, многие из младшей когорты студентов. Начались песни под гитару, пантомимы, чтение стихов, пересказы разных небылиц и анекдотов. Число слушателей и участников росло, образовалось нечто напоминавшее театр под открытым небом. Туда приходили также взрослые из местных жителей. Все небесные попитры светили на Айсулу. Ей нравилось быть в центре внимания. В день отъезда студенты превзошли себя и устроили настоящий фестиваль, исполнив массу песен и романсов в задорном студенческом исполнении. Жанна сокрушалась, что про нее забыли даже те, с которыми она гуляла по степи, и хмуро одна упаковывала свои рюкзак и сумку, приговаривая: «Неблагодарные!»

Вдруг откуда-то, как привидение из лунного света, показался Шаталов. Он подошел к Жанне и, протягивая маленький букетик степных цветов, сказал:

– Это тебе, Жанна! Ты со своими девчонками хорошо нас кормила. Я даже так дома не ел. Спасибо!

Жанна была тронута и почувствовала, как на ее глаза навертываются слезы. Она привычно взяла себя в руки. Затем сказала:

– Может, погуляем по степи напоследок?!

– Нет, пожалуй, я пойду. Меня там ждут. А ты не сиди тут одна. Приходи.

Когда совсем стемнело, и луна засияла во всем великолепии в звездном окружении, Жанна пошла в поселок, где была импровизированная танцевальная площадка. Студенты пели и танцевали, приглашая местных девчат, среди которых была и Айсулу, что в переводе означало «лунная красавица или дочь луны».

После вычета из заработанных денег затрат на питание студенты за два месяца изнурительного труда получили на руки чуть больше чем по двести рублей. Эта сумма была отнюдь не той, на которую рассчитывали. Стихийно создалась инициативная группа и направилась к руководству совхоза. Что-либо выяснить ей не удалось. Рождались предположения и слухи о воровстве. Несколько неприятных вопросов были заданы руководителю отряда ассистенту кафедры марксизма-ленинизма. Однако с тем и уехали. Уже по осени, во время учебы на третьем курсе до участников трудового семестра дошла информация, что в хищениях был уличен товарищ Карасев и его сообщники из числа руководства совхоза. Поговаривали о судебном разбирательстве, но дело застопорили вышестоящие покровители.

## Кроссворд Таисии

Эта забавная история, не лишенная вымысла, произошла в комнате по соседству с той, где проживала четверка будущих хирургов в лице Еремина, Камского, Залесского и Шувалова.

Таисия, или Тася, как называли ее однокурсники и подружки, обучалась на шестом курсе медицинского института. Она была невысокого роста, но и не маленькая, подобно некоторым миниатюрным ее сокурсницам, плотно сложенная, но и не рельефно мускулистая, как культуристка (можно было также сказать, как тяжелоатлетка, или борец, но тогда женщины этими видами спорта еще всерьез не увлекались). Внешностью Таисия не блистала, но и не принадлежала к категории не привлекательных бесцветных женщин, была не глупа, но не выделялась каким-либо умением или талантом. С учетом того, что после окончания школы, она обучалась в медицинском училище, потом два года работала, да еще плюс шесть лет в институте, итого ей было около двадцати восьми лет. Была замужем. Первая беременность закончилась удалением одной из фаллопиевых труб в результате ее разрыва. Спустя год все повторилось, словно в зеркальном отражении судьбы, и хирургами была удалена вторая труба. Две внематочных беременности подряд – довольно редкий случай. С мужем она рассталась, вернее он ее бросил, по причине отсутствия перспективы иметь общих детей. Метод экстракорпорального оплодотворения тогда еще только разрабатывался в экспериментах. В стандартной комнате общежития она проживала еще с тремя студентками. Они были младше ее, так как поступили в вуз сразу после школы. В силу разницы в возрасте тесной дружбы между ними и Таисией не завязывалось. Шестой курс – время, когда учеба подходит к завершению и студенты начинают основательно задумываться о привязке своей будущей семейной жизни к профессиональному выбору.

Галина уже со второго курса обратила свое внимание на одного плотно сложенного среднего роста парня из своей группы и четкой аккуратной филигранной тактикой добилась расположения его к себе. Ее друг был известен как Александр Шестов. У второй студентки Зины дела обстояли сложнее. Она заводила романы, влюблялась, но все вскоре заканчивалось и возвращалось на такую привычную исходную позицию. Третью студентку, с которой проживала Таисия, звали Екатериной. Она с присущим всем женщинам интересом наблюдала за амурными похождениями своих соседок, но сама пока с другом жизни не определилась, хотя у нее был на примете еще с первого курса паренек, как ей казалось, равнодушный к ней. Они поначалу вместе учились в одной группе, но потом разошлись по разным профессиональным направлениям: он – в хирургию, она – в глазные болезни. Ее товарищ, маячащий на семейном азимуте, имел массу разных увлечений, ходил сразу в несколько медицинских кружков, занимался наукой, спортом. Екатерина также состояла в научном студенческом обществе. Из виду они друг друга не теряли и своих дружеских отношений не разрывали. Таисия была на тот момент одинока, но драму своей личной жизни сумела трансформировать в страстное увлечение.

В один из вечеров Таисия постучала в комнату, где жил Родион Перфильев со своими однокурсниками. Когда ей ответили: «Да, входите!» – она открыла дверь и осторожно вошла внутрь однотипной комнаты с четырьмя кроватями, четырьмя тумбочками, двумя стульями со спинками и одним столом. На стенах висели самодельные лозунги: «Все в космос! Догоним и перегоним! Хорошо, что я не гинеколог! Мы не пьющие! Не наши девушки тоже наши!» Они все были в сборе и с любопытством уперлись взглядами на вошедшую Таисию. А та, ничуть не смутившись, подошла к Родиону и спросила что-то про конспект лекций.

– Таисия, мне осталось дочитать несколько листиков. Ты посиди у нас и подожди, – сказал он, мило улыбаясь, и протянув руку за ее спину, стал делать воздушные поглаживающие движения, копируя изгиб крутых ягодичек гостыи.

Лежавший на кровати Денис Полуэктов, наблюдая за импровизацией Родиона, громко произнес:

– Профиль ее тела сзади напоминал трамплин крутого горнолыжного спуска.

Сидевший на стуле Фомичев Андрей издал ртом звук фыркающего моржа, затем надул щеки и принял очень серьезное и совершенно безразличное ко всему происходящему выражение лица. Мумия – да и только! В это время в комнату вошел четвертый ее обитатель Стас Самойлов со спортивной сумкой через плечо.

– О, у нас гости! – он опустил свою сумку на койку, снял пиджак и повесил его на вешалку в шкафчик. – Есть предложение выпить по чашке чаю.

Он схватил чайник и помчался в кухню, которые были оборудованы на каждом этаже студенческого общежития. Таисия присела, положив ногу на ногу. На ней была одета мини-юбка такой длины, что короче уже просто не бывает. Когда она меняла положение ног, то открывались ее белые трусики, настолько прозрачные, что казалось – у нее там ничего не одето. У Андрея глаза телескопически поворачивались и сближались, а лицо приобретало выражение умственно недоразвитого олигофрена со сходящимся косоглазием. Денис положил на лицо раскрытый учебник по акушерству и гинекологии, скрестил руки на животе и лежал, закрепляя в памяти информацию к завтрашнему зачету. Потом пили чай с печеньем. С небольшим интервалом вскоре Денис, Андрей и Стас разошлись по делам, оставив Родиона с Таисией одних. Когда они поздно вечером поочередно возвратились, то с удивлением обнаружили все еще находившуюся у них гостью.

Родион включил настольную лампу и сказал товарищам:

– Вы ложитесь спать, а мы еще читаем.

Вскоре с кровати послышалось легкое сопение. Таисия, к себе вернулась за полночь, открыв комнатную дверь своим ключом. Затем она включила торшер, достала свою записную книжку с адресами, полистала ее и что-то аккуратно вписала на одной из страничек.

На следующий день после занятий Галина и сопровождавший ее Александр возвратились в общежитие. Дверь в комнату Гали оказалась открытой. Рядом с тумбочкой Таисии на полу лежала записная книжка. Александр поднял ее и начал неторопливо пролистывать.

– Клади на место, а то сейчас вернется Тася и поднимет крик, что залезли в ее личные вещи, – предупредила его Галина.

Шестов уже сделал движение рукой, чтобы поместить книжку на тумбочку, но тут на глаза ему попала колонка непонятных цифр и букв. «Ух, ты! Шифровка прямо какая-то!» – подумал он и незаметно от Гали сунул найденный объект в карман. Затем он покинул Галину, не мешая ей переодеваться и готовить обед, а сам направился к своему другу Родиону Перфильеву. Их комната была вся в сборе. Перфильев стойко выдерживал острые выпады своих товарищей.

– Привет всем! – сказал Александр, входя к ним.

– Салют, Саша! – ответил за всех Родион. – Каким течением занесло к нам?

– Ты знаешь такую Таисию с шестого курса? – перешел сразу к делу Шестов.

Родион несколько смутился, не ожидая такого вопроса.

– Да знает! Знает! – хором завопили его товарищи.

– А что такое? – наконец, придя в себя, спросил Перфильев.

– Я был сейчас у Гали и поднял оброненную записную книжку Таисии и обнаружил в ней нечто любопытное.

Все с интересом уставились на закодированную запись. Потом, вырывая блокнот друг у друга, пытались хоть что-то понять.

– Дайте сюда! – вдруг потребовал Денис. – Если шифровала не «Энигма», то разберемся. Он уткнулся в листок с шифровкой Таисии, что-то обдумывая, затем сказал:

– Начнем с последней записи. Итак, читаем: 2304196975РП31. Чтобы это значило? Сегодня у нас двадцать четвертое апреля. Значит, первые семь цифр говорят о вчерашнем дне – двадцать третьего апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Две следующие цифры... – Денис задумался.

– Да это же номер вашей комнаты! – вдруг почти закричал Шестов.

– А буквы РП, – подхватил Денис...

Дальше все, скандируя: – Ро – ди – он Пер – филь – ев!!!

Родион не находил себе места.

– Цифру тридцать один предлагаю проверить в эксперименте. Саша, срочно верни книжку, чтобы Таисия ничего не заподозрила! – сказал Денис.

Вечером в дверь комнаты семьдесят пять кто-то осторожно постучал.

– Проходите, дверь открыта, – послышался голос Дениса.

Таисия осторожно открыла дверь и вошла в комнату. Она была одета так же, как и вчера.

– А где Родион? – спросила она.

– Ушел в библиотеку, но обещал скоро вернуться. А ты не стой, присаживайся. – Денис подставил ей стул со спинкой, а сам сел напротив ее в свою кровать. Он завел разговор об учебе, преподавателях, потом переключился на общих друзей. Вскоре они стали говорить о жизни. При этом Денис смотрел на Таисию с выражением восхищения и любви. Казалось, он вот-вот вспыхнет от жара страсти. Его собеседница уже несколько раз меняла положение ног, в ней тоже что-то пламенное заколыхалось внутри, и она зарумянилась.

– Может быть, дверь прикроем?! – вдруг предложила она.

Денис закрыл дверь на ключ и принял прежнюю позу в кровати, расстегнув пуговицы рубашки. На его майке красовалась огромная цифра тридцать два. Таисия вдруг побледнела. Выражение лица Дениса было неизменно влюбленным. Потом Таисия поставила ноги ровень и приподнялась со стула.

– Я, кажется, забыла выключить чайник! – сказала она.

Затем подошла к двери, повернула ключ и поспешно вышла в коридор. Там стояли друзья Дениса, выстроившись в шеренгу. Когда она прошествовала мимо, они торжественно отдали ей честь, как в армии, правой рукой к виску и приподняв локоть. В своей комнате она лихорадочно начала искать записную книжку. Та оказалась на месте. Подруги, которые в тот момент вернулись с занятий, застали Таисию сидящей на кровати, вид ее был растерян, она была явно не в своей тарелке.

– Ну, что? Как? – стали допытываться у Дениса его товарищи.

– Как увидела у меня на майке число тридцать два, сразу убежала.

– А зря! – вдруг сказал Родион.

Никто не стал уточнять смысл его слов. Некоторое время спустя Таисия была замечена в общежитии технологического института.

## Практиканты

(в пересказе Василия Шувалова)

Профессор Богданович, начиная цикл лекций по венерическим болезням, разыгрывал небольшую шутиливую сценку – он доставал из кармана носовой платок, подносил его к носу и, зажимая ноздри, говорил гнусавым голосом проститутки с сифилитическим стажем: «Молодой человек, не хотите ли получить удовольствие?» Затем перехватывал носовой платок другой рукой и, продолжая зажимать нос, сам же отвечал, еще более гнусавя: «Спасибо! Я уже получил». Эта его театральная импровизация обеспечивала мгновенное и на долгие годы запоминание одного из симптомов сифилиса. Затем профессор извинялся за невозможность демонстрации нам свежего случая болезни Льюиса по причине того, что эта социальная болезнь встречалась в то время исключительно редко и в основном у приезжих из-за рубежа.

Яшке Артемкину предки, так он называл своих родителей, достали путевку в дом отдыха на берегу Азовского моря сроком на десять дней. С медицинской практикой, которая проходила в одном из районных центров, было тоже все улажено: ему разрешили опоздать, но с обязательной отработкой и овладением всех необходимых практических навыков. Вернулся Яшка загорелым и веселым и сразу же начал приставать к девушкам однокурсницам и медицинским молоденьким сестричкам с откровенными предложениями. Когда ему вспоминалась недавняя подружка Света, то он расплывался в самодовольной улыбке. В дом отдыха они приехали одновременно, познакомились в столовой за обедом. На вечерний киносеанс пошли вместе, а потом сразу в комнату к Яшке. Следующую ночь он провел в номере Светы. Потом было на пляже ночью под звездным небом. Еще на волноломе. В воде Светка отказалась. Потом в сквере на скамейке. В лифте тоже отказалась. Еще во время экскурсии в каюте. В арендованном автомобиле отказалась. В последний раз опять у Яшки. Воспоминания тешили и бодрили его. Но через день лицо Якова стало задумчивым, потом и вовсе мрачным. Однокурсники, бывшие вместе с ним на практике, не могли не заметить этой перемены и терялись в догадках. «Влюбился, наверное», – кто-то высказал предположение.

Почему он выбрал в качестве человека, которому решил довериться именно меня, трудно судить, но мне это польстило.

– Вася, понимаешь, как бы это сказать, ну в общем, я залетел, – начал он невнятно мне излагать суть дела.

– В каком смысле залетел? – недоуменно спросил я.

– С конца потекло...

От невероятного усилия сдержать себя от хохота, я прекратил дышать. Это помогло.

– Яша, но причем тут я? Иди в кожвендиспансер!

– Василий, ты хочешь, чтоб надо мной весь курс потешался?! Какой ты после этого мне товарищ. А если предки узнают?

Родители Артемкина были узнаваемыми в городе людьми.

– Как я понимаю, ты хочешь заняться самолечением с моей помощью?

– Я знал, что ты не откажешь! – восторжествовал Яшка.

– Но я еще не давал своего согласия на сей лечебный эксперимент.

Яшка помрачнел и углубился в размышления.

– Это раз, – продолжал я, – а во-вторых, прежде чем лечиться, надо знать от чего. Нужен точный диагноз.

– Да, что может еще быть, кроме триппера!? – произнес Яшка не очень уверенно.

– Лекции Богдановича помнишь? О микробных микстах читал? – продолжал убивать я Артемкина. – Между прочим, у тебя может оказаться банальная инфекция от морских купаний, и ты зря паникуешь? – продолжал я.

– Так, что ты предлагаешь? – спросил Яшка.

– Сделать мазок, покрасить и посмотреть под микроскопом.

– И опозориться на всю больницу! – добавил сокрушенно Артемкин. – А вообще-то, ты прав. У меня появилась идея. Ты мне поможешь?

– Придется, – ответил я.

Ночь выдалась пасмурная, как раз то, что надо. Яшка заранее подсмотрел, где вешается ключ, от лабораторного отделения и дожидался урочного часа. Скоро это время настало. Последняя медсестра приемного отделения около половины третьего вздремнула, так как больных не было. Яшка, открыв стеклянную створку на стене, за которой висели гирлянды ключей, схватил нужный и побежал, как мы договаривались, ко мне в хирургическое отделение, где я помогал дежурному хирургу. Там тоже была зона штиля. Как опытные диверсанты, мы проникли в клиническую лабораторию, быстро сделали мазок, окрасили его и поместили под микроскоп. Диагноз стал очевиден. Глянув в окуляр, я увидел массу, большей частью лежащих попарно, напоминающих кофейные зерна или почки, коричневых микробов.

– Тут тебе хватит на чашку крепкого кофе! – съязвил я.

Яшка долго всматривался в микроскоп, перемещал препарат туда-сюда, пытался выразить сомнение, но я сказал ему:

– Здесь все очевидно. Нужно обязательно пройти полный курс лечения, а затем обследоваться повторно.

– А провокацию устроим водкой с жигулевским пивом! За мой счет, – заявил Артемкин.

– Возражений нет, – ответил ему я.

Артемкин Яков перешел на круглосуточные дежурства без отдыха. У него появилось невиданное прежде рвение к учебе. «Наверстываю пропущенные часы», – пояснял всем. Он помогал сестрам стерилизовать шприцы, крутил шарики, укладывал материалы в биксы и относил их в автоклавную, забирал результаты анализов, ставил банки, измерял температуру, делал клизмы... Периодически просил кого-либо из дежурного медперсонала сделать ему укол антибиотиков (якобы обострение хронической ангины). Уже после двух или трех инъекций антибиотиков Яшка мне по секрету радостно сообщил, что у него все нормализовалось. Я ответил ему, что если он прекратит лечение, то получит на память хроническую форму болезни. Позже Артемкин был отмечен куратором группы, как один из активных студентов. Светке Яшка написал письмо, в котором были ругательства в каждом предложении. В ответ он получил нежное целомудренное послание, опровергающее его, якобы, пасквиль.

Когда Шувалов завершил свой экспрессивный вечерний пересказ, Залесский поинтересовался:

– А пиво хоть выпили?

– Да, по бутылке.

– Я бы литр потребовал, – подключился к обсуждению Еремин.

Камский Игнат, лежа в кровати, и не без интереса слушавший импровизацию Шувалова, решил возразить:

– А я бы с друга ничего не взял.

– Так все равно нужно было делать каким-то образом провокацию, – как бы оправдывался Шувалов.

– Ну, и обошлось, – поинтересовался Залесский.

– Да, все *lege artis*.

Никто Шувалову не поверил, потому что однокурсника с такой фамилией не было, но поднесено все было весьма правдиво и образно.

На этом разговор прекратился, и коллектив погрузился в молодой и безмятежный сон.

Время учебы несло с космической скоростью.

## Гаудеамус

1.

«Gaudeamus igitur, Juvenes dum sumus! Давайте веселиться, пока молоды». Так начинается студенческий гимн, звучащий под сводами учебных заведений уже несколько столетий. А студенты, как известно, умеют жить, не унывая. Со стороны безучастного наблюдателя ликование, веселье и уличная радость выглядят массовым воплощением счастья. Невольно представляется, что в этот момент какая-то особая форма душевной энергии овладевает людьми.

У студентов медиков шестидесятых годов, кроме профессиональной увлеченности, было немало других сфер самореализации. Существовали кружки по всем основным видам спорта, а также для любителей танца, театра, фотографии и кино. Вузовский хор пел великолепно. Выступления команды веселых и находчивых вызывали хохот у целого зала слушателей. На волне стихии самовыражения спонтанно возник Клуб холостяков, но был подвергнут обструкции со стороны специальных служб, в результате чего по окончании вуза таковых не осталось. Приоритет был отдан счастливой семейной жизни.

Будущие врачеватели, как и все люди, разделялись на флегматиков, сангвиников и холериков, у кого-то в хронической форме протекало тщеславие, у других был прочный иммунитет к лихорадке популярности. Высокомерие в студенческой среде пресекалось по методу Прокруста с разной степенью успеха. Как известно, чтобы будоражить дух смеха, должен быть найден объект, над которым можно подтрунивать. Все так любят веселиться, но никто не хочет выглядеть смешно. Чтобы отбить атаку дружеских и не очень насмешек, надо иметь, прежде всего, чувство юмора и не быть склонным к обидчивости. Даже в небольших коллективах всегда находятся запевалы выходок за ореолом общепринятой морали, порой на грани хулиганства.

Сеня Фабрикантов лежал в кровати поверх одеяла в спортивном трико и смотрел в окно, за которым чирикали майские воробьи и периодически прорезали воздух крылья чаек. Он только что сдал зачет и был самодовольно расслаблен. Чайки уже давно не мечтали о морской стихии волн и по-соседски прижились среди голубей, ворон и галок. И все же их постоянно влекло к реке, но охота на рыбешек в замутненной стоками воде не всегда была успешной. А вот город совсем другое дело с его мусорными баками, урнами и свалками.

Сеня неохотно приподнялся, накрошил мелко ломоть хлеба и начал бросать крошки в окно. Белокрылые птицы налету ловили падающие подаяния, а то, что достигало земли, служило прикормом голубям и прочей пернатой мелкоте. Когда ржаная выпечка закончилась, Сеня вновь погрузился в раздумья. Внизу проходила заасфальтированная подъездная дорога, по обе стороны которой тянулись пешеходные тротуары. По ним изредка проходили люди. И тут острое молодое зрение любителя приключений признало в приближавшейся фигурке Катю Сергееву, однокурсницу. Озорное решение пришло инстинктивно и без раздумий. Сеня схватил полиэтиленовый мешок, метнулся в умывальник, наполнил тару на треть водой и молниеносно вернулся в свою комнату. Однокурсница в это время поравнялась с открытым окном комнаты на четвертом этаже, из которого торчала курчавая голова Сени. Пакет, наполненный водой, упал на твердь в метре от Кати и обдал ее брызгами. Девушка испуганно отпрянула в сторону и посмотрела вверх. Фасад общежития был безлюден. А Сеня визжал от удовольствия изобретения новой забавы. Вскоре эта не безобидная игра приняла характер эпидемии, к ней подключились даже девушки, и стали при удобном моменте поражать своих недругов холодными осколками брызг. Пешеходное движение отодвинулось на безопасное расстояние.

Как то после беседы с ректором о хозяйственных проблемах заведующая общежитием Гордеева Варвара Устиновна торопливо возвращалась в свой кабинет. Неожиданно рядом с комендантшей ухнул пластиковый пакет, наполненный водой, и разлетелся феерией брызг. Снайперский взгляд опытной женщины мгновенно засек мелькнувшую в окне на четвертом

этаже курчавую голову. Без задержки с невообразимой легкостью, несмотря на свою полноту, в течение десятка секунд возбужденная женщина достигла цели и увидела, что в запертой изнутри двери торчит ключ. После громкого стука и сурового крика затаившемуся Арсению Фабрикантову пришлось открыть защелку замка. Он театрально и весьма искусно изобразил вид разбуженного заспанного человека с приоткрытым ртом для зевка. Всплеск эмоций обиженной Варвары Устиновны был стремительным, решительным и беспощадным, заключавшемся всего в одном кратком слове: «Вон!»

Отдышавшись и уняв сердцебиения, видя недоуменное лицо студента, Гордеева засомневалась в том, что не ошиблась адресом. В момент водяного душа от разрыва пакета окна были открыты еще на третьем и втором этажах, а также в соседних жилых блоках.

– Ты бросал в окно? – проследовал вопрос.

– Вчера кормил птиц, хлебные крошки...

– Да нет, пакет с водой ты сейчас швырнул мне под ноги.

Признание для Сени было равнозначно самоубийству, поэтому он, насколько мог, убедительно и экспрессивно ответил:

– Что вы! Я спал, проснулся от стука в дверь.

Осознав, что дело – глухарь по причине отсутствия свидетелей, комендантша мрачно, словно грозная туча, медленно развернулась и ушла в свой кабинет.

На входной двери в здание появился строгий предупреждающий текст о том, что лица, уличенные в сбрасывании пакетов с водой из окон под ноги прохожим, подлежат немедленному выселению. Водные баталии были прекращены.

2

Родиону Перфильеву не спалось. Едва он смежал веки в ожидании прекрасных образов ночи и не менее очаровательного радостного рассвета, как в области спины, или правого бока, то есть в местах, которыми он привычно со всей тяжестью усталости прижимался к матрасу, начинался зуд. Приходилось прерывать погружение в nirvanу блаженства и чесать зловредное место. Он старался поворачиваться осторожно, чтобы не скрипеть пружинами кровати, так как его три товарища удивительно тихо и смирно спали. Только около часа ночи зудящие приступы прекратились, и Родион отключил свое уставшее от неприятных предположений воображение.

А вот и раннее утро с его суматохой: одевание, умывание, чистка зубов, бритье, завтрак, наконец, расседоточение по аудиториям института.

Сразу после занятий Перфильев направился к врачу, ответственному за здоровье студентов. Тот, ничего подозрительного не обнаружил, но назначил консультацию дерматолога в соответствующем диспансере. Идти туда Родиону не хотелось, и он решил отложить этот визит на день или два.

Строгого распорядка дня у студентов не было. Некоторые при настольной лампе готовились к зачетам и экзаменам допоздна. Наполненная сложными мыслями, непродуктивная в плане отдыха минувшая ночь, заставила Перфильева лечь рано. Его друзья занимались где-то своими делами. Около полночи он проснулся от нестерпимого зуда в пояснице и встал. Ему показалось, что Стас хихикнул. «Наверное, приснилось что-то смешное», – мелькнула мысль. Заправив майку, выровняв простыню, Родион снова настороженно улегся. Когда с трех соседних кроватей послышалось равномерное сопение, он тоже поддался общему гипнозу сна.

После занятий Перфильев направился в кожно-венерологический диспансер и был в порядке очереди принят дерматологом.

– У тебя, дорогой мой, все в норме, – констатировал врач, осмотрев пациента с головы до пят.

– А отчего чешусь по ночам?

– Это либо что-то неладно с твоими нервишками: зачеты, экзамены, понимаешь, и все такое, либо аллергия.

– С нервами у меня все в порядке, аллергией не страдаю.

– Ладно, для успокоения и профилактики купи мазь, сходи в душ, намажься ей, потом смой.

В ближайшей аптеке Родион купил ихтиоловую мазь и направился в душевые городской бани. Намылился несколько раз, ополоснулся, а потом извлек заветный тюбик, выдавил его черное содержимое и размазал по всему телу. Лекарственный запах мгновенно распространился за пределы его кабины по всему пространству, контролируемому банщиком. Через минуту в дверь душевой, где студент осуществлял лечебную процедуру, раздался невообразимо громкий и решительный стук. Чтобы защелка не вырвалась из уже истлевшего от времени дерева, Родион сдвинул ее в нейтральное положение. Перед банщиком и дежурной по смене женщиной предстал обнаженный черный, как африканец, человек, от которого исходил убийственный аромат. У дамы от ужаса расширились глаза, и она истошно заорала:

– Немедленно одевайтесь и следуйте к заведующей. Мы сейчас милицию вызовем.

Перфильеву пришлось прервать лечебную процедуру, смыть черный эликсир с тела, одеться и следовать на экзекуцию к местному начальству.

– Ты что себе позволяешь? – налетела ястребом на несчастного студента главная начальница. Нам теперь баню на карантин закрывать придется.

– Я был на приеме у врача, тот ничего не нашел, но сказал на всякий случай, купить мазь, сходить в душ, намазаться ей, потом смыть.

Для убедительности Родион расстегнул рубашку и снял штаны. Присутствующие женщины слегка сконфузились, но от подозрительности не избавились.

– Да, вроде, все чисто, – сказала одна из них, похоже, что главная, так как была самая толстая.

– В конце концов, я сам будущий врач, учусь на четвертом курсе. И что за издевательство вы здесь устраиваете! Это я сейчас в милицию обращусь.

Фраза подействовала и студента отпустили.

Наступающей ночи Перфильев ждал, как боец, затаившийся в засаде. В положенный момент он сделал вид, что заснул, и вскоре почувствовал зуд. Продолжая терпеть и тянуть время, вынуждая противника раскрыться, он затем резко встал и поймал Стаса с поличным. Тот еще не успел спрятать нить, которая тянулась под простыню возмущенного объекта нападок.

– Ах, ты, паскудник! – и Родион схватил однокурсника за майку, которая сразу же затрепала.

Но тут зажегся свет и в комнате раздался дружный хохот. Перфильеву ничего не оставалось, как присоединиться к общему веселью.

К нему подошел Стас, обнял и сказал:

– Родя, не обижайся. Извини, если что.

Когда к дерматологу было направлено еще несколько человек, прошел слух, что в общегитии началась эпидемия чесотки и предстоит паровая термическая обработка постельного белья и матрасов. Однако вскоре проявления заболевания внезапно прекратились, как и начались то того.

## Среди узоров сентября

Завершались шестидесятые годы прошлого века. Студенты четвертого курса медицинского института «десантировались» в одном из колхозов области, чтобы помочь сельчанам на уборке картофеля.

– Антонина, возьми студентов! Четверо осталось. Прочих уже всех распределил по домам. У тебя же большая пристройка пустая!

Бригадир Иван Торопов умоляюще смотрел на высокую статную женщину лет пятидесяти.

– Хоть на колени становись, не возьму. В субботу на выходные дочка из города приезжает. Ты, представь: она заходит в дом, а тут четверо мужиков.

– Ну, какие они мужики! Студенты. Окромья книг еще ничего не видели.

– Не возьму.

– Да твоя дочка, может быть, среди них жениха присмотрит!

– Рано ей еще.

– Это почему рано?

– Семнадцать ей только исполнилось. Неделю назад.

– А где учится?

– В техникуме связи.

– А где старший сын? Что-то его не видно уже давно.

– На Дальний Восток на стройку подался.

– Один?

– Да нет с женой и сынишкой.

– Значит, будешь теперь в разлуке с внуком.

– Няма часу скучать. Ящэ три баразды с бульбай трэба выбрать.

Жизнь повсеместно сплетала говор сельских жителей с литературным русским языком. Это явление происходило произвольно, случайно, во всевозможных бытовых вариантах и образных узорах.

Четверо молодых парней, двое невысокого роста, около ста семидесяти, и двое ребят повыше спокойно в ожидании стояли за приусадебной оградой, прислушиваясь к разговору хозяйки с бригадиром.

Это были Василий Шувалов, Игнат Камский, Валерий Еремин и Роман Залесский. Они проживали в общежитии в одной комнате, все увлекались хирургией и непременно хотели поселиться на период работы в селе вместе, поэтому и возникли происходившие в настоящее время трудности. Просторных изб было наперечет. Станислава Самойлова и Родиона Перфильева взял на постой к себе бригадир.

– Ребята, давайте, пока бригадир хозяйку уговаривает, поможем ей распаханые гряды убрать! – предложил товарищам Еремин.

– Все равно нечего делать, – поддержал его Шувалов.

– Тогда я иду за корзинками, – включился в разговор Игнат.

– Пойдем вместе, – развил инициативу Залесский.

Они подошли к женщине, беседующей с бригадиром.

– Добрый день! – обращаясь к хозяйке дома, выразительно произнес Валерий Еремин.

Его тут же дополнил товарищ, не дожидаясь ответа:

– Давайте корзинки, мы вам поможем картошку убрать!

Лицо женщины приняло выражение недоумения. Она несколько секунд не осознавала, как в данной ситуации перевоплотиться. Но до нее быстро дошел выгодный смысл предложе-

ния студентов, холодный и решительный взгляд смягчился, посветлел радостной перспективой.

- Надо бы спачатку воды из колодца принести.
- Роман, Василий идите сюда! Работа появилась.

Когда двое, стоявших в отдалении молодых людей подошли к общей группе, хозяйка, овладев ситуацией, сказала:

- Еще бы дровишек наколоть.
- Не проблем. Давайте топор! Пойду колоть, – вызвался Залесский.
- А я воды вам наношу, – предложил Шувалов. – А как к вам обращаться?
- Антонина, а по отчеству Семеновна.
- Антонина Семеновна, давайте ведра!

В сенях хозяйка подала Шувалову два оцинкованных ведра и коромысло, но тот взял только емкости для воды.

- Я без коромысла. А куда выливать?
  - Сперва в бачок, что в сенях, а потом в бочку, которая в стайке для коровы.
- Камский и Еремин взяли корзинки, и пошли выбирать из борозд картошку.

– Ладно, я пойду, – повеселев глазами и лицом, произнес бригадир и быстро покинул двор Антонины.

Натаскав воды, Василий Шувалов стал помогать товарищам на копке гряд густо усыпанных светло-желтыми плодами. Роман Залесский в это время стремительно наращивал гору колотых дров.

Антонина Семеновна, затаив дыхание, наблюдала, как быстро выполняется в их хозяйстве череда запланированных на неделю работ. Однако ее оторопь и даже некоторая растерянность созерцателя постепенно была преодолена и она, словно спохватившись, устремилась на кухню готовить обед.

«Постелю студентам в пуне на сеновале, – решила женщина, – а через день, когда дочка уедет, перейдут в залу.

Уже пополудни, когда добровольные помощники управились с делами, и умывались, поставив ведро на деревянную колоду, поливая друг другу на руки, во двор вошла гнедая лошадь, тянувшая телегу, внутри повозки на горке сена сидел худощавый мужичок. Ему навстречу вышла Антонина Семеновна и помогла слезть на землю.

– Это мой хозяин, – представила она студентам подъехавшего супруга, – Егор Дмитриевич.

Хромая на левую ногу, тот подошел к молодым людям и, знакомясь, поочередно пожал каждому руку. Было также четко заметно, что левая рука хозяина менее подвижна, а правая половина лица не участвует в мимике, как у здорового человека.

– Возможно, перенес инсульт, – шепнул Камский стоящему рядом Шувалову, а потом, поразмыслив, добавил, – или была тяжелая травма.

- Скорее всего, последнее, – предположил Василий Шувалов.

Из сеней показалась Антонина Семеновна и громко кликнула:

- Егор, зови на обед ребят. Это же надо, сколько дел переделали!

В прихожей на столе стоял объемистый чугунок со сваренной картошкой, большая сковорода с яичницей на сале на деревянной подставке, в салатнице лежали нарезанные кружочками соленые огурцы, большой жбан доверху был наполнен простоквашей. Изголодавшиеся студенты плотно подкрепились и, поблагодарив хозяев, вышли во двор. За ними не спеша подался Егор Дмитриевич, достал правой рукой из кармана папиросы и спички. Призвав к участию плохо работающую левую кисть, закурил. Затем предложил присоединиться к ритуалу студентам, но те отказались.

Из приоткрытой двери послышался голос его супруги:

– Егор, тебе же нельзя курить! Врачи запретили!

– Антонина, не шуми! Я токо чуток.

Потушив и выбросив окурок, Егор Дмитриевич внимательно посмотрел на стоящих рядом молодых людей, и обратился к ним с просьбой:

– Хлопцы, пособите мне привезти воз сена с покоса в пуню.

Возражение ни от кого не последовало. Прихватив вилы, мужская пятерка уселась на телегу и выехала из деревни в сторону леса. Прибыв на место, студенты сгребли подсохшее сено в небольшие копны, потом погрузили на гужевой транспорт. Образовавшийся солидный воз увязали веревками через верх, посадили хозяина и, поддерживая с боков повозку, вернулись обратно. Когда все доставленное перебросали в пуню, уже взошла луна. Вечер был тих. Замерцали первые самые яркие звезды. Запах сена был насыщен разнотравьем. Антонина Семеновна принесла матрацы, одеяла и подушки. Под самой крышей сенохранилища молодые люди оборудовали великолепную лежанку и без промедления, так как были с непривычки утомлены, улеглись, мгновенно уснули и были разбужены под утро голосистым кукареканьем петуха. Шувалов по-военному вскочил первым и по стремянке спустился вниз. За ним последовали остальные. Внизу стояла их обувь: кирзовые и резиновые сапоги, но носки куда-то пропали. Услышав, что постояльцы проснулись, появилась хозяйка и принесла выстиранные и просушенные на печи носки. Студенты явно не ожидали такого попечительства и заботы.

– Антонина Семеновна, большое вам спасибо! – сердечно произнес Шувалов, забирая пару своих коричневых носков. – Мы привыкли сами себя обслуживать.

Его товарищи также рассыпались в благодарностях. Затем все вышли на улицу, разделись по пояс, сделали небольшую физзарядку и облили торсы ледяной колодезной водой. Молодые тела студентов наполнились бодростью и фантастической подъемной силой, мечты превратились в осязаемое чувство и повлекли в неведомые дали. Все казалось возможным. Но этот импульс вдохновения от контрастного обливания быстро прошел.

– Идемте завтракать! – позвала хозяйка.

Была подана пшенная каша, заправленная домашним маслом, затем аппетитно употреблены блины, рядом с которыми стояла сковорода с жареным мелко нарезанным салом и поверх всего, как говорят в народе на верхосытку, свежая простокваша и парное молоко с черным хлебом на выбор.

На колхозном картофельном поле с помощью вездесущих лошадиных сил накануне были разогнаны километровые борозды, начинавшиеся за деревней и уходившие вдаль до самого березового перелеска. Девушки студентки первыми, а за ними и мужская часть прибывшей молодежи заняли стартовые позиции и приступили к работе. Учетчик стоял возле прицепа и фиксировал высыпаемые ведра. У каждого был свой порядковый номер.

Слышалось, примерно, так:

– Двадцать пятый – два ведра. Четырнадцатый – одна корзина. Третий – одно ведро.

Так продолжалось до обеда, а после перерыва еще пару часов. Когда расстояние до прицепа увеличивалось, и опорожнять ведра становилось ходить далеко, вызывали извозчика. Лошадь таскала телегу, устеленную и обшитую по бокам досками вслед за копателями, пока тара не заполнялась. После этого следовал небольшой антракт. Вот так будущие хирурги, терапевты, окулисты и прочие специалисты от медицины приобщались к сельскому труду.

На обед было разрешено брать по ведру картошки. Антонина Семеновна искренне обрадовалась прибавке к своему урожаю. Ее дочь Екатерина, студентка техникума связи, к моменту возвращения студентов-медиков в конце рабочего дня уже была дома. Состоялось короткое знакомство. Ужинали все вместе. Медики с интересом рассматривали молоденькую скромную девушку, а та в свою очередь их. Живого разговора не получалось, все ограничивались небольшими репликами. После обеденного борща, перловой каши и компота, на ужин хозяйка приготовила картофельную «бабку» с наполнителем из мелких кусочков жареного сала, принесла

также емкий кувшин простокваши. В садах сельчан в тот год случилось яблочное изобилие. Толстоствольные плодовые деревья, оставшиеся еще с панских времен, осыпались на травяную подстилку штрифелем, пепенкой, анисом и особенно щедро антоновкой.

После добротного ужина мужской коллектив с удовольствием откликнулся на просьбу хозяина привезти очередной возок сена на зиму корове. По дороге Шувалов не выдержал напора профессионального интереса и спросил:

– Егор Дмитриевич, а почему вы хромаете? Травма была?

– Это с войны еще.

– Ранение?

– Вы будущие врачи, вам покажу. – Егор Дмитриевич снял шапку и, откинув небольшую прядь волос со лба, указательным пальцем правой руки обозначил место на границе с темнею: – Вот сюда пуля вошла, а вот тут вышла, – и передвинул руку на затылок, что-то там нащупывая.

– Можно посмотреть? – попросил Шувалов.

– Да и пощупайте. Вы же хирургами собираетесь быть? Случись, – пригодится.

Егор Дмитриевич пододвинулся ближе и слегка наклонил голову. На границе лобной и теменной части справа четко прощупывалось вдавление округлой формы, второе, чуть большее по размеру, было в области затылка. Вся четверка будущих докторов аккуратно изучила анатомию травмы. Остальной путь ехали молча. Возвратившись, медики сгрузили и сложили сено, потом забрались на свою верхотуру и утомленно уснули. В назначенное время послышался громкий петушинный горн.

Предводителем куриного семейства у Антонины Семеновны был степенный, не терпящий возражений, решительный, напористый, иногда даже агрессивный красавец-самец. Над головой короной сидел ярко красный гребень, по бокам ниже глаз маленькие беленькие ушки ловили каждое звуковое подозрение об опасности, ниже клюва свисали роскошные рубиновые серьги. Шею короля кур окружал накладной воротник из оранжевых перьев, переходящий на спину, грудь защищала броня из сине-черных перьевых элементов, которые в области хвоста превращались в изогнутые колеблющиеся серпы, способные скосить любого соперника.

Утром Антонина Семеновна потчевала всех поливкой, изготовленной по собственному рецепту, в которую нужно было макать блины. Поливка была слегка солоноватой густой как сметана, со шкварками. В кувшинах было парное молоко и простокваша.

По ходу раскопок гряд в поле друзья решили разузнать больше о своем хозяине у сельчан. Первым объектом интереса стал учетчик Иван Матвеевич, или Матвейч, как обычно к нему обращались.

В один из перерывов к нему подошел Камский и спросил:

– Иван Матвеевич, вы хорошо знаете Егора Дмитриевича?

– Это Полякова? Где вы остановились?

– Да.

– А што вас цикавить?

– Например, как он получил ранение? Сам он ничего не помнит.

– Гэта я не ведаю. Спытайте у яго сябра Максима Калинкина. Яны разам прызывалісь у сорок першым. Ён можа расказаць.

Потихоньку общими усилиями с привлечением всех заинтересованных и очевидцев удалось воссоздать некоторые события минувшего.

За год до начала войны в деревне по осени состоялось сразу шесть свадеб. Егор и Антонина считались самой красивой парой. Гармошки и песни не утихали целый месяц. Но не прошло и девяти месяцев, как случилось военное лихолетье. Большинство мужиков призывного возраста оказались в армии. Среди них и шестеро молодых парней, сыгравших недавно свадьбы. В июле сорок первого село заняли оккупанты. Как мужественные женщины, еще недав-

ние школьницы, и в каких условиях смогли родить детей трудно представить. Часть деревенских домов была сожжена, многие жители были убиты фашистами. Но юным матерям повезло. Они с грудными детьми выжили, прячась в лесах и наспех вырытых землянках в моменты прихода немцев. Был голод. В пищу шло все от крапивы весной до головок клевера и липовой коры в зимнюю пору. В октябре сорок третьего красноармейцы выбили врага из деревни. Антонина с двухлетним сынишкой вернулась в родительский дом, который случайно уцелел. Отца ее уже не было в живых. О судьбе Егора она ничего не знала. Линия фронта проходила рядом, были слышны периодически звуки канонады. Летом сорок четвертого началось наступление наших войск и фашистов погнало на запад. В один из дней пришло официальное письмо из какой-то воинской части, где было сказано, что Егор жив, но тяжело ранен. Полевой госпиталь находился более чем в ста километрах от деревни. От сельского совета выделили лошадь и телегу, сынишку Антонина оставила матери, а сама отправилась в дорогу. Когда она прибыла в военномедицинское учреждение, располагавшееся в уцелевших зданиях и брезентовых палатках, ее отвели к мужу. Он лежал на армейской складной кровати, голова его была перебинтована. Около месяца назад он был ранен и прооперирован. Свою жену Егор не узнал. Кормить его надо было с ложечки. Левая рука и нога не двигались. Антонина проплакала всю ночь, а утром постаревшая, ставшая строгая лицом, четко представившая себе всю дальнейшую нелегкую жизнь забрала своего любимого и благополучно привезла домой.

Она завела козу. Старенькая мать ей во всем помогала. По каплям они вливали в рот раненого это целебное зелье, а также отвары и настои по народным рецептам. Дважды в день она растирала тело Егора. По ночам дежурила рядом на дощатом настиле, сооруженном на табуретках, и плакала от горя. Иногда к ней заходили ее подруги. Из свадебной шестерки сорокового года вернулся только Калинин на костылях без ноги да Егор. Прошло несколько месяцев. Ее супругу не становилось ни лучше, ни хуже. Жизнь была тяжела. Работа в колхозе и дома, забота о раненом муже и подрастающем сынишке отнимали все силы.

Однажды утром какой-то внутренний импульс заставил Антонину проснуться. В тот момент она чуть не потеряла сознание: на нее смотрел осознанно своими серо-голубыми глазами Егор. По его щекам текли слезы. Она прильнула к нему и зарыдала вслух, разбудив мать и малыша.

– Доченька, что с тобой? – спросила мать.

– Мама, Егорка пришел в себя!

Это был третий счастливый день в жизни Антонины после свадьбы и рождения сына.

Женщины утроили заботу о раненом, и растерзанный войной солдат встал на ноги.

Когда четверка будущих хирургов все разузнала о нелегкой судьбе этой семьи, они еще с большим усердием старались оказывать всяческое содействие по выполнению работ по хозяйству. Ребята покололи и сложили все дрова, вывезли сено с покоса, привели в порядок огород, подремонтировали изгородь, подправили крышу. После одного из теплых дождей повсеместно появились опята.

– Антонина Семеновна, может быть вам собрать на зиму грибов? – как то поинтересовался Камский Игнат.

– Ой, ребятки, я так вам буду благодарна! Сама хотела попросить, да не решалась. Вы столько нам помогаете!

В тот же день студенческая четверка взяла корзинки, пару холщовых мешков и отправилась в лес, затем тару, наполненную молоденькими опятами, принесла хозяевам. Антонина Семеновна отварила деликатес и засолила в бочке. В те несколько дней, что оставались до отъезда студентов, она кормила их особенно старательно и втайне примеряла каждого из молодых парней к своей дочери. Все ей нравились, и никого она не смогла выделить.

«Это не судьба! Наверное, у этих ребят уже есть девушки на примете?» – грустно прикинула хозяйка дома.

Картофельные поля были убраны. На субботу был назначен расчет хозяйства со студентами. Все ждали с нетерпением этого дня, особенно городские девчата, которым хотелось поскорее возвратиться в уютные родительские квартиры. Да и тем, кто проживал в общежитиях, а таких было подавляющее большинство, начинал надоедать сырой холод осени и спартанские условия жизни.

После получения энтузиастами труда заработанного за три недели они начали готовиться к отъезду. Антонина Семеновна осторожно спросила у своих постояльцев:

– Ребятки, а когда вы собираетесь уезжать?

– Хотелось бы завтра, – ответил за всех Камский.

– А Егор вам сюрприз приготовил.

– Любопытно, что за сюрприз? – не скрывая удивления, спросил Шувалов.

– Хозяин вас у тристене чакае. Помогите ему дежку до кустов сажалки донести.

– Ну, что! Пойдем, посмотрим, что за сюрприз нам Егор Дмитриевич приготовил! – взял инициативу в свои руки Еремин.

– Пошли! – поддержал его Залесский.

В пристройке Егор Дмитриевич примерял деревянную крышку с отверстием посередине на укороченную по высоте металлическую бочку. Скорее всего, стандартная тара была разрезана пополам. Рядом стояла деревянная дежа. Она была обтянута железным обручем и закрыта клеенкой. По бокам на ней имелись «ушки» с закрепленной на них проволокой.

– Вот все это надо вынести, – обратился к своим помощникам хозяин.

Шувалов и Еремин подняли дежу и осторожно понесли к месту назначения. Залесский и Камский взяли металлическую емкость и крышку. Егор Дмитриевич нес в руке сумку, наполненную какими-то нужными ему предметами. Возле пруда-сажалки были хорошо заметны следы кострища, углубленного в землю, в центре которого лежали в определенном порядке черные обожженные камни. На них была поставлена металлическая бочка, укрепена от опрокидывания сбоку дополнительными булыжниками и кирпичами. Содержимое дежки, это была созревшая брага, перелили в металлическую тару. Сюрприз был раскрыт, но студенты охотно приняли участие в этом мероприятии. Они помогли своему чародею приладить крышку с отверстием посередине, зашпаковать места неплотного прилегания тканью, а затем замазать глиной, которой изобиловали склоны пруда. После этого Егор Дмитриевич залез в ближайший куст и принес метровой длины корыто. Оно было ветхим, трухлявым, покрытым трещинами и на первый взгляд казавшимся ни к чему уже не пригодным. На торцах этого артефакта были сверху небольшие прорези-углубления в форме прямоугольников. Корыто установили на импровизированные подставки, которыми послужили колышки и поперечные деревянные. Из того же секретного куста была извлечена ржавая, изогнутая на конце под прямым углом металлическая труба. Ее диаметр был точь-в-точь по размеру прорезей на корыте. Из концов трубы были вынуты тканевые пробки, а сама она прилажена на требуемое место. Изогнутый конец трубы был зафиксирован над кромкой браги, в корыто после тщательной замазки дыр глиной, залита вода. Все было готово к действию. Когда костерок разгорелся, уже стало темно. Едва была наполнена первая бутылка первача, как показался хромающий на протезе человек. Это был Максим Калинин.

– Привет, Егор! – поздоровался он со своим боевым товарищем.

– Здорово, Максим!

– Решил ребят проводить?

– Да, завтра уезжают.

– Быстро они с бульбай справились!

– А нам с Антониной как помогли!

– Да, за это надо отблагодарить. Они еще твоего первача не пробовали?

– Нет, не довелось угостить.

- У тебя он получается, как ни у кого в деревне. Держишь рецепт в секрете?
- Не без этого.

Студенты поочередно приносили из зарослей сухие ветки и подбрасывали их в костер. Егор Дмитриевич после наполнения очередной бутылки, заменял ее пустой тарой. Из каждой брал пробу в несколько капель и, наконец, сказал:

- Все достаточно! Скоро одна вода пойдет!

Бочку сняли, огонь в костре приуменьшили. Взошла луна, стало светлее. Ветра не было. Из-за редких тучек посматривали звезды.

- Пойдемте в дом? – предложил Егор Дмитриевич. – И ты Максим присоединяйся!
- Егор, а давай на свежем воздухе посидим. Погодка-то, какая! На осень не похоже.
- Ну, как ребята, согласны? – обратился хозяин к молодежи.
- Мы за, – послышалось многоголосое подтверждение.

Егор Дмитриевич спрятал приспособления в куст. Все лишнее было складировано в пристройке. Из дома принесли складной стол, со двора несколько деревянных колод и скамью. Антонина Семеновна накрыла стол. Была вареная картошка, сало, домашняя колбаса, огурцы, хлеб и, конечно же, фирменный первач. Первый тост был за хозяев, потом за ветеранов, потом за студентов. Молодые люди впервые пробовали напиток такой крепости, поэтому быстро захмелели. Умудренные ветераны это заметили и припрятали зелье до новых времен. Когда с закуской было покончено пошли разговоры и воспоминания.

- Страшно было на фронте? – поинтересовался Камский.
- Всяко случалось, – ответил Калинин.

– А помнишь, как ротный говорил перед первым боем? – спросил своего товарища Егор Дмитриевич.

– Помню: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать!» Когда бой начался, уже никакого страха не было.

- У каждого была своя задача. Ни о чем больше не думали.
- А как первый бой закончился? – спросил Шувалов.

– Отбились мы. Наших полегло много. А немцы пёрли и пёрли, как из-под земли вырастали. Прорвались фрицы, но не на нашем участке обороны, обошли. Тяжка успаминать, – и Егор Дмитриевич вздохнул.

– Из окружения вышли за Смоленском. Из нашей деревни больше десяти мужиков призвали. Мы только вдвоем выжили – добавил Калинин.

Ветераны закурили. Было видно, что воспоминания им в тягость.

- Давайте собираться на отдых, – предложил Залесский.

Так как других предложений не последовало, имущество, а также посуда были отнесены в дом, костер погашен. Молодежная четверка забралась на свой сеновал. Наутро после легкого завтрака попрощались с хозяевами, затем помогли донести их дочери сумку с продуктами до автобусной остановки. Антонина Семеновна была расстроена и периодически утирала глаза краями своего платка. В ожидании автобуса Камский достал свой портативный магнитофон, приобретенный за целинные деньги, и включил любимую всеми мелодию Сальваторе Адамо «Падает снег». Первые робкие снежинки уже периодически вылетали из пробежавших осенних тучек, словно напоминая о приближении зимних холодов.

## Сеанс внушения

Светлому, прекрасному, удивительному человеческому чувству, которое называется любовью, посвящено бесчисленное собрание рассказов, повестей, романов, театральных драм и лирических душевных всплесков. Возможно, какой-то самозабвенно преданный науке биолог наподобие Паганеля скажет, что этот полет души всего лишь проявление инстинкта продления рода и не более того. Мол, любовь – это украшенная ювелирами от искусства царственная корона полового влечения. Пусть будет так. Но какие, порой недоступные суровому смыслу, движения при этом происходят! Влияет ли у человека на стремление к противоположному полу его профессия? Не исключено. Например, у врачей, как людей эрудированных, способных управлять своей психикой, гораздо реже встречаются страстные болезненные ревностные проявления в семейной жизни. Многим людям, в таком тонком деле как взаимоотношения, не хватает мудрости, а ее составной частью является умение владеть собой. Ну, а теперь снова про любовь. Бывают ли в реальной жизни «спящие красавицы»? Кто-то скажет только в сказке. Увы, это не так. Не пробужденных великим чувством людей предостаточно. Среди них те, кто увлечены каким-либо делом, либо постигшие разочарование и вооруженные осторожностью.

Благинин Вадим на четвертом курсе записался в группу хирургов, но грандиозных планов на будущее не строил, поэтому кружки по избранной специальности не посещал, ограничивался институтской базовой программой. В будущем намеревался вести поликлинический прием амбулаторных больных. Он был чуть выше среднего роста, имел светло-серый оттенок радужной оболочки глаз, нос у него был продолговатый, заканчивающийся утолщением округлой формы, и открывающий две аккуратных, но отформатированных в сторону увеличения, ноздри, в которых обладатель сей анатомии любил поковыряться. Губы пухлые, щедро вывернутые вверх и вниз, умели складываться в доброжелательную улыбку. Брови вразброс, роскошные, но до восточного типа не дотягивали, скулы широкие, щеки румяные, лоб обычный с едва уловимыми наметками будущих морщин. Уши были чуть оттопыренные, но внешнего облика не портили. Еще одной особенностью лица Вадима было неестественное утолщение краев век, оставшееся, возможно, от перенесенного в детстве конъюнктивита. У большинства людей смыкающиеся во время сна и при моргании части век ничем не выделяются, фокус зрения постороннего наблюдателя отвлекается ресничным орнаментом. У Вадима края век были не только слегка утолщены, но вдобавок имели интенсивный розоватый даже красноватый оттенок. Его прическа – это стандартная канадка, которая иногда сменялась боксом или полубоксом.

У студентов медиков было немало популярных поговорок, одна из них гласила: «Сдал топочку, – можно жениться!». Топографическую анатомию изучали на четвертом курсе. Если по каким либо причинам приходилось бросать учебу, то диплом фельдшера все равно был гарантирован. К этому времени у большей части обучающихся молодых людей появлялись спутницы, с которыми завязывалась пока еще осторожная ни к чему не обязывающая дружба. Возле Благинина часто замечалась студентка однокурсница Фаина Полунина. Она была невысокая кругленькая, голубоглазая, с такими же пухлыми губками и большим ртом, как у ее товарища. Волосы кудряшки придавали ее доброму лицу обаяние, а все вместе сеяло доверие и участие. Они, дополняя друг друга, создавали какой-то цельный устойчивый жизненный образ. В шестидесятые годы время комсомольской послереволюционной вседозволенности уже давно миновало, поэтому до свадеб у многих влюбленных интима не было. А там кто знает? В конце шестого курса Вадим и Фаина создали новую ячейку общества под обобщенной фамилией Благинины. К моменту призыва Вадима на два года в качестве армейского врача у них уже родился сынишка.

Новоселов Ефим по только одному ему известному велению души и разума решил стать психиатром. Этим разделом медицины он увлекся основательно, поэтому не пропускал

ни лекций, ни научно-практических конференций, ни кружковых заседаний. Циклы занятий по психиатрии проходили все студенты независимо от будущего профессионального выбора. У Камского после общения с несколькими пациентами в соответствующей клинике сложилось убеждение, что хирургия – это оазис в сравнении с пустыней безумия. Алкогольные психозы еще, куда ни шло, лечились, а многое другое врачи старались перевести в русло безопасности. И ничего больше. Глупость и сумасшествие существующими лекарствами не поддаются излечению. Возможно, в будущем здесь поможет трансплантация. Студентам преподаватели показывали пациентов, которые в силу неадекватности вскрывали себе живот, чтобы докопаться до источника урчания, самоубийственно наносили другие всевозможные увечья. Больные из следующей группы воображали себя без тени сомнения мировыми знаменитостями: кто-то выступал от имени Наполеона, кто-то утверждал, что он Карл Маркс, Эйнштейны тоже были. Наедине с такой категорией оставаться не хотелось ни на минуту. Больных с тяжелыми психическими нарушениями к счастью мало. Организм здорового человека с успехом выдерживает атаки на сознание, как со стороны природы, так и со стороны общества. Тема гипнотического воздействия Новоселова интригующе интересовала. На старших курсах он уже самостоятельно пытался применять ее на практике для устранения привычки курения и алкогольной зависимости. Как он пояснял, были положительные результаты.

Благинин пристрастился к курению на младших курсах. Будущий доктор прекрасно понимал, что такая привычка врача не красит, но ничего не мог с этим поделать. Однажды вечером в комнату общежития, где он обитал, зашел Новоселов.

– Привет, Вадим!

– Здорово!

– Ну, и запашище у вас! Шире форточку откройте, а то задохнетесь.

В комнате стояли четыре кровати, на которых возлежали сосредоточенные студенты с книгами в руках.

– Что носками воняет?

– Если бы только. Табачным дымом.

– Мы ему говорили, чтобы не дымил в комнате, – сказал один из проживавших молодых людей, кровать, которого стояла возле окна.

– Выгонять будем в курилку! – подключился еще один решительный голос.

Андрей Бахтин, также однокурсник Ефима, сосредоточенно читал монографию.

– Вадим, ты сдал глазные болезни? – поинтересовался Новоселов.

– Сдал.

– Какую оценку получил?

– Хорошо.

– Билеты у тебя есть?

– Есть.

– Дашь? Тебе же они больше не нужны.

– Бери. Они в папке на моей тумбочке.

– Слушай, Ефим, – подключился к разговору Бахтин, – ты же гипнозом занимаешься?

– Учусь пока.

– Закодируй Вадима.

– Да ну вас к черту! – пробурчал Благинин. – Я спать хочу!

– Во сне самый эффективный момент! – понизив голос, не унимался Андрей. – Его и погружать в сон то не надо, после экзаменов он отрубается за двадцать секунд.

Едва было произнесено последнее слово, как с кровати Благинина послышалось сладкое сопение.

– Приступай! – решительно сказал Бахтин.

– Так он же не согласился!

– На него все равно ничего не подействует.

– Ладно, попробую.

Новоселов пододвинул стул вплотную к спящему товарищу, присел. Блаженство на лице Благинина было освящено сиянием румянца, подчеркнуто расслабленной мимикой и едва заметной улыбкой толстоватых губ.

– Ты слышишь только мой голос, – начал Ефим, – тело твое наполняет нежное тепло, ты расслаблен настолько, что движения становятся невозможны. Вокруг тебя поле покрытое цветами. Ты лежишь на нем, раскинув руки. От множества соцветий исходит удивительный аромат. Ты чувствуешь его?

Вадим глубоко вздохнул.

– Замечательно! – продолжал гипнотизер. – Дует легкий ветерок, по синему небу плывут гирлянды облаков, цветет сирень. Рядом река, на ней с удочкой сидит рыбак. Поплавок неподвижно застыл на глади воды. Иногда на него садятся стрекозы. Близится полдень, поэтому клева нет. – Новоселов все это произносил медлительно с ритуальными паузами. – Внезапно порыв ветра доносит отвратительный запах. Ты это чувствуешь. Тебе неприятно. Это рыбак закурил.

В это время Благинин открыл глаза. Мгновенно усёк обстановку и характер действия, тут же разразился длинным, отборным словоизвержением, которое обычно в книгах не приводят:

– Да пошли вы к е...!

Встал, достал пачку сигарет, вынул одну и, разминая ее пальцами, вышел из комнаты.

– Пойду на улицу, покурю.

Однако через пару минут вернулся. Сигарета была потушена и почти не использована.

– Что за сорт мне подсунули! На тошноту тянет. Надо будет сходить в киоск и разобратся.

Присутствовавшие в комнате переглянулись, не проронив ни слова. Новоселов поспешно взял билеты и, опасаясь непредвиденного развития событий, тут же исчез за дверь.

## Глава вторая

*От лица автора*

### Соперничество

Раненного в живот подростка сразу же подали в операционную. На передней брюшной стенке возле пупка справа виднелась точечная рана, края ее были черного цвета. Со слов очевидцев он выстрелил себе в живот из малокалиберной винтовки. В приемном отделении осталась ждать плачущая девушка. Она сидела, немного наклонившись вперед, руки были согнуты, локти на коленях, лицо скрыто ладонками. С виду, сопровождавшая подростка, была в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Слез было много и ей приходилось периодически размазывать влагу по всей площади лица или использовать уже набухший от рыданий носовой платок. Я пытался с ней поговорить, чтобы выяснить все подробности, но ничего конкретного не добился. В историю болезни пришлось внести информацию, оставленную врачом скорой помощи. Затем я поспешил на помощь оперирующему хирургу.

Подростку повезло: пуля прошла в двух-трех миллиметрах от аорты, расплющилась, ударившись о позвонок, и хорошо прощупывалась. На своем пути она пробила петлю тонкой кишки в двух местах. Повреждения зашили, пулю извлекли. Подростка отвезли в послеоперационную палату.

Я возвратился в приемное отделение. Девушка уже не плакала.

Увидев меня, она вскочила и, подбежав, быстро затарахтела:

– Скажите, что с ним? Он будет жить? – Опять, завыв: – У-у-у... Он будет жить?

– Да успокойся ты! Все нормально с твоим другом!

– Правда? Вы не обманываете?

– Правда. А если ты все расскажешь, как было, я попрошу, чтобы тебя к нему пустили, примерно, через часик. Сейчас он спит после наркоза.

Брызнув последними слезами, и судорожно всхлипнув на вздохе, она, наконец, успокоилась.

Паспортные данные уже были записаны, поэтому я попросил рассказать ее об обстоятельствах случившегося ранения.

– Ты все видела, что произошло?

– Да.

– Где это было?

– Возле тира в парке.

– Он сам в себя выстрелил?

– Да.

– А где он взял мелкашку? – увидев, что она, то ли не поняла вопрос, то ли засомневалась – отвечать или нет, я спросил еще раз: – Где он взял мелкокалиберную винтовку?

– Ее Андрей, его друг принес. Отец Андрея физкультуру и военную подготовку в школе ведет. А зачем вы все это спрашиваете? Вы же не следователь.

– В историю болезни должно быть все записано.

– Понятно.

– Может он влюбился неудачно?

Тут девушка опять начала всхлипывать.

– Он мне проходу не дает. Такой приставучий! А я не хотела больше с ним встречаться. Он у меня пуговицу в пальто оторвал.

- И давно ты его знаешь.
- Мы вместе еще в детский сад ходили. Теперь он в училище пошел.
- Ну, и какие отношения собираешься строить с ним дальше?
- Он же меня так люби-и-и-и-т! – завывала она.
- В тире вы стреляли по мишеням?
- Да, мальчишки по очереди стреляли.
- А потом пришел Денис...
- Это кто?
- Мальчик с нашего двора. Я с ним тоже дружу. Он отличник и хорошо знает математику.

Мне помогает.

- Ну, так это же замечательно.
- В тире Жорка сказал, что если я не перестану с ним встречаться, он убьет Дениса.
- Ты имеешь в виду Жлобина Георгия, которого мы прооперировали?
- Да. Я ему ответила, что пусть лучше убьет меня. И мы с Денисом убежали. А он выстрелил со злости, лежа в тире, сначала в дерево, а потом себе в живот
- Телефон его родителей знаешь?

Она не успела ответить. В дверь приемного отделения ворвались родители пострадавшего – крупная женщина с увесистым, как подкова подбородком и среднего роста жилистый мужчина. Но это уже другая история.

## Случай в десантном полку

1

Когда заведующая хирургическим отделением Жанна Леопольдовна и я, как ассистент, зашли в операционную медицинского батальона, раненый в голову офицер лежал на хирургическом столе. Рана располагалась в правой височно-теменной области. Волосы были обриты, военный хирург обрабатывал кожу головы антисептиком. Заведующая и я возвратились в предоперационную комнату, затем после мытья рук и облачения стерильных халатов мы приступили к хирургической обработке огнестрельной раны. Выходного отверстия не было, и на рентгеновском снимке четко просматривалась застрявшая в полости черепа пуля. Было произведено трепанационное расширение раны, удалены костные отломки и частицы мозговой ткани, так называемый детрит, произведено промывание огнестрельного канала физиологическим раствором. Дальнейшие манипуляции пришлось прекратить, так как касание инструментом стенок раны в глубине тут же приводило к нарушению ритма сердца. Жанна Леопольдовна через несколько минут уехала решать очередную проблему к себе в отделение, а я с хирургом медицинского батальона наложил повязку на голову раненого, поставил свою подпись в истории болезни как ассистент и отбыл домой в комнату, которую снимал в городе.

2

Шел последний этап учений десантной дивизии. Майор Семин внимательно наблюдал, как выпрыгивали с самолета десантники третьей роты его батальона. Купола парашютов раскрывались один за другим и вскоре первые бойцы начали приземляться на зеленую траву поля. Кое-где имелись редкие поросли кустарника. Дальше за полем начинался смешанный лес, через который, извиваясь, протекала река. Его подразделение лидировало по навыкам в боевой и физической подготовке. Солдаты также хорошо отстрелялись и показали сноровку в условиях применения противником средств химического нападения. Не подкачали бойцы в политической грамотности. Им на пятки наступал батальон майора Коростылева, только что назначенного на должность. Семин выпрыгнул последним и вдруг заметил, что у одного из солдат вихревым потоком скрутило стропы, и купол парашюта полностью не раскрылся. Прыжки делались на предельно малой высоте. Время для раздумий в таких случаях практически нет. Когда Семин приземлился, он мгновенно отстегнул лямки парашюта и бросился к месту падения десантника. Солдат был еще жив. Ракита, на которую он рухнул, стояла с поломанными ветвями, а боец в неестественной позе лежал у ее ствола. Подбежали санитары и унесли упавшего во врачебный санитарный узик, дежуривший недалеко от места десантирования. «Как некстати! Только бы выжил боец!» – подумал Семин. Учения шли своим чередом. Десант начал атаку условного противника и захват плацдарма.

Пострадавшего парашютиста доставили в городскую больницу. У него оказалась множественные повреждения: тупая травма живота, ушиб головного мозга, переломы ребер, закрытый перелом правого бедра, открытый перелом костей правой голени, ссадины на лице и туловище. После дачи наркоза к делу приступили сразу две бригады врачей – хирурги и травматологи. К сожалению, спасти солдата не удалось. Он умер через несколько дней, не приходя в сознание.

Учения завершились в намеченный срок, полк возвратился в казармы.

Командир полка попросил Семина задержаться после разбора полетов.

– Иван Константинович, я мог дать тебе только третье, то есть последнее место, несмотря на все твои нынешние и прошлые заслуги. А ведь два года подряд ты был первым. Я оформил документы на присвоение тебе звания подполковника досрочно, как ты знаешь. Придется затормозить. Какая нелепая случайность! Как же это произошло? – спросил командир полка

– Все было на моих глазах. Вихревой поток. Не хватило высоты, чтобы раскрутить стропы.

– Да с такой малой высоты мы еще не прыгали. Но это не снимает с тебя ответственности. Надо было больше времени уделить тренировкам. Я назначил комиссию по расследованию этого факта. Как не хотелось, но пришлось отдать первое место этому выскочке со связями майору Коростылеву. А он же отстал от тебя по всем показателям! Ну, и последнее: приезжают родители погибшего, займись.

3

Майор Семин встретил на вокзале родителей разбившегося десантника. Подробно рассказал о случившемся. Отец солдата, участник минувшей войны, приехал забирать сына при орденах и медалях. Лицо его было хмурое, осунувшееся. Он почти не разговаривал, большей частью молчал и слушал. Мать, наплакавшись до этого, лишь изредка причитала: «Сыночек ты мой родненький!», содрогалась плечами и вытирала глаза черным платком. Семин передал деньги, собранные в полку на нужды похорон. Затем гроб с погибшим погрузили на машину, и траурный кортеж уехал на родину призывника в небольшую деревушку соседней области.

Зайдя домой, Семин обнаружил записку от жены: «Я уехала к родителям. Дочка со мной. Жить дальше в твоём захолустье без работы не могу, боюсь потерять диплом. Извини».

Майор Семин медленно шел по военному городку между казармами, автоматически отвечая на приветствия младших по званию. За последней казармой он свернул на тропинку, петляющую между сосен и ведущую к озеру, где была оборудована плавательная зона, огражденная буйками. Дойдя до берега, присел на скамейку. Ветра не было, вода как зеркало, только круги от гуляющей крупной рыбы и мальков. И вдруг перед его глазами возникло лицо заместителя командира полка по политической работе майора Сомова. Видение было настолько явственным, что Семин даже повернул голову. Рядом никого не оказалось. Видение снова начало его преследовать. Он увидел, что Сомов достал из кобуры пистолет и приставил его к виску. Семин, как под гипнозом, начал повторять движения Сомова, но в последний момент разжал пальцы. Оружие упало на землю.

– Товарищ, майор, разрешите обратиться! – перед Семиным возник посыльный из штаба.

– Да! – выходя из транса, произнес Семин.

– Вас командир полка срочно вызывает. Сомов застрелился.

Семин начал смотреть себе под ноги, намереваясь поднять упавший пистолет.

– Вы что-то ищете? – спросил посыльный.

И тут Семин обнаружил, что пистолет находится в кобуре на своем месте.

– Нет, нет. Все в порядке.

У командира полка находилось уже несколько офицеров, среди которых был полковой врач, докладывающий, что у покончившего собой недавно нарушилось зрение, и он его возил на обследование. Была обнаружена опухоль гипофиза.

P. S.

Через год батальон майора Семина стал вновь не достигаем для конкурентов. Потом служба в Афганистане. Помогал жене растить дочь. Повторно так и не женился. Выйдя в отставку, стал егерем.

## Профессиональный осмотр

К началу прохождения интернатуры за годы занятий в хирургических кружках я практически неплохо освоил многие технические приемы и способы ведения операций. Удаление нетипично расположенных воспаленных червеобразных отростков мне доставляло даже какое-то эстетическое наслаждение. Быстро заметив это, заведующая отделением Жанна Леопольдовна, разрешила мне самостоятельное оперирование при экстренной помощи и консультативные осмотры по отделениям. Надо сказать, что мои сокурсники не торопились себя проявлять и кое-что выигрывали такой тактикой. Мне же приходилось замещать заболевших хирургов в поликлинике, читать экспромтом лекции о вреде курения и пьянства или о половом воспитании, затем я готовил санитарную дружину одной из маленьких фабрик к городским соревнованиям, а сегодня мне сказали срочно идти в одно из ПТУ в качестве хирурга для осмотра обучающихся там девушек. Когда я занял свое рабочее место, перед моим кабинетом уже образовалась очередь. Девушки толпились, хохотали, повизгивали, пританцовывали.

– Девчонки, хирург пришел! – долетела до меня многократно повторенная фраза. – Молоденький!

Дальше было слышно хихиканье и многоголосый шепот.

Первой зашла изящно сложенная улыбающаяся девушка в белой кофточке и светло-коричневой юбке, на ногах у нее были колготки.

– Раздевайтесь! – сказал я.

– Как? Совсем? – переспросила она.

– Совсем! Все полностью снимайте!

Еще в период обучения в институте практикующие врачи напоминали студентам о том, что в медицине существует не писанный закон подлости. Он заключался в том, что у однажды невнимательно осмотренного больного обязательно оказывается какая либо серьезная патология, пускай перед этим ты посмотрел сотни пациентов и ничего не пропустил. Я это усвоил хорошо, поэтому поблажек ни себе, ни пациентам не делал.

– Лифчик тоже снимать? – послышался из-за шторы голос девушки.

– Да, и трусики тоже.

Но она сняла только лифчик и приблизилась к столу. У нее было все в норме. Мастопатии не было, грыж тоже.

– Геморроя нет?

– Нет!

– Показывайте! Здесь стеснение не уместно.

На осмотр у меня ушло белее десяти минут. Всего же предстояло осмотреть более пятидесяти человек. Я прикинул, что с таким темпом мне для этого потребуется около девяти часов.

– Девчата, хирург геморрой ищет! – кто-то ехидничал за дверью. – У кого геморрой, можно без очереди! – доносилось до меня.

Я вышел в коридор и сказал:

– Заходите по пять! Кто первым разденется, сразу ко мне.

Стеснение у них как-то пропало само собой. Они быстро раздевались, выстраивались нагишом в колонну по одному и подходили одна за другой, я их осматривал, делал записи и отпускал к следующему врачу.

– Доктор, а вы женаты? – вдруг спросила, подойдя ко мне, одна из девиц.

– Да! – ответил я, – но к делу это не имеет отношения.

– А мы там спорили: можно ли относиться к врачу, как к мужчине? Глядя на вас, я вижу, что можно.

– Об этом поговорим в другой раз.

– Это так интересно, а вы «в другой раз...» – Пыталась поддержать ее следующая обнаженная.

Откровенно говоря, они своими подколками мне уже начинали надоедать. Я продолжал работать, как робот, боясь, что-либо пропустить. Когда была осмотрена последняя из прибывших на осмотр девушек, мне хотелось только добраться до квартиры и выспаться перед дежурством.

## Кристалл

В то утро на работу я шел по берегу Двины. Был уже конец октября и деревья спешно сбрасывали последние оранжевые, желтые, кирпично-красные и просто пожухлые листья. Ночью некоторое время падал снежок и местами он не успел еще стаять. В месте, где река образовала песчаную косу, вернее песчаный занос, на котором вольготно отдыхала группа валунов, из невысокого прибрежного кустарника выскочил человечек в одних плавках и стал растираться полотенцем. Он был настолько маленького роста, что походил на гнома из детской сказки. Я, на всякий случай, поздоровался. Гном приветливо кивнул в ответ.

– А вам не холодно? – спросил я.

– Нет, не холодно. Пожалуй, даже жарковато, – ответил тот.

Удовлетворяя свое любопытство, я остановился и вновь обратился к гному:

– А давно вы моржуете?

– Моржую я зимой, а сегодня пришел искупаться. Если хотите, можете присоединиться. Я поежился. Дул жесткий холодный ветерок, небо хмурилось.

– Мне нравится купаться летом.

– Летней порой, – глядя на меня, говорил он, продолжая растираться, – знаете ли, кроме жары допекают еще комары, слепни, клещи и прочие твари. Ну, а так красиво, все цветет, зеленеет. Я летом уезжаю на север к знакомым.

– И далеко?

– В Мурманск. Да, большинство едет на юг, а я на север.

Гном начал молча, не спеша одеваться. По внешнему виду ему было за шестьдесят. Мышечные контуры молодости уже были утрачены, на животе появился слой подкожного жира, волосяной покров распространялся почти по всему телу, прихватив области спины и плечи. Так как время меня поджимало, я пожелал ему здоровья и заторопился в больницу, где проходил интернатуру по хирургии. День, как всегда, был насыщенным. Обход, плановые операции, экстренное оказание помощи, перевязки, консультации по отделениям больницы. Я записался сразу в две хирургических бригады, работающих в разное время. Когда закончилась вторая операция, уже начало смеркаться. Со мной обучались несколько моих однокурсников. Они также старались получить практические навыки по всем разделам хирургии.

В больницу, когда позволяло время, по утрам я добирался пешком разными маршрутами, во-первых, чтобы изучить город, а во-вторых, используя прогулку в качестве утренней физзарядки. К песчаной косе на берегу реки я подошел точно в то же время, что и вчера, но любителя зимних купаний не встретил, чем был разочарован. В больнице, переодевшись, я зашел в ординаторскую и неожиданно чуть не столкнулся с гномом. Надо сказать, что удивились мы оба. Я, будучи сам невысокого роста (немножко не дотянул до ста семидесяти), почувствовал себя неловко, когда рядом со мной оказался, едва достающий мне головой до подбородка человек в хирургическом халате, на котором было написано Кристалл Давид Соломонович. Мы познакомились. Он оказался очень эрудированным человеком, имеющим научные работы, в которых излагал и обосновывал правила наложения провизорных швов. Это швы, которые накладываются на края операционной раны, но сразу не завязываются. Это делается спустя два или три дня на перевязке.

В тот день я ассистировал ему, где увидел его способ ведения послеоперационных ран. Будучи на пенсии, он брал одно-два дежурства, чтобы удовлетворить страсть, практиковавшего более сорока лет хирурга. Несмотря на возраст, Давид Соломонович продолжал делать подписку на интересовавшие его книги. После поступления изданий в магазин, извещения отправлялись заказчиком, учитывая дату заказа. Я всегда подписывался заблаговременно и одним

из первых. Поэтому, когда я приобрел довольно интересную книгу по хирургии небольшого тиража, а ему не досталось, он был огорчен. Но мне она была нужнее.

Надо сказать, в городе в то время проживала довольно большая община евреев. Спустя двадцать лет, в годы перестройки и развала Советского Союза, большинство из них разъехались по разным странам мира в поисках лучшей жизни.

## Хостенков

– Расскажите, пожалуйста, как вам работалось в кремлевской больнице? – однажды спросил я Василия Денисовича, когда мы передевались после проведенной операции, где я был в качестве ассистента.

– Откуда ты взял, что я там работал? – и он внимательно посмотрел на меня. – Это тебе не правду сказали. Слухи все.

– А за что вы, сидели в тюрьме? – не унимался я.

– Ну, ты любопытный! Зачем это тебе знать?

– Я, ведь, тоже врач... Опыт старшего опытного коллеги не помешает.

– Хм... Довод убедительный. Мы работаем, а прокурор крамолу ищет. У каждого свои задачи. А вот скажи, почему говорят «искусство врачевания?»

– Мы же людей лечим. У ветврачей работа больше похожа на ремесло, у нас ближе к искусству.

– В принципе верно, но не совсем так, ремесленная подготовка нам еще более нужна, чем им, – Василий Денисович задумался на несколько секунд. – Нам очень важно убедить больного в необходимости конкретного лечения, а потом доказать, что оно, это лечение, было проведено правильно. Вот в чем искусство. Есть такое мнение, что если после беседы с врачом больному не стало легче, то...»

– Это не целитель, – закончил я фразу за него. – Кто-то из наших преподавателей говорил об этом.

– Вот, вот. Пойдем, покурим!

– Я не курю. Бросил.

– Да ты, наверное, еще не начинал? И не начинай! Врач не должен курить! Лучше сотку для снятия стресса.

– Так у нас стрессы каждый день.

– Это ты хорошо меня подловил на слове. Кстати, не так давно у нас одного уволили за систематическое снятие стресса.

Выйдя на лестничную клетку, Василий Денисович стал сладострастно курить сигарету «Прима», потом внимательно посмотрел мне в лицо, как бы считывая затаенную духовную информацию, мы встретились взглядами. Он отвернулся и стал смотреть в окно. Его белая медицинская шапочка сплоснулась и съехала набок, из-под нее виднелись сзади и на висках такие же белые волосы, как ткань головного убора. Он недавно вышел на пенсию, существовать на которую не хотел, поэтому продолжал работать.

– От суммы и тюрьмы не зарекайся. Сидел я, было дело, – ответил он, выпустив струю дыма.

– А за что?

– Ни за что!

– Как это ни за что?

– В наши времена сажали для профилактики. Сейчас мы можем уже многое говорить, а прежде боялись даже своих друзей. Ни за что расстреливали, не то, что сажали. Вы – молодежь, даже представить себе не можете, как вам повезло, что вы не жили в то время, не застали войны. Это великое благо. Сейчас за жалобу можно отделаться выговором.

– Так, значит, кто-то пожаловался? – пытался удовлетворить я свой интерес.

– Все, пойдем! Надо операцию оформить. Я запишу в историю, а ты – в операционный журнал. Чтоб, как у меня! Я проверю.

Один из студенческих приемов обучения заключался в добывании расположения опытных хирургов. Всегда можно было выудить у них какие-нибудь изюминки. А нюансов и тонко-

стей в силу уникальности каждого человека во врачебной работе было много. Особенно интересны были рассказы старших коллег об их ошибках. Но не все любили трогать эту тему.

## Коварство аппендицита

Аппендицит, или воспаление червеобразного отростка, это заболевание, на котором приобретают опыт начинающие хирурги, и на котором, порой, наживают неприятности опытные эскулапы. Иногда его называют хамелеоном брюшной полости по причине того, что воспаленный отросток может принимать клиническую «окраску» других острых заболеваний. Для него характерна мобильность, он даже может занимать инверсионное положение. Если он расположен в правом подреберье, то способен симулировать заболевания желчевыводящих путей, если в малом тазу, то заболевания тех органов, которые там расположены. Еще посещая студенческие кружки, я неплохо освоил технику удаления воспаленного отростка типичным и ретроградным способом. В монографиях прочел о других технических приемах.

Итак, я нахожусь на очередном дежурстве в качестве врача интерна и помощника дежурного хирурга. Мой старший коллега начал делать какую-то, уже не помню, экстренную операцию. Я занимался осмотром больных поступающих в приемное отделение и консультациями по больнице. Уже ближе к полуночи меня вызвала сестра и сказала, что инфекционист просит зайти дежурного хирурга в отделение и осмотреть поступившего два дня назад подростка. Я направился по вызову. Юноша семнадцати лет уже был осмотрен хирургом ранее. По подписи я определил своего опытного старшего коллегу. Больной жаловался на частый жидкий стул, тенезмы, тошноту и позывы на рвоту, схваткообразные боли в животе. Была повышена температура. Изменения в крови указывали на воспалительную патологию. Лечение энтероколита не давало эффекта. Я обратил внимание, что предыдущий консультант не исследовал прямую кишку. Я попросил перчатку и в смотровой установил, что имеется резкая болезненность передней стенки прямой кишки с правой стороны. Я выставил диагноз острого аппендицита, перевел больного в хирургическое отделение и с дежурной медсестрой удалил отросток, который был в стадии гангренозного воспаления и спаян со стенкой прямой кишки.

Утром после доклада о проделанной работе я вышел в коридор пообщаться с коллегами и перевести дух. В это время ко мне подошла плачущая женщина и в слезах начала благодарить за спасение ее единственного младшего сына. Мне стоило сил успокоить ее. Из ее рассказа я понял, что не так давно у нее умер старший сын, у которого не диагностировали аппендицит. Лечился он также в инфекционном отделении. Умер от перитонита.

Когда ее сынишка выписался, она разыскала меня и с выражением материнского счастья на лице решительно вручила округлый сверток. Я решил не омрачать настроение женщины и принял подарок. Это оказался добротный пятизвездочный коньяк, который с моими товарищами на одном из уик-эндов мы пустили в дело.

## Санитарная дружина

Рабочий день подходил к финалу плановых больничных событий. Хирурги собрались в ординаторской, чтобы привести в порядок истории болезни и сделать необходимые назначения постовым медицинским сестрам. Наша тройка из молодых врачей интернов старательно работала авторучками, клекая дневники, записывая проведенные манипуляции и вмешательства. В ординаторскую вошла Жанна Леопольдовна и попросила меня зайти к ней в кабинет. Я не замедлил последовать вослед.

– Из городского отдела здравоохранения пришло распоряжение выделить одного из врачей на швейную фабрику для комплектования и подготовки санитарной дружины к городским соревнованиям, которые будут в апреле, то есть через месяц. Мне направить больше некого. Ты один из интернов у нас в штате больницы, остальные прикомандированы на учебу. До двух часов дня будешь работать в отделении, а потом до пяти готовить санитарных дружинниц на фабрике. Все понятно?

– Да. А где брать учебные пособия, расходные материалы, медицинское оборудование? – решил я уточнить.

– Это все будет на месте. Директор фабрики должен обеспечить. С завтрашнего дня можешь начинать.

На следующий день в четырнадцать тридцать я уже стоял в небольшом актовом зале для проведения фабричных мероприятий. Передо мной на первых рядах сидело около двадцати молодых девчонок, начавших свою трудовую биографию сразу после школы. Директор швейного предприятия при знакомстве пояснил мне, что семейных женщин с детьми, в силу объективных причин привлечь к участию в соревнованиях нет возможности. Ну, а те, у которых дети уже взрослые, оказались либо слабы здоровьем, либо очень заняты. Методическое руководство по предстоящей работе я раздобыл в больнице.

Лица моих учениц композиционно и каждое по отдельности изображали выразительную скуку и полное отсутствие интереса к предстоящему мероприятию.

– Добрый день! – поприветствовал я своих подопечных.

В ответ прозвучало нечто минорное из нескольких голосов одновременно.

Я представился и сказал, что сегодняшнее занятие будет посвящено обретению навыков наложения повязок. Слушатели приободрились, отсканировали меня взглядами, а некоторые даже изобразили интерес. Я начал показывать, как нужно накладывать повязки на пальцы кисти, на саму кисть, на стопу, голову, суставы. Мои подшефные разделились на пары, и дружно начали тренироваться. Они поочередно наматывали бинты друг на друга. Актовый зал стал похож на лазарет. Скука и уныние аудитории куда-то исчезли.

В разгар тренировки появился директор фабрики и, увидев масштабность действия, изобразил лицом и всем своим массивным телом удовлетворение, а затем, подойдя ко мне, произнес:

– Если что-то потребуется, обращайтесь.

– На следующее занятие потребуются шины и носилки, – проинформировал я начальника.

– Распоряжусь. Все будет.

В течение месяца дружинницы переносили «раненых» через препятствия, размещали их в грузовом автомобиле и медицинском узике, изучили медицинские укладки, надевали противогазы и средства химической защиты на время. К назначенному времени дружина была в полной боевой готовности.

В городских соревнованиях участвовало около десятка команд. Швейная фабрика по сравнению с гигантами индустрии Полоцка была маленьким предприятием, которое должно

было обеспечивать массовку. Грамоты за первые два места уже были заполнены, третью оставили пустой на всякий непредвиденный случай. И вот начались соревнования. Судьи строго фиксировали время. Молодежная сборная швейной фабрики не оставляла никаких шансов возрастным степенным составам команд из других предприятий. Несмотря на ухищрения и недобросовестность судей назревал скандал: нужно было переписывать грамоты. Судейская коллегия, чтобы не упасть в грязь лицом, пошла на ухищрение и срочно заменила состав аптечек. Об изменениях девушек из моей команды не оповестили. Естественно, были сняты баллы, и в итоге команда заняла третье место. Директора фабрики распирало от гордости, а у санитарных дружинниц было смешанное чувство – и разочарование, и досада, и осознание несправедливости. Но ничего сделать уже нельзя было. Вскоре все успокоились и начали принимать поздравления от городского начальства.

## Дизель-поезд и стоп-кран

*Сумасшедший, влюбленный и поэт – воплощенное  
воображение. В. ШЕКСПИР*

Она была такая же, как и другие дети: играла, резвилась, иногда ссорилась, была подвижной, общительной, не без чувства собственного детского достоинства. Почему родители назвали ее Линда? Как мне удалось выяснить, имя Линда встречается в эстонской мифологии. Линда была женой великана Калева, она же мать героя Каливепоега. Линда на португальском языке означает предел чего-либо. В Нижегородской области есть река и населенный пункт с таким буквенным сочетанием. В дошкольном возрасте дети по-разному общаются между собой, но большей частью мальчишки с мальчишками, девочки с девочками. Интерес к противоположному полу появляется позже, где-то в младших классах и достигает своего расцвета к совершеннолетию. Однажды Линда ощутила после ссоры матери с отцом и последующего их развода, что мальчишки ей прекратили нравиться, даже стали внушать, если не отвращение, то, по крайней мере, чувство неприязни. А в старших классах у представителей мужского пола стали меняться голоса. Если раньше на уроках пения они вписывались мелодично в общий хор, то теперь наоборот хотелось, чтобы они закрыли рты и не произносили ни одного пискливого звука, похожего на петушиное кукареканье. Юноши стали быстро расти и превращаться прямо на глазах в долговязых и неуклюжих созданий с неумеренным аппетитом. У них начали проклевываться усы, на щеках и подбородках расти волосы. Некоторые стали даже бриться. Девочки же наоборот округлялись и хорошели. Мальчишки теперь по-взрослому засматривались на девочек и завязывали с ними дружеские отношения. У Линды была подруга Снежана, к которой она была привязана всей душой. И когда у Снежаны появился мальчик, с которым она стала проводить больше времени, чем с ней, Линда ощутила жаркий прилив ревности. Наверное, в то время она впервые поняла, что влюблена в Снежану. У нее были даже стычки и ссоры с новоявленным другом Снежаны. Когда она поняла, что подруга отдалилась от нее, она словно заболела, стала грустной и рассеянной, но ей удалось превозмочь свои чувства благодаря общению с другими сверстницами. Линда еще не осознавала, что ее совершенно не тянет к отношениям с мужским полом. После окончания школы она долго мучилась в выборе профессии, но, в конце концов, сдала документы в медицинское училище и стала медицинской сестрой. Однажды она пошла в ресторан и там познакомилась с двумя молодыми докторами, проходившими стажировку. Потом решила пойти к ним домой. Когда после хорошего ужина с вином дело дошло до откровенного сексуального предложения, она вдруг почувствовала приступ отвращения, вскочила, схватила свои одежды и стремглав умчалась с явочной квартиры. Удаляясь, как спринтер по улице, она слышала удивленные голоса молодых людей, выбежавших вслед за ней с целью выяснить мотив ее поступка. На работе в терапевтическом отделении она была на хорошем счету. Когда Линда смотрелась в зеркало, то с удовольствием отмечала у себя, как ей казалось, мужские черты лица. Ей нравились ее прямые брови, ровный без горбинки и не задранный кверху нос, закругленный, но не угловатый подбородок, ровное гладкое пространство щек, сжатые губы, серьезный взгляд. Вскоре она подружилась с новенькой медсестрой, принятой в отделение сразу после училища, и на первых порах помогала ей освоиться на новом месте трудовой деятельности. Ею новая подруга жила в общежитии, а у Линды была двухкомнатная квартира, которую ей оставили родители, уехавшие куда-то в сельскую местность. Линда предложила подруге жить вместе. Но, примерно, через неделю ее квартирантка почему-то вернулась обратно. Было заметно, что между ними загулял холодок. Новая медсестра старалась избегать общения с Линдой. В августе месяце в больницу прибыла целая группа врачей интернов для прохождения практики. Среди них была и Роза Давидовна Шней-

дер, будущий психиатр, среднего роста, с маленькими черными волосами на верхней губе и щеках, которые ее не портили, а наоборот придавали некую пикантность. Она иногда консультировала больных с психическими нарушениями в терапевтическом отделении. Роза Давидовна своим профессиональным взглядом сразу выделила Линду среди других сотрудниц отделения, заметив в ней, как она выражалась, поведенческий эксклюзив. Постепенно от отдельных реплик в общении с постовой медсестрой Линдой Роза Давидовна перешла к беседам о жизни, а она умела это делать профессионально. Линда доверительно рассказала все о себе, о своих чувствах и переживаниях. Она привязалась к Розе Давидовне и при малейшей возможности искала с ней встречи. Общение с психиатром становилось для Линды потребностью, которая постепенно превращалась в зависимость и страсть. Ей надо было разобраться в себе. Роза Давидовна объяснила Линде, что у каждого человека, кроме морфологической и анатомической принадлежности к определенному полу существует и душевное или психическое самоощущение. У большинства людей одно соответствует другому, но у некоторых случаются сбои. Это болезнь. Механизм этих нарушений пока не раскрыт.

– Я чувствую себя такой, как есть, ничего не собираюсь менять, но я сторонюсь мужчин, они вызывают во мне противоречивые ощущения. Я не могу терпеть некоторые запахи, которые они источают, но мне нравится иметь мужские черты характера, – делилась своими ощущениями Линда в одной из бесед с Розой Шнейдер. – Выходит, что я не такая, как все, то есть ненормальная, а раз ненормальная, значит, больная.

– Уникальность, индивидуальность, неповторимость это достояние, если помогают приспособиться в обществе и добиться успеха, а если наоборот мешают жить, то относятся к болезненным проявлениям, – поясняла Роза Давидовна.

– Похоже, что жизнь так устроена, что одним все, а другим остальное, то есть отходы от пиршества. Не приспособился – умирай. Я же в школе учила биологию, знаю про теорию Дарвина.

– У людей, как существ обладающих разумом, все не так. Существует целая социальная система помощи детям, старикам, инвалидам, больным. Ты же здорова, имеешь образование, место работы, круг общения. А с личным самоощущением надо тебе, прежде всего, самой разобраться.

Если хочешь, я поговорю с заведующим психиатрическим отделением, и мы тебя обследуем в стационаре.

– О, нет! В психушку не пойду.

– Можно в амбулаторном порядке сделать электроэнцефалографию, обследовать гормональный фон...

– Да, не делайте вы из меня больную! Можно мне иногда только с вами встречаться? – с надеждой в голосе спросила Линда.

– Конечно, можно, – ответила доктор Шнейдер и отдала Линде истории болезни, в которых она оставила свои консультационные записи.

Время летело стремительно. Прошелестел багряной листвой октябрь, стало хмуро, дождливо, зябко и сыро. В ноябре начал периодически выпадать снег и пропадать в слякоти дорог. Зимой большинство врачей-интернов занялось личным самоопределением: девушки выходили замуж, парни женились. Состоялась помолвка и у Розы Давидовны с одним из местных соплеменников. В силу разных причин Линда не смогла уже так часто, как ранее встречаться со своим доктором, поэтому она стала писать ей письма со своими откровениями. Линда не была лишена дара образности, и послания у нее получались яркими и чувственными. Она открытым текстом не писала о своей любви, но эта душевная волна прорывалась почти в каждой строчке лирическим орнаментом. В начале июня группа интернов садилась в дизель-поезд, чтобы выехать в областной центр с отчетами о проделанной работе и полученных практических навыках. Среди них была и Роза Шнейдер. Я со своей женой сокурсницей и другом Ефимом

Новоселовым, проходившим подготовку по психиатрии, уселись на скамью неподалеку. После объявления диктора о начале движения поезд медленно двинулся с места и стал набирать обороты. Вдруг через мгновение произошло резкое торможение. Поезд остановился. Через открывшиеся створки тамбурной двери в вагон быстро вошла Линда, отыскала взглядом Розу Шнейдер, подошла к ней и уселась напротив. Из ее глаз текли слезы. Роза Давидовна тоже была сконфужена.

– Я вас люблю! – сквозь слезы проговорила Линда.

Дальше наступила минута оцепенения у всех, кто наблюдал эту сцену. В вагоне появились в железнодорожной форме двое мужчин и одна женщина, подошли к Линде и спросили:

– Это вы сорвали стоп-кран? Предъявите свой билет!

– Я сейчас выйду, – ответила Линда. Затем, повернувшись к своему доктору, тихо сказала: – Прощайте!

За окном мелькали деревья, лужайки, домики, по небу плыли белые облака. Мы долго смотрели в окна, не проронив ни слова. Разговор что-то не клеился.

#### *Постскриптум*

Кто-то из знакомых дал совет матери Линды свезти дочь к деревенской старушке шептунье, как ее называли местные. После длительных препирательств и уговоров девушка согласилась. Бабуля побеседовала со своей пациенткой, напоила чаем, все хорошенько расспросила, оставила на ночевку. Выяснила также, что ее отец часто ссорился с матерью, бил ее до синяков и крови, а потом бросил, найдя себе новую жертву. Психика Линды была травмирована. С собой Линде она дала настой трав, рассказала, по сколько капель надо ежедневно употреблять. Посоветовала сменить ей место работы и прийти через месяц.

При повторной встрече Линда с трепетом в душе поведала целительнице, что у нее словно пелена упала с глаз, что она совсем по-другому теперь смотрит на мир и видит себя в нем. Вскоре она вышла замуж за одноклассника и родила сына.

## Диктофонный центр

Сколько времени необходимо врачу тратить на больного? Начальники от медицины и специалисты по организации здравоохранения устанавливают и обосновывают нормы приема больных в поликлиниках, рассчитывают нагрузку врачей в стационарах и требуют, как показывает жизнь обоснованно, фиксировать каждый момент в контакте с больным письменно. Так сколько же времени нужно врачу на одного больного? На первом этапе ровно столько, чтобы поставить правильный диагноз! Ни более, ни менее. Иногда это может занять одну-две минуты при ранениях с острыми кровотечениями, повреждениях, асфиксиях, когда промедление смерти подобно. В других случаях, наоборот торопить умозаключение не следует, а есть смысл использовать все современные методы диагностики и лабораторных исследований. Далее следует второй врачебный этап траты времени на больного – подготовка к оказанию и само оказание ему помощи. Остановка наружного кровотечения может занять несколько минут, а, например, подбор и пересадка органа несколько месяцев и даже лет. На третьем этапе в послеоперационном периоде или после проведения интенсивной терапии врачу необходимо уделять время мониторингу возможных осложнений и далее контролировать ход выздоровления и реабилитации. Итак, как же дать врачу больше времени для занятия искусством врачевания? Над этим вопросом вдохновенно ломал голову главный врач полоцкой городской больницы имени вождя мирового пролетариата в начале восьмидесятых годов и решил осуществить одну идею, благо были богатые спонсоры в лице руководителей полоцких преуспевающих предприятий. Идея заключалась в создании диктофонного центра. Врачи в ординаторских поочередно должны были наговаривать в микрофоны тексты дневников, эпикризов и при необходимости прочих документов.

Борис Шульман, врач-интерн по хирургии перебирал кипу бумаги, выискивая свою дневниковую распечатку за вчерашний день. Найдя ее, он радостно улыбнулся, так как осталось только прочесть текст, и приклеить. Он начал читать про себя, лицо его сделалось озабоченным, потом взял ручку и начал исправлять орфографические и смысловые опечатки. Печатный текст запестрел от внесенных исправлений.

– Ничего не пойму. Ну, и печатают, – через некоторое время послышался его возмущенный голос. – Жалобы на понос и челюю роту.

– А что тут понимать? – отвлекшись от работы с историями, ехидно ухмыляясь, сказал Сапожков Александр, который как и многие из нас, в следующем году призывался на два года в армию. – Жалобы на понос у целой роты! Ха-ха-ха...

Захохотала вся ординаторская.

– Я чувствую, что ты уже готов к армейской службе, – пытался парировать Борис. – Так что же я диктовал? – Наконец, догадавшись, радостно произнес: – Жалобы на понос и частую рвоту. Исправляем...

– А у меня вместо «эпигастральной» напечатали «астральной», вместо «медиально» «миндально», а червеобразный отросток стал «чертообразным», – начал перечислять ошибки хирург Стасевич.

В это время подошла заведующая отделением и заявила:

– Истории с исправлениями принимать не буду. Или переписывайте от руки, или отдавайте на перепечатку.

Надо отдать должное машинисткам: с каждым днем они делали все меньше ошибок. Там, где они не понимали продиктованной информации, оставляли пробел, чтобы нам можно было вписать слово или предложение от руки. Однако, диктофонный центр, по сути, ничего не решал, а только создавал путаницу. Во всех экстренных случаях истории болезни по-прежнему оформлялись авторучками, масса всевозможных журналов, велась, как и раньше. Напра-

шивался вывод: ради единственно дневниковых записей и эпикризов содержать такую недешевую структуру не имело смысла. Что стало с этим экспериментальным диктофонным центром мне неизвестно, так как через несколько месяцев я вместе с другими выпускниками отбыл к назначенному месту работы и службы.

## Врачебный экстрим

Интернатуру Ефим Новоселов проходил в городе Полоцке вместе с группой однокурсников. Четверка молодых врачей специализировалась по хирургии, один по травматологии, трое по терапии, двое по психиатрии. У всех, кто не подлежал призыву на армейскую службу, было уже определено место работы. Летом после сдачи экзамена по избранной специальности они должны были убыть по назначению. Общежитие от больницы не предоставлялось, по сему интернам приходилось снимать жилье. Камский и Новоселов за умеренную плату обосновались на соседних улицах. К началу седьмого года обучения они еще не были женаты, но именно в этот период интерны за редким исключением решали свои семейные проблемы. Новоиспеченных докторов пока еще общей практики руководство медицинских учреждений нагружало по полной программе и без всяких снисхождений. Многочисленные общественные поручения, несомненно, затрудняли обретение необходимых навыков, но с этим приходилось мириться, как с объективной данностью. Вместе с Ефимом делу психиатрии обучалась Роза Шнейдер, незамужняя, но уже имевшая на примете соплеменника из местных жителей, который был гораздо старше ее и пережил неудачную пробу в браке. Новоселов переписывался с однокурсницей, которую отправили в другую область. Церемониальное свадебное мероприятие у них было назначено на весну. Камский определил свое семейное положение в начале зимы. Пока вчерашние студенты еще были холостяками, они собирались вместе, на дни рождения. Но это случилось лишь пару раз.

В тот день Камский ассистировал в онкологии вначале на удалении желудка, затем помогал заведующему на операции экстирпации прямой кишки. Всего пришлось простоять за столом около девяти часов. На съемную квартиру Игнат пришел уставший. Поджарив себе яичницу на сале и разогрев картошку, быстро употребил свой энергетик и рухнул на тахту. В это время раздался звонок, но его Игнат уже не слышал, так как был полностью во власти подсознания. Хозяйка, пожилая одинокая женщина, открыла дверь. На лестничной площадке стоял Новоселов. Так как он ранее бывал у Игната и был знаком с владелицей квартиры, то та его пропустила без вопросов. Услышав звук открывающейся двери в комнату, Камский проснулся и посмотрел на своего товарища, который был непривычно взволнован.

– Привет, Игнат!

– Привет!

– Не помешал?

– Мы хирурги привычны к побудкам. Да еще успею до утра выспаться. У тебя что-то случилось?

– Да, в общем, ничего особенного, но неприятно.

– Ну, не тяни, выкладывай! Сейчас я чайку заварю.

Камский отправился на кухню и поставил на плиту греться чайник, Ефим сел на стул за столом в комнате Камского. Через несколько минут Игнат принес две чашки с ароматным напитком и пачку шахматного печенья.

– А у тебя что-нибудь покрепче нет?

– Ефим, ты же не пьешь!

– Есть повод.

– Неужели такой серьезный?

– Стресс надо снять.

– Есть полбутылки водки, со дня рождения осталась.

– Налей рюмку!

Игнат достал из шкафчика бутылку и стопку, налил другу. Тот залпом выпил, поморщился и зажевал печеньем.

– Ну, посвящай в курс дела!

– Понимаешь, несколько дней назад поступил к нам на лечение больной с алкогольным психозом. Употреблял без перерыва больше недели. Амбал, каких я еще не видел. Два с хвостиком ростом, размах плеч чуть ли не метр. В морской пехоте служил. Ну, я снял интоксикацию, прокапали его, контакт доброжелательный установился. Я предложил ему провести несколько сеансов гипноза, чтобы снять зависимость. Он, как мне показалось, даже обрадовался. Все шло как обычно. Я погрузил его в сон, затем начал потихоньку подводить к пониманию вреда алкоголя и отвращения к нему. И вот тут он взбесился, схватил меня за грудки, пуговицы халата сразу посыпались, распрявился и поднял меня, упер головой в потолочный угол. Его глаза были бешеные, безумные, словно что-то ищущие. Со стола посыпалась документация, папки и все что стояло. Я подумал, что все, кранты. На шум прибежала медицинская сестра и позвала санитаров. Вчетвером его едва скрутили и то после введения седативного препарата. Придя в себя, он уже ничего не помнил.

– Да, неприятный момент. Мне Бахтин рассказывал про твой сеанс с Благининым? Там тоже было что-то похожее.

– Ну, так он только матюгнулся.

– Я полагаю, что ты интенсифицируешь процесс. Хочешь сделать все максимально быстро. Надо как-то смягчить методику.

– Да, у меня уже больше десятка успешных результатов.

– Как говорится, человек – это загадка, ответы у которой всегда разные. Тут не угадаешь. Психофизика. Может еще стопочку?

– О, нет! И так нарушил свою жизненную установку. Да, люди непредсказуемы, как и все случайности. Ладно, я пойду.

Друзья расстались. Камский поставил будильник на шесть ноль-ноль и погрузился в сон, чтобы утром в обновленном состоянии духа приступить к делам.

## Интерны тоже женятся

Первый и, как оказалось, решительный удар по холостяцкому положению врачей интернов из числа мужчин, набравшихся опыта в городской больнице, нанес Камский. Он полагал, что неплохо устроился, так как снял отдельную комнату у одинокой уже в годах женщины за умеренную плату в пятнадцать рублей. Но потом начали возникать некоторые сложности: дважды молодой доктор не досчитывался нескольких купюр из своих скромных сбережений, но отнес это на свою забывчивость или неточность при подсчете. Но потом пропала целая треть средств, взятых у родителей для обручальных колец на свадьбу с Сильвией. К этому времени хозяйка подселила к себе свою племянницу непонятного поведения, у которой был ребенок, где-то и кому-то оставленный на попечение. Обоих Игнат несколько раз заставал в нетрезвом состоянии. С хозяйкой состоялся не очень лицеприятный разговор, но в ответ послышалось, мол «деньги надо лучше прятать, а не оставлять в тумбочке». Ситуация прояснилась. Оставаться после торжества на этой жилой площади не хотелось. Сильвия решила пожить некоторое время, пока не найдется подходящее жилье, на старом месте, а Камский перебрался к своему товарищу Ефиму Новоселову.

В тот период, когда Камский ютился у своего друга, все свободное время он отдавал поиску жилья. Ефим в очередную пятницу уехал домой, а возвратился только в понедельник в приподнятом настроении. На правой руке у него сверкало золотым отливом обручальное кольцо.

– Поздравляю тебя Ефим с окончанием холостяцкой жизни! – сказал ему Игнат при встрече.

– Спасибо. А ты, как я вижу, уже собрал вещи.

– А что их собирать, полчемодана.

– Нашел квартиру?

– Да, на краю города и без удобств.

– Не лучший вариант. Может мне уступить вам, а я в ординаторской поживу?

– Нет, Ефим, не надо. Ты замечательный товарищ. А сам как то?

– Мы с Татьяной до окончания интернатуры поживем в разных областях. Другого варианта нет. А летом сдаем последний наш экзамен, прощай alma mater и армейская служба. Короче говоря, обстоятельства подскажут

– Понятно. Ну, пока. Спасибо за гостеприимство!

В новом снятом жилье Камскому пришлось воду носить из колонки, печи топить, и все естественное тоже на улице. И только через месяц Сильвии повезло договориться с больничным врачом гинекологом Еленой Яковлевной. Она сдала одну комнату на время убытия мужа научного сотрудника в командировку, связанную с учебой. Молодые люди вздохнули облегченно. Горячая вода, газ, тепло, ванная с отдельным санитарным узлом, полки с множеством подписных изданий – все было на вершине блаженства. Оставалось только надеяться, что по возвращении хозяина квартиры, тот не выставит их на улицу. Но уже приближалась весна, а там завершение интернатуры и самостоятельная трудовая жизнь

Остальные врачи-интерны сдавались инстинкту продления рода неспешно, но неотвратимо.

## Бурановская ЦРБ

Когда миновало два года работы, хирург, прибывший по направлению в районный центр Бураново, написал заявление на увольнение в связи с переходом на работу в другую теперь уже городскую местность. Главный врач задержал его на разрешенный по трудовому законодательству месяц, а потом отпустил с миром. Сразу же сложилась критическая ситуация. Оперировать больных стало некому. Полставки, правда, имел заместитель по медицинской части, он же давал наркоз в экстренных случаях и, к счастью, врач гинеколог была из местных. Хирурги соседнего крупного административного центра выезжали по звонку для оказания содействия, несмотря на то, что были перегружены, а это вылетало больнице в копейчку, в связи с дополнительными транспортными расходами.

Камский Игнат (по отчеству Павлович, но по причине молодости его называли в основном по имени и фамилии), проходивший интернатуру в городской больнице имени вождя мирового пролетариата, знал о трудностях в соседнем райцентре. Вместе с ним готовились к самостоятельной работе на хирургическом поприще еще три однокурсника, но никто из них больших побуждений к работе на районе не имел. Игнат же, заинтересовавшись открывшейся перспективой получить дополнительную практику и прибавку к скудной зарплате интерна, обратился к заведующей хирургическим отделением с просьбой направить его туда вместо убывшего эскулапа:

– Жанна Леопольдовна, отпустите меня в Бураново. Я справлюсь.

Заведующая была опытным хирургом со стажем работы более двадцати лет. Она сосредоточенно посмотрела на молодого коллегу:

– А что, это выход. Экстренные операции ты уже освоил хорошо. В июне интернатура у вас заканчивается, и вы сдаете экзамен. Значит, всего-то через пару месяцев вы уже поедете на места самостоятельной работы.

Через день Игнат уже писал заявление главному врачу Бурановской больницы о приеме на работу на полторы ставки врачом-хирургом. Весть о том, что прибыл новый хирург, молниеносно разнеслась по соседним деревням и в первый же день работы на прием в поликлинику дружно пошли больные с грыжами, липомами, атеромами и прочей патологией. Затем Камскому пришлось спешно идти в отделение, где его уже ждала женщина с полугодичным ребенком, у которого в правой паховой области образовался абсцесс в результате воспаления лимфатического узла. Заместитель главного врача, подрабатывавший анестезиологом, накапал несколько капель фторотана на маленькую салфетку и приблизил ее к носику малыша, тот мгновенно уснул. Быстрым движением скальпеля после предварительной пункции иглой Игнат вскрыл абсцесс, удалил гнойное содержимое, вставил резиновый дренаж и наложил повязку. Хирургическое отделение стало быстро заполняться экстренными и плановыми больными. В один из дней на машине скорой помощи доставили грузную женщину, которая из-за своего веса не могла даже самостоятельно выйти, и ей пришлось помогать. Рост у нее был ровно сто пятьдесят сантиметров, а вес сто шестьдесят килограмм с хвостиком. К огорчению Камского клинические симптомы острого аппендицита были налицо. На животе у больной располагались три жировых кожных складки, нависавших одна над другой, как уступы над каньоном. Игнат решил на первый звонок за несколько дней самостоятельной работы, чтобы спросить совета у старших и более опытных коллег. Обязанности заведующего в тот момент выполнял Хостенков.

– Ну, что там у тебя? Выкладывай! – послышался его бодрый и уверенный голос.

Выслушав внимательно все, что сказал Камский, он переспросил:

– И ассистентов нет?

– Гинеколог и заместитель главного куда-то выехали.

– А как до этого оперировал?

– С медсестрой.

– Ну, так и продолжай! Прислать на помощь никого не могу. Все заняты. Попробуй холод на живот и стрептомицин внутримышечно. Может, приступ купирруется. Все пока.

В трубке слышались короткие гудки.

Резиновый пузырь со льдом через тканевую прокладку Игнат решил попробовать, а от введения антибиотиков отказался. Одновременно сказал сестре готовиться на операцию. Симптоматика воспалительного процесса у больной нарастала. Когда биксы с материалом принесли из автоклавной комнаты, и был накрыт стерильный стол, больную подали в операционную. С помощью первой простыни подняли и зафиксировали молочные железы, первую жировую складку приподняли еще одной простыней, очередная простыня зафиксировала вторую жировую складку, третья расправилась. После этого открылось взору операционное поле. Обработав кожу и сделав местную анестезию, Камский произвел разрез достаточного размера для манипуляций. Для разведения краев раны пришлось использовать специальный расширитель, как при лапаротомии. Кожа оказалась тоненькой, а подкожный жировой слой был по толщине более десяти сантиметров. Мышцы брюшной стенки оказались дряблые и легко разошлись под пальцами. Жировой слой перед брюшиной был около трех сантиметров. К радости Игната червеобразный отросток находился в типичном месте и вольготно возлежал на петлях кишечника такой же тучный, как его хозяйка. Брыжейка отростка, представлявшая собой также особый жировой слой, от наложения зажима просто расслаивалась, как под ножницами. Удаление отростка было типичным. Обеспечив гемостаз, Камский послойно ушил рану.

В приемном отделении уже находился мальчик пяти лет, но почему-то без родителей. У него тоже болел живот, была рвота, язык сухой. Анализ крови показал повышенное содержание лейкоцитов. При осмотре диагноз острого аппендицита не вызывал сомнений. Масочный наркоз эфиром дала опытная пожилая медсестра. Поддержав мальчика, пока миновала стадия возбуждения, Камский ушел мыть руки. Затем облачившись в стерильный халат и хирургические перчатки, приступил к делу. Отросток был на стадии гангренозного воспаления, но удалился легко, так как лежал поверхностно. В день выписки мальчика забрала бабушка. Родители почему-то так его ни разу и не навестили.

Примерно дней через десять самостоятельной работы Камского к нему нагрянул главный хирург области. Он внимательно ознакомился с ведением историй болезни, осмотрел всех больных. Особенно впечатлила его пациентка с избыточным весом. Увидев на перевязке, что ее рана зажила первично, ревизор не скрывал своего удивления. На прощание сказал спасибо, пожал руку молодому хирургу и уехал.

– Игнат Павлович, идемте перевязки делать! – услышал он голос медсестры, работавшей в перевязочной.

Для удаления омертвевших тканей на кистях рук подали старика Аркадия Трофимовича, которому шел девятый десяток. Он обморозился в начале марта, когда еще случались сильные морозы. Жил он один. Старуха его умерла. Дети выросли и теперь обитали со своими семьями где-то по республикам Союза. Неподалеку от него проживали по соседним деревням такие же немощные, как и он, родные брат и сестра. Для топки печи старику понадобились дрова и хворост, и он побрел в соседний кустарник. Но память и ориентировка на местности в таком возрасте дают сбой. Он заблудился. Когда силы совсем покинули его, он обреченно сел на пенек, дожидаясь своей кончины. В это время к нему в дом постучала соседка.

– Аркаша, ты дома? – позвала она.

Никто ей не ответил. Затем она заметила следы, ведущие к зарослям ольхи и раkit. Из-за любопытства она пошла по ним и вскоре обнаружила старика, сидящего на пенке. Свой единственный и любимый топорик он держал на коленях. Старик не подавал признаков жизни. Соседка спешно вернулась в деревню и, увидев двух бредущих по дороге мужиков, закричала:

– Люди, пачакайте! – те остановились. – Аркашка помер. Сядзиць на пни у кустах и тапор у руках трымае.

Аркадия на санках привезли домой.

– Без сознания, но жив, – констатировала фельдшер-пенсионерка, работавшая в деревенской амбулатории.

Пострадавшего доставили в районную больницу. После случившегося психика у старика окончательно вышла из строя, и он стал невменяем. Однако раны, оставшиеся после удаления отмороженных пальцев и участков некроза, заживали удивительно быстро. Спустя некоторое время его перевели в дом-интернат для престарелых и немощных людей.

## Стерилизация

Семья Зуевых жила на некотором отдалении от деревни, нельзя сказать, что на хуторе, но не подходило слово и по соседству, так как соседей, как таковых не было. Короче говоря, обитали на отшибе. Главу семьи звали Харитон, его жену Пелагея. Через несколько лет совместной жизни у них появился сын, названный Тарасом. И только, спустя десять лет, когда их первенец не без труда одолевал третий класс, в их семье родилась дочь Клавдия.

Зуевы трудились в колхозе на общих работах, пахали и засеивали свой огород, регулярно гнали самогон, который употребляли в большом количестве по поводу и без такового с особым сладострастием. До полутора лет Клавдия не ходила, а до четырех не могла научиться говорить. Ее, по достижению восьми лет, отвели в первый класс, но девочка к учебе была неспособна.

Тарас одолел с невероятным старанием и участием учителей начальную школу, выучился на тракториста, женился. От коллективного хозяйства молодой семье был выделен дом и земельный надел. Вскоре и молодых супругов появился мальчик.

Об умственном недуге Клавдии знала вся околица, и ей, видимо, суждено было всю жизнь ходить в девицах, ибо представить себе то, что на ней мог кто-либо жениться, было непостижимо трудно. В деревне всегда мелькало немало заезжих, проезжих, гостящих и отдыхающих мужчин. Кто и когда лишил Клавдию девственности неведомо, так как свидетелей этого процесса не было. Она сразу же забеременела. Старик Харитон и Пелагея заподозрили дело неладное, когда Клавдия пополнела, а живот у нее зримо округлился.

Старик свозил ее к врачам, а те констатировали беременность и поставили на учет. Когда родился ребенок мужского пола, его пришлось отдать в интернат, так как мать ухаживать за ним не могла по известным причинам.

Харитон вскоре умер, хлебнув не в меру первача. Пелагея и Клавдия остались вдвоем.

– Мне нужен ваш хирург, Камский, – обратилась заведующая гинекологическим отделением Акунина Зоя Петровна к старшей операционной сестре Потаповой Алесе.

– Он сейчас на поликлиническом приеме.

– Мне надо с ним поговорить.

– Я передам, что вы его искали.

– Пусть идет сразу к нам в гинекологию. Я его буду там ждать.

Приняв поликлинических больных, Игнат поспешил в гинекологию.

– Здравствуйте, Зоя Петровна.

– Игнат Павлович, мне нужен ассистент.

Камский первое время никак не мог привыкнуть, когда к нему обращались по имени отчеству, отчего чувствовал легкий душевный приятный быстро преходящий дискомфорт.

– Я сейчас как раз свободен и могу помочь.

– Дело в том, что нужно стерилизовать одну беременную женщину.

– По какой причине?

– В течение последних четырех лет она поставила в детский интернат троих детей с умственной отсталостью. Ей также выставлен диагноз олигофрения. Вопрос решался в области, рекомендовано прерывание беременности и перевязка фаллопиевых труб. Вот история болезни, можете ознакомиться. Минут через пятнадцать жду вас в операционной.

После рассечения мышц передней брюшной стенки, перевязки сосудов и разведения краев раны гинеколог пальцами раздвинула мышцы матки. Из раны хлынул поток околоплодных вод смешанный с кровью. Быстро был извлечен двадцати четырехнедельный плод мужского пола. После пересечения и перевязки пуповины он тут же посинел. Санитарка обернула его в пеленку и куда-то унесла. Затем произвели ручное отделение последа. В матку ввели

питуитрин, и она тут же сократилась. Фаллопиевы трубы пересекли в двух местах каждую и перевязали.

Клавдия, будучи в отделении, выглядела несведущей спокойной и отрешенной от проблем бытия, как обычно. Через неделю она была выписана.

В родной деревне Клавдия при виде мужчин расплывалась в белозубой загадочно безумной улыбке. Больше она уже не беременела.

## Травма пальца и щука

Однажды на поликлинический прием доставили женщину, левая кисть руки которой была замотана полотенцем пропитанным кровью. Сняв импровизированную повязку, Камский увидел, что указательный палец держится только на сухожилиях сгибателях, мягких тканях при них и узкой полоске кожи. Кровотечения не было.

– Как вы получили травму? – спросил он у пациентки.

– На работе нечаянно тесаком.

Основная фаланга пальца была разрублена строго посередине.

– Новокаин переносите, аллергии нет?

Получив отрицательный ответ, Игнат распорядился вести пациентку на обработку раны. Он, насколько это было возможно, зафиксировал поврежденные сухожилия разгибатели, наложил швы на кожу, затем стерильную повязку. Движения пальца ограничил с помощью гипса. Больная с открытым больничным листом была отправлена домой. Так случилось, что до дня своего убийства, Камский ее не видел. Листок нетрудоспособности ей продлял заместитель главного врача, он же снял швы с кожи. В начале четвертой недели после травмы женщина прибыла на осмотр. Гипс она сняла накануне самостоятельно, а хирургу радостно продемонстрировала полный спектр движений пальцами кисти. Травмы, как и не было. Затем она извлекла из авоськи увесистый матерчатый пакет, из которого торчал хвост щуки, и протянула его доктору.

– Это вам за хорошую работу!

Женщина трудилась в рыбоводческом совхозе.

Уха была вкусной.

## Кононов

Когда Камский подрабатывал в Бурановской районной больнице, он неожиданно-негаданно встретился там с прикомандированным на пару недель из областного центра Кононовым Георгием, который также призывался в армию на два года в качестве врача и проходил специализацию по терапии. Георгий был значительно выше среднего роста, подтянутый, несколько худощав. Лицо благородное классически с соблюдением всех пропорций и золотых сечений ото лба сужающееся к подбородку было покрыто легким весенним загаром. Взгляд был открытый со слегка насмешливым прищуром. Волосы русого цвета с зачесом набок. Местные незамужние девушки из числа медицинского персонала и недавних школьниц тут же положили на него глаз, узнав через отдел кадров и секретаря главного врача, что новоприбывший является холостяком.

Одна из медицинских сестричек была юна, красива, жизнерадостна, уверена в себе, оканчивала училище, проходила практику в Бураново, так как была местной. На улице устоялось тепло, к середине апреля растаял снег, на ближайших холмах появились первые цветки мать-и-мачехи. Вечера у командированного доктора были свободны. Он несколько раз посетил кинозал, располагавшийся в местном доме культуры, там же ближе познакомился с юной практиканткой. Теперь они стали прогуливаться вместе. Когда смеркалось, Георгий проводил свою спутницу до дома. На третьем свидании его пассия позволила себя поцеловать, на четвертом чуть больше. При больнице была небольшая гостевая комната для тех, кто прибывал на специализацию. Молодая пара стала там уединяться, беседовать, пить чай. Примерно за три, четыре дня до убийства Георгия уже затемно, при включенном свете его поклонница неожиданно начала раздеваться. Доктор с интересом наблюдал за стриптизом, думая: «Потом же надо будет жениться, а у меня уже есть девушка однокурсница, которую люблю. Правда, их обоих что-то сдерживало, хотя взаимное притяжение наблюдалось уже несколько лет. Все в тот период жизни было отдано обретению профессии».

– Одевайся, замерзнешь! – как можно мягче сказал Георгий юной особе, прерывая свои размышления.

Та сконфуженно оделась и ушла не прощаясь. В последующие дни до отъезда Коконова она старалась не попадаться ему на глаза.

Игнат пять дней в неделю обитал прямо в больнице, уезжая только на выходные дни. Отдых во врачебном кабинете ему пришлось организовать только после прибытия однокурсника, когда тот стал проявлять свои похождения с новой знакомой. Дежурный персонал такой поворот событий воспринял удовлетворенно – хирург всегда был на месте. Камский и Кононов были в дружеских отношениях, так как оба занимались в институтских кружках по фото и киноискусству. Информация на курсе о том, кто, чем увлекается в научном плане, или кто с кем встречается, распространялась со скоростью света, потому сейфовых секретов не существовало. Вскоре Кононов убыл, а «обиженная» будущая сестричка от медицины, как ни в чем не бывало, весело порхала по больнице, набираясь практического опыта у своих старших коллег.

Два месяца хирургической деятельности Камского на районе пролетело стремительно.

## Глава третья

### Двухгодичники

Министерство обороны через областной военный комиссариат прислало заявку в медицинский институт на пятьдесят человек. Именно столько врачей должно было быть призвано на двухгодичный срок, чтобы восполнить дефицит в кадрах. Строгая и придирчивая комиссия проверяла здоровье студентов шестого курса мужского пола. Женщин в те времена к армейской службе в качестве контрактников привлекали редко. Два года срок не большой, но, тем не менее, он ломал жизненные планы. Дети из династических фамилий, как исторически повелось с незапамятных времен, уже забронировали себе места на кафедрах, в клинической ординатуре или клиниках. Рангом пониже должны были заполнить вакансии городских и центральных районных больниц. А выпускники без роду и племени занимали все остальное в глубинках нашей необъятной родины. У сыновей из династических фамилий как-то вдруг проявились династические болезни, а вместе с ними и негодность к воинской профессии. Призывали после интернатуры, а это уже было благом. В кармане вместе с дипломом врача общей практики все-таки имелся документ, подтверждающий наличие квалификации по избранной специальности. Но теперь терять, с таким трудом приобретенную практику, по причине двухгодичного перерыва в работе никому из молодых врачей не хотелось.

Гофман был умен, здоров, обаятелен, но надевать погоны категорически не хотел. Когда сдавал анализы, то в мочу сыпнул сахарку, чуток не рассчитал. Был скандал. Дело замяли.

Татьяничев на здоровье тоже не жаловался, но его ждала клиническая ординатура. Надо было срочно искать выход из сложной ситуации. При тщательном анализе родителями детской поликлинической амбулаторной карты была обнаружена положительная реакция Манту. Этот факт и оказался спасительной соломинкой. В последующие годы Татьяничев добился значительного отрыва в научной и практической работе от призванных на армейскую службу «неудачников».

Таких, кто не смог вспомнить о перенесенных в детстве заболеваниях и подтвердить их документально, а также по воспитанию принципиальных личностей, желающих хлебнуть военной романтики, набралось сорок шесть человек. Девять из этой когорты мобилизованных врачей волей случая были направлены в Среднюю Азию на один из военных полигонов в качестве врачей военно-строительных отрядов.

Карелин Леонид был женат на однокурснице Анне. Они при распределении выказали желание трудиться в родных местах, и были направлены в районный центр. У них родился ребенок, девочка. К моменту призыва отца ей еще не исполнился год. Карелин отслужил положенный срок и вернулся домой.

К Иванникову на полигон через несколько месяцев приехала жена, также однокурсница. У них вскоре родилась дочь. Иванников продлил контракт армейской службы.

Романчук не был официально женат, но через некоторое время получил телеграмму о рождении у него сына. По окончании двух лет уволился.

Вересов приехал на полигон сразу с женой и полуторалетным сыном. Два года прижили в общежитии и вернулись на родину.

Марченко не был женат. В одной из частей познакомился с женщиной, у которой был ребенок, и оформил с ней брак. Продлил контракт.

Благинин прибыл к месту службы, оставив жену с сыном у родителей. Через несколько месяцев был вместе с частью переведен на север. Через два года уволился.

Новоселов, оставив жену дома, отслужив по контракту, уволился.

Кононов романтически добился ответных чувств у однокурсницы, женился. Привез спутницу жизни на место службы. Вскоре у них родился сын. Продлил контракт.

У Камского спустя месяц после призыва родилась дочь. Через полгода семья переехала на полигон в Среднюю Азию. Продлил контракт.

Я рассказываю о событиях, связанных с реальными людьми, но фамилии действующих лиц изменены. Если кто-то из читателей найдет нечто личное в этих повествованиях, то прошу это считать случайным совпадением. Перед вами текст художественного произведения, а не летопись.

## Начало

Упаковав, приобретенные еще в студенческие годы атласы и прочие книги по хирургии, а также монографии по терапевтическим дисциплинам жены-однокурсницы, защелкнув замки на чемодане, поставив на него радиоприемник «Спидолу», Камский Игнат сел на тахту и стал ждать прибытия вызванного такси.

– Ничего не забыл? Диплом, паспорт? – глянув сочувственно на небогатый скарб молодых врачей, вчерашних интернов, спросила хозяйка трехкомнатной квартиры Елена Яковлевна тоже медик, работавшая в поликлинике гинекологом и сдававшая им одну комнату по доброте своей души. Когда ее муж Семен Исаевич вернулся из командировки и увидел в своей обители пополнение в лице Камского и его молодой спутницы жизни Сильвии, то тихо уже за полночь устроил своей половине головомойку. Выгонять все же квартирантов не стал, позволив им пережить оставшиеся два месяца зимы и три месяца весны, то есть до окончания обучения в интернатуре.

– Вроде бы нет, – ответил Игнат. – Вам спасибо за то, что приютили, иначе мы бы так и обитали с Сильвией по разным адресам.

– А как дела у нее? Сильвия. Имя то, какое редкое!

– Она уже у родителей.

– Когда у нее срок родов? – с профессиональным интересом поинтересовалась Елена Яковлевна.

– В начале осени.

В это время в соседней комнате зазвонил телефон. Послышался короткий разговор, затем вышел Семен Исаевич и сообщил:

– Звонили из диспетчерской, такси выслали.

Через минуту-другую в дверь постучал водитель. За один раз все связки книг Камскому не удалось забрать и ему пришлось еще раз возвратиться.

Ну, счастливой дороги! – пожелала ему напоследок хозяйка. – Долгой, интересной вам жизни и удач.

Миновав городские улицы и выехав на широкую магистральную трассу, «Волга» помчалась в сторону областного центра. Игнатом овладело сладостное ощущение свободы, душа его пела, фантазия рисовала картины счастья и он, поддавшись своим видениям, стал улыбаться.

– Судя по книгам, вы медик? – вывел Камского из ощущения блаженства таксист.

– Да, интернатуру по хирургии проходил в вашем городе.

– А где продолжите врачебную практику, если не секрет?

– В армию призывают.

– Вот как! – удивился собеседник. – И кем там придется служить? По специальности?

– Неплохо бы получить сразу хирургическую должность в госпитале, но обычно все начинается с работы в батальоне.

– А навыки не потеряете? – продолжал допытываться водитель. – Ведь хирург, как пианист, нуждается в практике.

– Думаю, что неподалеку будет медицинское учреждение, где можно будет ассистировать, кроме того буду заниматься амбулаторной хирургией и диагностикой.

– Я не полностью улавливаю смысл вашей профессиональной терминологии, но понятно, что у вас все уже продумано.

– Жизнь подскажет. А вы давно таксистом работаете?

– С полгода.

– А раньше?

– Инженером.

– Вот как! – удивился Игнат. – А почему переменили профессию?

– Деньги на квартиру собираю. На прежней должности для этого жизни не хватит.

– Да жилье – это главное для семьи, – согласился Камский.

– Ну, тебе не надо переживать по этому поводу. Офицерам в армии выделяют либо общагу, либо другое служебное помещение.

– Казарму что ли?

– Ну, сейчас не то время!

Но, как потом увидел лейтенант медицинской службы Камский, некоторым военным приходилось проживать с семьями в весьма трудных условиях, где казарменное помещение было на первых порах не худшим вариантом семейного быта.

Вскоре машина завернула на улицу, где находился дом родителей Сильвии, располагавшийся в частном секторе города среди множества других похожих строений. Это были в основном деревянные домики под двускатными крышами, покрытыми шифером, с печным отоплением. Домовладельцам в те годы о централизованном газоснабжении можно было только грезить. Зимой жилища обогревались дровами и торфяными брикетами. Что-то можно было приобрести в городском топливном хозяйстве по предварительной заявке и фиксированной цене. Но выделенного горючего материала, чтобы продержаться зиму, не хватало, поэтому запасались им кто как мог. Летом и особенно в осенний период по воскресеньям и в праздничные дни на улицах можно было часто видеть машины, груженные дровяными чурками.

– Остановитесь у калитки сразу за автобусной остановкой, – попросил Камский.

– Там, где березовые дрова лежат? – уточнил таксист.

– Да.

Игнат расплатился с водителем и выгрузил вещи. Таксист тут же уехал. Взяв чемодан и самую увесистую связку книг, Камский направился к дому, поднялся на крыльцо и нажал на кнопку звонка.

– Ну, с прибытием! – приветствовала его мама Сильвии.

– Здравствуйте, Вера Тимофеевна! – ответил Игнат и поставил на пол свой груз.

– А Сильвию положили на сохранение. Сегодня утром. Она тебе записку оставила.

– Что-то серьезное?

– Нет, но врач женской консультации рекомендовала.

Игнат знал, что роды на восьмом месяце беременности по статистике более неблагоприятны, чем даже на седьмом, поэтому понял озабоченность участкового специалиста.

– Я ей вкусенький суп сварила и собиралась навестить. Яблоки и ягоды приготовила.

– Вы оставайтесь дома, я сам все отнесу. У нее постельный режим. Вас в отделение могут не пропустить. У меня есть сменная чистая больничная спецодежда, и я пройду.

– Давай вначале пообедай.

– Я сыт. Вы все соберите для Сильвии, а я принесу оставшиеся вещи.

У Сильвии был старший брат, который только что переехал с двумя детьми в отдельную квартиру и звонкоголосый дом притих. Сильвия была вторым и поздним, поэтому любимым ребенком. Вере Тимофеевне было за шестьдесят, и она находилась на пенсии, правда иногда брала подработки в школе по предмету географии и смежным дисциплинам. Отец Сильвии Константин Николаевич еще продолжал трудиться в техникуме. Правда в последнее время сдал, часто жаловался на боли в сердце и состоял на учете у кардиолога.

Для Сильвии, когда она пошла в школу, выделили самую маленькую комнату в доме, в которой вначале была детская кровать, этажерка, специальный ученический стол с электролампой, приделанный к стене, со складной плоскостью для размещения тетрадей и книг и круглый винтовой стул. В этой комнатке она делала домашние задания и наполняла ее своими фантазиями. Когда Сильвия подросла, ей купили тахту, торшер и две навесных полки для книг. Впоследствии в своей комнатке она изучала институтские дисциплины. Записка от Сильвии

лежала на столе. Игнат развернул ее и прочел: «Игнат, извини, что не дождалась, пока ты приедешь. Но надо спасти нашего ребеночка. Появились неприятные чувствительные схватки. Наверное, переволновалась, готовясь к экзамену. Пришлось лечь в отделение патологии беременности. До встречи!»

– Здесь все, что она просила из туалетных принадлежностей и одежды, а тут продукты, – Вера Тимофеевна вручила Игнату два полиэтиленовых пакета. – О, чуть не забыла! Вот еще тетрадь и авторучка.

Игнат доехал на автобусе до роддома. В приемном отделении дежурной медсестре представился практикантом, переоделся и поднялся на третий этаж в отделение патологии беременности. На посту узнал, в какой палате находится Камская Сильвия Константиновна, и тихонько появился возле ее кровати. Сильвия обрадовалась. Игнат передал ей пакеты.

– Как ты доехал?

– Нормально. Все привез, оставил в твоей комнате.

– У нас здесь строгий режим и посещения запрещены, так что долго не задерживайся, – предупредила Сильвия, заметив любопытные взоры в их сторону внешне безразличных соседей по палате. Все передачи через приемное отделение.

– Когда тебя призывают?

– Пятого августа уже нужно быть в части.

– Так скоро! Может тебе попытаться взять отсрочку на пару месяцев?

– Я об этом думал. Пойду завтра в военкомат. Твои родители купили машину дров. Думаю, что за несколько дней поколю их и перенесу в сарай.

– Ладно, не задерживайся. Обход профессора приближается.

Игнат нежно обнял и поцеловал Сильвию, а затем бесшумно исчез за дверью.

Назад он решил возвратиться пешком. Шел по улице, потом свернул во дворы. В небольшом дворовом скверике сидел пьяный мужичок и что есть мочи орал песню: «Тот кто пиво пьет, с удовольствием живет, у того же, кто, вино, очень красное лицо, потому милиция вся такая краснолицая...»

Похоже, что кто-то уже успел вызвать таковую, потому что к нарушителю тишины приближались двое в милицейской спецодежде: один в звании сержанта, у второго была ефрейторская лычка. Они подошли к мужичку. Ефрейтор приподнял его со скамейки. Мужичок стоял, пошатываясь. Затем он разразился длинной нецензурной тирадой в адрес державшего его за руку милиционера, начал вырываться, затем потерял равновесие и начал падать, увлекая за собой стража порядка, ударился головой и рассек себе кожу на лбу. Из ранки потекла кровь. Камский подошел к пьяному человеку.

– Посадите его на скамейку, я осмотрю, – сказал он милиционерам.

Пострадавшего приподняли и усадили.

– Вы врач? – поинтересовался сержант.

– Да.

Из окон посматривали любопытные пенсионерки. Ефрейтор по рации вызвал скорую помощь. Через несколько минут «певца» забрали медики.

Миновав площадь перед колхозным рынком, Игнат перешел улицу и сел на трамвай. На своей остановке, выходя из открывшейся двери, он чуть не наступил на лежащего человека, ноги которого располагались примерно в метре от трамвайного рельса, а вытянутая вперед правая рука в двух шагах от проезжей части автомобильной дороги. У доктора Камского опять сработал профессиональный инстинкт, и он присел на корточки возле лежащего мужчины, чтобы оценить его состояние. Человек сладко спал, похрапывая. Лицо его было покрыто младенческим румянцем, губы в такт выдоху мягко выстреливали: «Пу-у... Пу-у...». Зрачки были одинакового размера и живо реагировали на свет, повреждений на голове, туловище и конечностях Игнат не обнаружил. «Если он попытается встать, то может попасть, либо под трамвай,

либо под автомобиль, – мелькнула мысль. – Надо бы его перенести вот на тот газон перед домом». Игнат встретился взглядом с мужчиной, ожидавшим нужный ему трамвай. Это был крепыш среднего роста, примерно пятидесяти лет, одетый в серые брюки и клетчатую рубашку на выпуск с коротким рукавом, на ногах его были коричневые потертые сандалии.

«На трамвайной остановке человек лежал в пыли...», – начал он весело декламировать какую-то прибаутку, но Игнат перебил его тираду:

– Давайте перенесем мужичка в тень на траву под теми кустиками возле дома.

Поборов секундное сомнение крепыш согласился. Они приподняли спящего, тот сразу обнаружил признаки сознания:

– Куды вы мяне тассыте? Я щас подымуся и сам пойду!

Но самостоятельное передвижение ему давалось с трудом. Вскоре человек на подпитии уже лежал в тени живой изгороди возле ближайшего дома. Над кустами висел балкон второго этажа, в котором стояла седая женщина, наблюдавшая сверху за всем происходящим.

– Зачем вы принесли его под мой балкон?! – громко возмутилась она.

Крепыш в клетчатой рубашке, глядя на даму на балконе, снова возвратился к лирике:

*На трамвайной остановке*

*Человек лежал в пыли;*

*На троих он взял «зубровки»,*

*Ну, а двое не пришли.*

Дама по-своему восприняла шуточную рифмовку:

– Так, значит это вы те двое, которые не пришли вовремя. Подвели своего товарища, а теперь проявляете заботу.

– Нет, мы совершенно случайные люди. Я врач, – ответил ей Игнат.

Женщина на балконе изобразила на лице гримасу презрительного недоверия.

Затем Игнат обратился к лежащему на траве в блаженной позе человеку:

– Сообщите, пожалуйста, свой адрес и номер домашнего телефона.

Только в процессе нескольких попыток удалось выяснить жизненные координаты подвыпившего существа. Крепыш возвратился на остановку.

– Вы не могли бы позвонить вот по этому номеру? – попросил женщину Игнат и назвал цифры.

– Мне что нечего делать? – возмутилась раздраженно женщина. – Пусть такими забулдыгами милиция занимается! – Но потом, посмотрев в лицо Игнату, неожиданно смягчилась: – Ладно, назовите еще раз, я запишу, а то у меня память плохая.

По тропинке между дворами с папкой под мышкой торопливо шел участковый милиционер. Последний акт жизненного представления он уже видел воочию, поэтому направился прямо в центр событий. Подойдя к лежащему на траве мужчине, он с досадой произнес:

– Ну, что Брыль, мне с тобой делать? Опять напился до невменяемого состояния.

– Это меня от жары разверзло, – с трудом ворочая языком, оправдывался лежащий человек.

В тот момент на балконе снова показалась седовласая дама.

– Я дозвонилась. Его жена ответила, что этот троглодит ей не нужен и за ним она не придет.

– Отправлю я тебя в медицинский вытрезвитель. Штраф заплатишь. Как ты на это смотришь? – продолжал участковый.

– Товарищ, начальник, не надо. – Начал приходить в себя Брыль. – Я же законно... законно.. послушной человек. Я пить брошу! Даю честное слово.

В это время к уже сидящему Брылю подбежал худощавый подросток:

– Отец, ты зачем опять напился? От аванса что-нибудь осталось?

– Да. Вот! – и глава семьи, достав непослушной рукой несколько смятых денежных купюр из грудного кармана, протянул их сыну, затем с его помощью поднялся и, опираясь на худенькие плечи подрастающего поколения, неуверенно зашагал к дому.

## У военкома

Утром следующего дня Игнат направился в городской военный комиссариат, из которого ему выслали предписание. В документе был указан географический район назначения и срок прибытия к месту приложения полученных в институте навыков.

– Товарищ подполковник, разрешите войти! – приоткрыв дверь к комиссару, спросил Камский.

– Заходи, лейтенант медицинской службы. Мне дежурный доложил, что ты по личному вопросу.

Что случилось?

– В начале августа я должен быть в части, а жена находится в роддоме. Ей через полтора месяца надо рожать.

– Так что ты хочешь от меня?

– Нельзя ли получить отсрочку на пару месяцев?

– У твоей жены родители есть? Да. Пенсионного возраста. Отец ее продолжает работать, когда не лечится в кардиологии.

– А где они проживают?

– В этом городе у них свой дом.

– Беременность жены не является уважительной причиной для отсрочки от призыва. Но давай поразмыслим. Ты закончил обучение...

– Интернатуру.

– Да, интернатуру. Тебя уволили. Подъемные сможешь получить только в части. На какие средства будешь жить сам, и содержать жену?

Игнат едва изобразил попытку сказать, как военком его перебил.

– Понимаю, что помогут родители твои, ее. Но ведь вы не иждивенцы, а вполне самостоятельные взрослые люди. Будешь присылать жене деньги почтовыми переводами. Через три-четыре месяца забереешь ее вместе с ребенком, а там, гляди, и в армии решишь остаться.

Военком задумался, затем встал и закурил.

– Приказ министра обороны я нарушить не имею право. Институтских выпускников не наш комиссариат призывает. Мы только выполняем указание свыше.

– Понятно. Придется ехать.

– Привыкай к сложностям жизни доктор. Желаю удачи!

Время отпуска пролетало стремительно. Игнат каждый день навещал Сильвию. В условленное время она подходила к окну и бросала ему записки. Женщины, которые лежали подолгу, чтобы не беспокоить чопорных и ворчливых санитарок приемного отделения своими просьбами, пользовались бечевками, на которых спускали из окон своим мужьям или родственникам, навещавшим их, пустую тару, а обратно втаскивали принесенные авоськи. Для Сильвии они также подняли несколько передач с дополнительным питанием.

В один из погожих дней Игнат навестил своих родителей, искупался в озере, а вечером снова вернулся в город. Сильвию отпустили на пару дней домой. У Игната в кармане уже лежал купленный билет на самолет из Домодедовского аэропорта. Почти всю ночь перед отъездом Игната они проговорили, обсуждая дальнейшие планы и возможные схемы развития событий. Было грустно.

## В городе семи палаток

Самолет приземлился в Семипалатинском аэропорту. На автобусе Игнат доехал до города. Затем отыскал пересыльный пункт. Там была оборудована гостиница казарменного типа для прибывающих военнослужащих. Это было совершенно неприметное здание, похожее на множество других строений. До эшелона, отправлявшегося на полигон, где была конечная остановка, еще оставалось несколько часов, и он решил прогуляться по ближайшим переулочкам. Было жарко и сухо. «За тридцать градусов, – прикинул Камский. – Надо было бы купить лимонада на дорогу». В одном из простеньких магазинчиков со скудным ассортиментом ему удалось утолить жажду газированной водой с сиропом и приобрести бутылочку «Ситро». Продавцом была тучная, круглая, как шар, женщина с лоснящимся от жирового налета матерчатым фартуком. Она работала, как автомат, отпуская товар с тупым и безразличным взглядом, в котором читалось: «Поскорее бы домой!» За стойкой в углу магазина распивал бутылку жигулевского пива худощавый мужчина с всклокоченными волосами на голове и одутловатым лицом, поросшим черной щетиной слегка окрашенной сединой. На его круглом столике лежала растерзанная на множество частей вобла.

– Присоединяйся! – взглянув на Игната, сказал любитель пива и двинул рукой пустой грязный стакан.

Игнат отрицательно покачал головой и вышел на улицу. Жара снова дохнула в лицо. Жилые корпуса, которые можно было назвать «многоэтажными небоскребами» находились в центре. Асфальтовое покрытие было только на основных магистралях. Когда машины сворачивали в проезды и переулки, то вздымались клубы пыли. Набравшись впечатлений, Камский возвратился в гостиницу. Он взял у дежурного ключ, зашел в свою комнату, подошел к выделенной для него кровати и прилег на несколько минут. Когда усталость прошла, достал и открыл чемодан. В глаза сразу бросилось, что вещи лежат не так, как он их укладывал. Мелькнула мысль о воровстве. Но все было на месте. В это время в помещение вошел офицер в звании капитана.

– Рудаков, – представился он и протянул руку.

– Камский, – ответил ему Игнат, пожимая шершавую ладонь капитана.

– На службу?

– Да, на два года.

– Поздравляю. Значит припахали. А что заканчивал.

– Медицинский институт с военной кафедрой.

– Значит уже в офицерском звании. А по профилю кто?

– Хирург.

– О, серьезная профессия! А на какую должность, если не секрет?

– В предписании указана только часть.

– Номер не помнишь?

Игнат назвал.

– Так это к нам, в строительное управление. Скорее всего, будешь батальонным врачом. Ну, в общем, ты не прогадал. Зарплата, плюс звание, плюс полигонные надбавки... Московское снабжение. С жильем особых проблем нет.

– О хирургии можно забыть, я так понимаю.

– Ну почему? У нас есть гарнизонный госпиталь.

– И какие операции там делают.

– В этом вопросе я не «Копенгаген», – стандартно пошутил собеседник.

Затем Рудаков достал из-под соседней кровати точно такой же чемодан, как у Игната, открыл и начал укладывать в него купленные вещи.

«Наверное, перепутал с моим баулом,» – подумал Камский, усмехнувшись своим подозрениям.

Потом была посадка в специальный поезд. Билеты и документы проверялись серьезно, тщательно, внимательно, скрупулезно. Вскоре за окном поплыли полупустынные пейзажи. Через несколько часов на границе бескрайнего полигона, огражденного несколькими рядами колючей проволоки, поезд остановился, и состоялась еще одна проверка. Те, кто случайно по каким-то причинам не был внесен в списки, высаживались из вагонов в небольшое здание контрольно-пропускного пункта среди бескрайней степи до выяснения всех обстоятельств.

## На месте службы

На конечной остановке состав опустел, и пассажиры стали рассаживаться по машинам. Вновь прибывших офицеров, среди которых был и Камский, отвезли в общежитие. Игнат сразу же встретился с Карелиным и Романчуком. Однокурсники за годы совместного обучения сближаются и становятся одной духовно-идейной командой. Те же, с которыми довелось обитать в одной комнате общаги несколько лет кряду, начинают числиться наравне с родственниками. Поэтому понятна и объяснима взаимная радость при встрече таких людей. Вскоре все из призванных однокурсников, кто не был в командировке, собрались в комнате у Вересовых и организовали веселое застолье с воспоминаниями и шутками. И лишь, когда маленькую дочь гостеприимных хозяев стало клонить ко сну, все тактично разошлись.

В пять часов утра в офицерском общежитии послышались первые осторожные шорохи и стуки. Молодые командиры взводов из числа лейтенантов по уже устоявшемуся жизненному регламенту должны были прибывать в подразделения за несколько минут до подъема, чтобы, как говорили их старшие товарищи, видеть воочию морально-боевой дух и физическую готовность своих подразделений. Подъем, по их мнению, это тест. Недаром бытует выражение: «не с той ноги встал». Врачам столь раннее прибытие к месту службы не было обязательным, но доктор Камский решил сразу ознакомиться с суточным жизненным циклом части, в которую был направлен. Командир части подполковник Шустов Иван Дмитриевич и начальник штаба капитан Фомин Николай Павлович уже были на месте.

– Лейтенант медицинской службы Камский. Прибыл для прохождения службы в вашу часть, – представился Игнат и вручил документы Шустову.

– Ну, здравствуй, доктор! – развернув удостоверение и прочитав предписание, доброжелательно произнес Шустов. Значит Камский Игнат Павлович. Мы тебя уже ждали. Фомин, поставьте на все виды офицерского довольствия. А вас, доктор, прошу ко мне.

Игнат последовал за подполковником Шустовым. Кабинет командира части был по-деловому прост. В нем были два стола один вплитык к другому в виде буквы «Т», стулья, металлический грубой работы сейф, узкий шкаф наподобие серванта для книг, папок с документами и нескольких кофейных и чайных чашек. Сразу слева от входа стояла переносная металлическая самодельная вешалка на трех ножках. На стене висели портреты генсека, министра обороны и масштабная карта Средней Азии. На столе стояли три телефонных аппарата.

В это время зазвонил один из них:

– Подполковник Шустов у телефона.

Был длинный монолог телефонной трубки и краткое завершение Шустова: «Есть, товарищ полковник!» Командир части на минуту погрузился в размышление, что-то написал в отрывном календаре, затем подошел ближе к прибывшему врачу и спросил:

– Когда закончил академию?

– Я после медицинского института. Окончил в прошлом году.

– А чем занимался это время.

– Проходил интернатуру.

– Это что такое?

– Годичная специализация по хирургии.

Игнат предъявил удостоверение о присвоении квалификации врача-хирурга.

Прочитав документ, Шустов вернул его и сказал:

– Это хорошо, но у нас специфика работы будет другая. Даю тебе три дня на ознакомление с частью, документацией и жду подробного доклада. И последнее. Твое семейное положение.

– Женат. Через месяц должен родиться ребенок.

- Да... Непростая ситуация. А супруга по профессии кто?
- Терапевт. Она моя однокурсница.
- Выходит вместо одного мы сразу двоих специалистов получили.

Лицо Шустова, принявшее озабоченное серьезное, выражение после разговора с начальством, только теперь посветлело.

- На утреннем построении я тебя представлю личному составу. Ну, и вперед! За работу!

В прямом подчинении и лейтенанта медицинской службы Камского был опытный фельдшер прапорщик Сюртук Вадим Аркадьевич и санитар Ерошин Александр. В части за ним укоренилось прозвище Сашка. Мать его была чувашка. Отца он своего не помнил. Звали его якобы Николай. Со слов матери их кормилец погиб на стройке. Возможно, что это была легенда, а на самом деле он просто сбежал от сложностей семейной жизни. Кто знает? После медицинского училища Сашку сразу же призвали в армию. Он был маленького роста, лицо веснушчатое с узко посаженными глазами и выступающим вперед горбатым носом, немножко сутулый, ходьба выдавала наличие плоскостопия. Ну, куда такого? Ни в воздушно-десантные войска, ни в морскую пехоту, ни в мотострелковые части, ни в танкисты, куда он просился, его не взяли, а вот стройбат – в самый раз. Он был исполнительным, терпеливым и не гнушающимся грязной работы солдатом, нареканий со стороны Вадима Аркадьевича не имел.

Игнат обратил внимание, что на прием пришло около десятка солдат с гнойничковыми заболеваниями кистей рук. У некоторых из обратившихся за помощью военнослужащих ранки и ссадины превратились в изъязвления, длительно не заживали. Медицинские солдатские книжки были заведены не на всех. Со слов прапорщика Сюртука солдаты часто теряют свои медицинские документы, или забывают их возвращать после консультаций в госпитале или гражданских специалистов. Не у всех была проведена флюорография, осмотрены стоматологом единицы, сведения о прививках не полные. Офицерские медицинские книжки вообще отсутствовали, так как были розданы их владельцам. В летний период времени эпидемиологическая обстановка в гарнизоне и частях полигона накалялась. Случалось, что развертывали в степи инфекционные палаточные госпитали для изоляции военнослужащих рядового и сержантского состава, заболевших кишечными инфекциями. Медицинский контроль работы столовой был налажен, повара по записям в их санитарных книжках обследованы. «Ну, хоть тут все оформлено правильно, – подумал Камский.

В течение дня он получил обмундирование, аванс, стал на продовольственное обеспечение, устроился в общежитии. Это была комната на двоих. Его соседом оказался однокурсник Эдуард Марченко. Вечером Игнат написал письмо Сильвии и сходил на почту, отправил часть аванса, заказал телефонный разговор. Эта процедура напоминала подготовку к радостному ритуалу. Желаящие поговорить с родней оповещали родственников о дате, времени и месте соединения телеграммой с уведомлением о вручении, а затем приходили к условленному времени и ждали, иногда более часа, мгновения, когда телефонистка объявит о начале соединения.

## Больной офицер

На утреннем разводе Игнат уже был в летней форме одежды, как и другие офицеры, выделяясь разве что новизной обмундирования. Незаметно пролетело несколько дней. С отдаленных точек периодически на короткое время возвращались группы военнослужащих, чтобы отдохнуть, помыться в бане и подготовиться к новой командировке на одну из площадок. На одном из построений лейтенант Камский обратил внимание на высокого худого командира взвода младшего лейтенанта по фамилии Хусаинов и подошел к этому офицеру.

– Здравствуйте! Доктор Камский, врач вашей части, – Игнат протянул собеседнику руку.

– Добрый день! Хусаинов Ринат, – ответил тот. – Я сам собирался к вам обратиться, да все нет времени.

– Воспользуемся моментом. Идемте в наш лазарет.

Ринат был ростом один метр девяносто пять при весе пятьдесят восемь килограммов. Подробно расспросив о самочувствии и сопоставив все симптомы, Игнат сказал Хусаинову, что тот серьезно болен. Скорее всего, у него язва двенадцатиперстной кишки, осложненная стенозом, срочно требуется дополнительное обследование.

– Тянуть нельзя.

– Меня командир роты не отпустит.

– Не волнуйтесь, я все решу с Шустовым.

Через день Камский привел Хусаинова в рентгеновский кабинет гарнизонного госпиталя.

– Милый мой! Как же ты истоцал, взглянув на вошедшего пациента, воскликнула лаборантка.

Наверное, старослужащие довели.

– Он офицер, – пояснил Камский.

– Неужели! Как же можно дойти до такого состояния? А, вы кто? Что-то раньше я вас не видела.

– Я батальонный врач. Недавно прибыл. Мне нужен ваш заведующий.

– Роман Геннадиевич! Здесь вас спрашивают, – позвала она своего начальника.

Закончив описание снимков, выплыл тучный, с животом, переливающимся то в одну, то в другую сторону, с лоснящимися щеками заведующий рентгеновским отделением. Он был полной противоположностью Хусаинову.

– Лейтенант медицинской службы Камский, – представился Игнат. Вот привел на обследование офицера. Подготовлен.

– А сегодня ваш день?

– Да.

Просмотрев списки частей и, убедившись, что все правильно, Роман Геннадиевич пригласил Хусаинова.

– А вы погуляйте. Через час приходите за результатом.

Доктор Камский решил обойти территорию гарнизонного госпиталя. За годы от момента его развертывания до текущих событий прижились и выросли деревья, различные декоративные кустарники. Почти у каждого растения виднелась водопроводная поливочная система. Пешеходные дорожки были тщательно выметены, бетонные бордюры побелены. Но сухость витала в воздухе. Листья зелени были покрыты тонким слоем пыли. После орошений земля у стволов быстро высыхала и покрывалась трещинами. Над входом в одно из строений Игнат, прочтя надпись «хирургическое отделение», а ниже «Сомов Николай Иванович», вошел внутрь. К нему тут же подбежала одна из дежурных медицинских сестер и спросила:

– Вы к кому.

– Мне нужен ваш заведующий или ординатор.

– По личному вопросу?

– Нет, я хочу проконсультировать одного больного офицера.

– Николай Иванович и Надежда Викторовна сейчас на операции. Но они уже заканчивают. Подождите вот там, – и медсестра показала на стол и несколько стульев, стоящих рядом с входом.

Долго ждать не пришлось.

– Николай Иванович освободился. Проходите в ординаторскую, – сообщила медсестра.

Санитарка подала накидку поверх одежды и специальные укороченные бахилы для обуви.

– Разрешите! – приоткрыв дверь ординаторской, произнес Игнат.

– Заходите! – услышал в ответ Камский.

Заведующий хирургией внимательно и оценивающе посмотрел на вошедшего человека, ординатор же Надежда Викторовна только приподняла веки с тонким слоем туши, быстро взглянула и опять занялась оформлением истории болезни, лежащей перед ней на столе. Она так усердно работала авторучкой, что было слышно шуршание бумаги и легкое постукивание пишущего прибора по плоскости стола.

– Я хотел бы проконсультировать у вас одного больного.

– Слушаю.

Лейтенант Камский кратко изложил историю болезни.

– Судя по лексике, вы специализировались по хирургии и прибыли с группой врачей призванных на два года. А вы уверены, что ему понадобится операция?

– Да. По клинике у него запущенный стеноз привратника с почти полным нарушением проходимости. И что, никто в части не обратил внимания на этого офицера.

– Выходит, что так.

– А вы сколько отслужили? – Сомов ко всем собеседникам обращался, независимо от их возраста, исключительно на вы.

– Две недели.

– Хорошо приводите. Я жду.

Игнат быстрым шагом вернулся в рентгеновское отделение.

– Да, доктор, вы правы. У вашего пациента стеноз привратника, – подавая снимки и заключение, произнес Роман Геннадиевич, затем шумно выдохнул воздух и отер пот со лба.

Несмотря на открытое окно, затянутое марлей, в комнате было душно.

Через несколько минут лейтенант Камский привел Хусаинова в хирургическое отделение. Сразу после осмотра его госпитализировали, была назначена дата операции.

– А можно я его прооперирую? – вдруг попросил Камский Николая Ивановича.

Надежда Викторовна удивленно вскинула веки и остановила авторучку.

– Я не сомневаюсь, что ты владеешь техникой операции, и соответствующий документ у тебя есть, подтверждающий квалификацию, но ты не в моем штате, поэтому могу предложить только ассистировать.

Сомов перешел на дружеское ты, и это польстило Игнату.

Камский, уже два месяца не державший в руках скальпель, был рад и этому.

– У меня есть книга Навроцкого И. Н. «Ушивание культи двенадцатиперстной кишки», одна тысяча девятьсот семьдесят второго года издания, – сообщил он.

– А у меня нет. Как тебе удалось ее купить? Тираж был мизерный по союзным меркам.

– Пришла всего одна книга на город, но я первым заказал и первым прибыл в книжный магазин. Другие хирурги продавщицу потом до слез довели.

– Принеси пролистать перед операцией. Не волнуйся, я книги всегда возвращаю, – усмехнулся Сомов, заметив тень сомнения на лице Камского.

Операция прошла успешно. Была произведена резекция желудка. Культи двенадцатиперстной кишки сформирована по методу улитки. Через две недели Рината выписали, и он получил отпуск по болезни.

Хусаинов решил не увольняться, а продолжить службу.

## Телеграмма

В один из дней, когда уже чувствовалось дыхание осени, а лейтенант Камский вел прием больных в лазарете, во врачебный кабинет заглянул посыльный из штаба части и сообщил;

– Товарищ лейтенант, вас вызывает подполковник Шустов.

Камский снял медицинский халат, шапочку и направился в кабинет командира части.

– Лейтенант медицинской службы...

– Держи! Это тебе! – Шустов прервал вошедшего доктора и с загадочной улыбкой на лице протянул ему телеграмму.

Неожиданно помимо воли дрогнувшей рукой Игнат взял листок и прочел: «Поздравляем рождением дочери!» Далее шел обратный адрес родителей Сильвии. В те времена еще не было совершенных ультразвуковых диагностических методов исследования, позволяющих определить пол ребенка до его появления на свет, по сей причине интрига ожидания в день родов достигала своей кульминации.

Командир части, наблюдая за Камским, видел, какие бурные чувства сейчас тем владеют. Сердце у Игната забилося в бешеном ритме, ему стало жарко, хотелось одновременно и засмеяться от радости и затанцевать от восторга, и расплакаться от непонятной горечи. Внешне это проявилось только в секундном замешательстве.

– Прими также мои поздравления! А теперь давай обсудим сложившуюся ситуацию, – выводя доктора из душевной экспрессии, продолжал Шустов. – Ты прослужил уже больше месяца. До конца года осталось еще три с половиной. За каждый месяц службы положено два дня отпуска. Итого в конце декабря у тебя будет десять дней. В это время я имею право предоставить тебе оплачиваемый отпуск. Плюс дорога поездом туда и обратно. Итого две недели. Если полетишь самолетом, то выиграешь несколько суток. Других вариантов я не вижу. Подъемные ты, конечно, жене отправил?

– Большую часть и аванс за этот месяц.

– Значит, денег у тебя даже на поездку поездом нет.

– За оставшееся время, а это целых три зарплаты, приобретешь финансовую устойчивость и спокойно отправишься к семье. Ты согласен с моими доводами?

– Да.

– Ну, а сейчас иди, занимайся своими медицинскими делами.

Вечером в общезитии Игната поздравили бывшие однокурсники, и была весело и шумно распита бутылка шампанского.

## Не без приключений

На руках у Камского осталась только ручная кладь, чемодан уже был сдан. Грузчики, люди грубые и простые, как сама жизнь, с вещами пассажиров обходились весьма жестко, перебрасывая их с одного транспортного устройства на другое. Коричневый чемодан Игната, прочертив подобно болиду в воздухе дугообразную траекторию, с коротким тупым звуком внедрился между прочими баулами. «Рейс Семипалатинск-Москва задерживается по техническим причинам на два часа» громко послышалось в динамиках аэропорта сообщение диктора. Время словно остановилось. Игнат вернулся в зал ожидания и сел на свободное место. Он на некоторое время закрывал глаза и медленно считал про себя. Затем смотрел на часы – проходило всего две-три минуты. Он повторил этот прием несколько раз. Вскоре Игнат довел слепой период ожидания до пяти минут. Когда он смежал веки, ему представлялся домик и сад, где жила Сильвия, ее комната, она сама и спящая запеленатая новорожденная девочка с выражением лица, как на фотографиях, которые он получил в последнем письме. В доме с печным отоплением и сквозняками Дарья несколько раз температурила, и к Сильвии приходил участковый врач. Какая-то внутренняя скрытая тревога не отпускала Игната. Она таилась в области сердца, порой расширялась, захватывая всю грудную клетку, подступая к горлу, мешая сосредоточиться. Он вытянул правую руку, разжал пальцы и заметил, что они дрожат. Игнат проделал то же с левой рукой – результат был аналогичным. «Странно, я никогда так не волновался», – подумал Камский. Прошло два с половиной часа. Вновь голос диктора: «О времени посадки в самолет Семипалатинск-Москва будет объявлено дополнительно». Эхо сообщения тут же угасло в углах здания аэропорта и сменилось звуковым фоном передвижений и реплик пассажиров. Иногда этот фон пронзал детский плач и команды женщины, орудовавшей шваброй. Наконец опять нужная информация: «Вылет самолета Семипалатинск-Москва задерживается до двадцати одного часа». Напротив Игната сидел мужчина, также ожидавший рейс на Москву.

– Да, просто экипаж решил отоспаться в гостинице! – раздраженно прокомментировал он сообщение из репродуктора и взглянул на лейтенанта Камского. Затем, не дождавшись поддержки или опровержения своей версии, продолжил. – Со своими стюардессами расслабляются, а мы тут торчи!

– А, может, самолет неисправен? – предположил Игнат.

– Наш самолет давно прибыл и стоит возле взлетной полосы. Я видел со второго этажа, как его заправляли.

– Вы так уверенно об этом говорите!

– Потому что сам работаю в гражданской авиации.

Наступила молчаливая пауза. Некоторые из пассажиров подходили к окну дежурного по аэропорту и начинали изливать свое недовольство и раздражение по поводу задержки вылета. Дежурной была молодая женщина в форменной одежде с погонами. Она спокойно и с высоким летным достоинством успокаивала возбужденных людей. Игнат начал прохаживаться по зданию аэропорта, внимательно изучая все надписи, плакаты, изображения, орнаменты, витрины. И тут радостное: «Пассажиры рейса Семипалатинск-Москва приглашаются на посадку!» Игнат еще с тенью сомнения в душе направился в зону посадки и встал в очередь. И вот он уже стоит вместе с массой попутчиков в помещении, названном странным неодушевленным словом «накопитель».

Подошел автобус и отвез всех к трапу самолета. Было холодно, ветрено и темно, мела поземка, мелкий падающий снежок завивался ветром и повисал на архитектурных излишествах строений. В салоне самолета Игнат оказался рядом с человеком, с которым разговаривал накануне. Тот сидел слева рядом с иллюминатором. Справа от Камского расположилась пожи-

лая дама с париком на голове. Вышла молоденькая стройная стюардесса и объявила: «Уважаемые пассажиры, пожалуйста, пристегните ремни!» Затем, проверив исполнительность, исчезла за перегородкой. Самолет вырулил на взлетную полосу, притормозил, присел, дал керосина двигателям, затем начал быстрый разбег и легко поднялся в воздух. Снаружи была непроглядная тьма ночи. Вскоре пассажиры задремали. Игнат, утомившись за день, уснул мгновенно. И вдруг через какое-то время он почувствовал перемену в обстановке. Открыв глаза, Игнат увидел, что с левой стороны в иллюминаторы льется странный оранжевый свет. «Неужели солнце!?» – подумал он и нагнулся к стеклу. Левый двигатель самолета был объят пламенем. Поток воздуха сбивал огненные языки и они, дрожа и прижимаясь к корпусу двигателя, ускользали к крылу. Нечаянно Игнат задел руку работника гражданской авиации и тот проснулся. Заметив, что его сосед неотрывно смотрит в иллюминатор, он тоже повернул голову к источнику свечения за бортом самолета. В одно мгновение его лицо приобрело зловещее выражение посмертной маски, но быстро овладев собой, и, взглянув на Игната, он приложил указательный палец правой руки к губам. Показалась стюардесса бледная, как лист бумаги. Пассажиры спали. Она встретилась взглядом с Игнатом. В ее взоре было отчаяние, страх и, возможно надежда. Она тоже сделала жест, означавший необходимость соблюдения молчания. «Странно, – подумал Игнат, – меня весь день терзало какое-то холодное щемящее сердце предчувствие, а сейчас его нет». В душе была спокойная уверенность. Все происходящее казалось будничным и банальным. Он снова стал смотреть в иллюминатор. Сквозь пламя начали пробиваться белые, пушистые, как пена или сахарная пудра, сгустки, полосы, они сливались между собой, вытесняя огонь в пустоту пространства. И вскоре тот погас. В момент вспышек сигнальных огней на корпусе двигателя и крыле были видны черные пятна и полосы, оставленные пламенем.

Снова вышла молоденькая стюардесса. Она была напряжена, но щеки порозовели, в глазах появилась уверенность.

«Товарищи, пассажиры!» – громко произнесла она.

Салон встрепенулся и открыл глаза. Послышался детский плач и успокоительные слова мамы ребенка.

«Товарищи, пассажиры, наш самолет совершает вынужденную посадку в аэропорту города Уфы. Пристегните ремни!»

Самолет начал снижение и вскоре приземлился. Вдоль посадочной полосы слева и справа стояли красные пожарные машины с включенными проблесковыми маячками. Пожарники держали в руках брандспойты. У самого аэровокзала расположилось несколько машин скорой помощи. Пожилая дама в черном парике уверенно предположила: – Наверное, учения проводят.

Вскоре Камский получил свой чемодан, сдал в кассу билет и ему вернули часть денег. На улице было темно. Игнат почувствовал, что по-настоящему проголодался. Работал ночной ресторан. Раздевшись в гардеробе и оставив там же вещи, он подошел к свободному месту у одного из столиков, где мирно беседовали двое мужчин.

– Это место свободно? – поинтересовался Игнат.

– Присаживайся, лейтенант! – ответил ему один из мужчин с пролысиной на голове и роскошными бровями. Волосы на его бровях росли во всех направлениях, а затем изгибались. На вид ему было около пятидесяти лет. Лицо выражало добродушие и участие. Глаза были голубоватые. У его товарища, примерно такого же возраста, было смуглое лицо, на голове черные с сединой волосы, лицо узкое с выступающим горбатым носом.

– Откуда в наших краях? – поинтересовался второй.

– Наш самолет совершил вынужденную посадку.

– А вот почему понагнали пожарных и медиков! – снова подключился к разговору первый. – А что случилось?

– Двигатель загорелся.

- Да. Повезло вам. Никто не пострадал.
- Нет, все целы. За это надо выпить.
- А куда летел.
- До Москвы, а потом еще дальше надо.

Смуглый человек с горбатым носом, похожий на грузина подозвал официанта и попросил принести рюмку. Игнат заказал фирменный салат, котлету с жареным картофелем и стакан сока. Все выпили за удачу. Игнат с аппетитом проголодавшегося человека быстро начал поглощать блюда. Мужчины вполголоса продолжили свой разговор. Расплатившись и взяв вещи из гардероба, Камский пошел на автобусную остановку. Вскоре он оказался на железнодорожном вокзале. Билетов до Москвы не было. Игнат решил ехать с пересадками. Ему удалось купить боковое место в плацкартном вагоне до Пензы. В поезде он забросил чемодан на полку, взял у проводницы комплект постельного белья, расстелил матрац, повесил китель и шинель на крючок, затем блаженно уснул. Какая-то внутренняя пружина пробудила его. Было светло. Большинство пассажиров уже не спали, а сидели. Игнат вспомнил, что деньги, вырученные от сдачи авиабилета он оставил в боковом кармане кителя вместе с удостоверением личности. Он засунул руку в карман – денег не было, но удостоверение осталось на месте. Игнат тут же переложил документ в грудной карман рубашки. «Какой-то благородный вор оказался, – подумал Игнат. – Спасибо ему – пожалел наивного лейтенанта». В Пензе вышло немало пассажиров. Среди них был и лейтенант медицинской службы Камский.

Пассажирский состав, прибывший на вокзал города Пензы, был гораздо длиннее перрона. Общие вагоны находились в хвосте поезда. Несколько человек первыми рванули со своими баулами в том направлении. Вместе с ними побегал и единственный в толпе лейтенант. Он был моложе многих бегущих. Через несколько секунд движущаяся толпа людей стала напоминать штормовую волну, идущую в атаку на скалистый берег. С шумом возгласов волна достигла ближайшего рифа – тамбура первого общего вагона, ударилась об него и частично растеклась. Это был нужный Игнату вагон. Какой-то счастливчик с рюкзаком схватился за поручни и начал карабкаться внутрь. Игната мощными человеческими силовыми всплесками то подносило к входу, то отдаляло. Вместо того, чтобы организовать очередь, пассажиры дико и с остервенением толкались, мешая друг другу. К счастью шинель была сшита добротно, потрескивала, но выдерживала нагрузки. В один из моментов Камский понял, что, если удастся сделать рывок, то есть шанс. Он отодвинул от себя чемоданом вправо и плечом влево двух конкурентов и сделал рывок.левой рукой он намертво схватился за поручень и повис. Волна поняла, что это серьезно, и ослабила напор. В этот момент он левой ногой встал на ступеньку вагона.

- Отпусти мой чемодан! – проорал в лицо какому-то верзиле Игнат.
- Не могу, на меня давят! – услышал он в ответ.
- Ну, тогда, дружок, извини.

Игнат вначале коленом, а потом и стопой начал отдавливаться в сторону верзилу. Тот понимая терпел. Наконец удалось вырвать из народных объятий и чемодан. Лейтенант Камский ласточкой влетел в тамбур, где его победного аккорда уже ждала кондуктор.

- Ваш билет, пожалуйста! – сказала она и протянула руку.
- Вот. – Игнат достал из внутреннего кармана кусочек счастья и протянул его женщине.
- Хорошо. Проходите. Только пока мест нет. Придется постоять. На ближайшей остановке что-нибудь освободится.

Однако стоять пришлось довольно долго, пока прямо над головой Игната с третьей полки не слез молодой парень. Игнат тут же водрузил на эту полку чемодан, на него положил шинель, затем забрался сам и, поджав ноги, улегся. Под потолком было душно, но выбирать не приходилось. Только перед Москвой внизу появилась возможность сесть на свободное место. Позд-

ним вечером Камский добрался до Белорусского вокзала. Прямой поезд, нужный Игнату, уже ушел. Пришлось ехать через Оршу.

Можно представить с каким воодушевлением он стремился поскорее прибыть к родным. Чтобы не тревожить Сильвию он не стал предупреждать ее об аварийной посадке самолета. Последние метры перед домом он уже бежал, забыв про дорожную усталость. И вот она знакомая до мелочей дверь веранды, кнопка звонка. Послышались шаги. Щелкнул замок. Возникла Вера Тимофеевна. Взглянув на нее, восторг ожидания встречи в душе Игната мгновенно погас.

– А где Сильвия? С ней все в порядке? С ребенком? – видя безрадостное лицо тещи, спросил он.

– В больнице они. У Дарьи воспаление легких, – сухо ответила Вера Тимофеевна и добавила: – Проходи. А почему так долго? Мы тебя ожидали увидеть еще двумя днями раньше.

– Самолет совершил вынужденную посадку в Уфе. Дальше пришлось с пересадками. А где Константин Николаевич?

– На работе?

– Сегодня же выходной!

– Начальство попросило выйти. Раздевайся. Сейчас я тебя покормлю.

Игнат открыл чемодан и выложил подарки. Затем перекусил, привел себя в порядок и отправился в детскую больницу, куда была госпитализирована Сильвия с Дарьей. В приемном отделении он передал записку, лекарства, соки, детское питание. Узнав, в какой палате находится Сильвия, он еще по студенческой памяти сориентировался, вышел в больничный двор и встал перед окнами. Через некоторое время в окне второго этажа показалась Сильвия с ребенком. Она приветственно помахала ему рукой и, как показалось Игнату, устало улыбнулась. На улице было холодно, мела метель, дул пронизывающий ветер. Видимо, из щелей рамы окна сквозило, поэтому Сильвия, что-то сказала, сделала жест рукой и отошла от окна. Игнат вернулся в приемное отделение, дождался ответной записки и ушел. Когда до конца краткого отпуска Игната оставалось пару дней, Дарью выписали. Расставание было грустным и нервным из-за будущей неопределенности.

## Ночная беседа

Лейтенант медицинской службы Камский Игнат Павлович внимательно читал таблицу-схему о порядке оказания неотложной медицинской помощи, затем выдвигал один из ящичков в тумбе, напоминая библиотечный каталог, и сверял содержимое с описью и требованием инструкции. Когда что-то не совпадало, делал запись в блокнот, лежавший на столе. Шел одиннадцатый час, в части уже был произведен отбой. Медицинский пункт был пуст. Но тут открылась входная дверь, и вместе с шумом ветра в помещение вошел офицер в звании майора с повязкой дежурного по части на правой руке. Это был заместитель командира части по тылу Хлебников.

– Доктор, к тебе можно зайти? – увидев в соседней комнате лейтенанта Камского, спросил он.

– Проходите.

– Чем занимаешься?

– Сроки годности препаратов проверяю.

– Ну, если ты занят, я сейчас уйду.

– Нет, я уже все закончил.

Камский задвинул последний ящик, поместил в полевую сумку тетрадь и вышел к майору Хлебникову.

– Нужна кому-то медицинская помощь? – поинтересовался он.

– Нет, все в порядке. Просто заглянул на огонек.

– Ну, тогда давайте ко мне в кабинет. Я чайку заварю. Согреетесь.

– Сегодня мороз под двадцать да с ветерком. А крепче чего-нибудь не найдется?

– Есть.

Хлебников оживился:

– Ну, так доставай!

Когда Камский достал из сейфа бутылку коньяка и тарелку с закуской Хлебников не смог сдержать эмоций:

– Не думал, что будет такое приятное дежурство.

Игнат поставил две кружки.

– Ну, нет! Такой драгоценный напиток надо пить из маленьких сосудов. У тебя же должны быть небольшие стаканчики.

Камский заменил кружки на мензурки.

– Ну, вот совсем другое дело.

– За знакомство! – произнес Хлебников и медленно поглотил янтарное содержимое.

– Иван Сергеевич, а почему вы оставили партийную работу? – спросил Игнат, наливая в мензурку очередную дозу армянского пятизвездочного коньяка «Арарат».

За окнами медицинского пункта мела метель. Периодически из туч выныривала луна, чтобы вдохнуть холодного зимнего воздуха, кратковременно осветить казармы части и безжизненный степной ландшафт до самого горизонта, а затем вновь исчезнуть в пучине.

– Ты лучше скажи, где такой коньяк достал?

– Санитарный инструктор угостил. Он из дома посылку отправил на мое имя.

– Акопян?

– Да. Он фельдшер по образованию.

– А зачем на твое имя? Ах, да! Иначе в роте бы все оприходовали сослуживцы, – усмехнулся Хлебников. – Молодец Акопян. Хорошо придумал.

– А за что такая благодарность?

– За то, что из нескольких человек я выбрал его для работы в медицинском пункте.

– Ну, и как? Не просчитался?

– Нет. Исполнительный, грамотный. Претензий к нему нет.

– А это он тоже прислал? – спросил Хлебников, отправляя в рот небольшой кусочек подсушенного мяса, обильно посыпанного красным перцем и еще какими-то специями.

– Да. И еще несколько гранатовых плодов.

– Ну, так угости!

– Уже все раздал.

– А ты почему на выходной не уехал в гарнизон?

– Взял с собой несколько книг по хирургии, а также иностранный язык штудирую. Хочу сдать кандидатский минимум.

– В армии не планируешь остаться?

– Пока нет.

В части, кроме ротных дежурных офицеров, всегда кто-то был еще от штабных работников.

– Хорош коньячок! С таким ароматом никогда не пробовал.

Хлебников взял бутылку и перевернул. На дне была видна в стекле надпись «Арарат».

– Фирменный! – поставив емкость на стол, произнес заместитель по тылу, а затем опорожнил содержимое мензурки в рот. – Я сейчас пройду с проверкой, а затем продолжим разговор.

Примерно через полчаса он вернулся.

– Все в порядке. Так на чем мы остановились? Ах, да! Ты спрашивал, почему я ушел с партийной работы? С точки зрения человека обеспокоенного своим благополучием, карьерным ростом, привилегиями я поступил неразумно. Партийный аппаратчик это главный представитель власти. Фактически все в подчинении, кроме вышестоящих идеологов. А ты случаем не от других служб? – вдруг насторожился Хлебников.

– Да, специально призвался в армию, чтоб с тобой познакомиться, – расплылся в добродушной улыбке Игнат.

– Ну, наливай!

Закусив с нескрываемым наслаждением, Хлебников продолжил разговор.

– Не обижайся! Я пошутил. Так, вот. Меня не отпускали. За плечами у меня была партийная академия. Вся родословная рабоче-крестьянская. Но чем глубже я изучал историю, труды основоположников и чем тщательнее сопоставлял постулаты с реальностью, тем больше у меня появлялось вопросов и сомнений. Кстати, ты беспартийный?

– Да. Мне еще можно несколько месяцев побыть комсомольцем.

– А ты походи на открытые партийные собрания, послушай. Потом определишься. Скажи, с какими трудами Ленина знаком?

– Наш вуз из-за обилия идеологических дисциплин в шутку называли «Институтом марксизма-ленинизма с медицинским уклоном», поэтому изучение работ классиков входило в обязательную программу. Читал «Государство и революция»...

– Хорошо остановимся на этой работе. Так что же будет с государством?

– В перспективе отомрет.

– А как, по-твоему, человеческое общество усложняется, или упрощается.

– Это же очевидно. Оно становится более сложным.

– Не только более сложным механизмом, но и более опасным, непредсказуемым в своих переменах. Оно интегрируется, требует соответствующих механизмов регуляции. Получается, что государственные институты должны развиваться, а не отмирать. Ленин гениальный практик, разрушивший одно государство, чтобы на его месте построить другое, в котором отмирание не предусматривалось, по крайней мере, в столетней перспективе по Владимиру Маяковскому. Давай-ка организуй по чашечке кофе, а коньячок оставь для другого раза.

За окнами посвистывал ветер, шуршала снежная крупа.

– Вот кофе, – Игнат пододвинул чашку Хлебникову и поставил рядом тарелку с печеньем.

– Разделяй и властвуй! Слышал о таком принципе?

– Да, им пользуются правители с древних времен. Римляне, британцы в Индии...

– Это стратегия прихода к власти и ее последующего удержания. Владеть этим приемом может только личность искусная, образованная, знающая историю, политическую науку и человеческую психологию. Вначале нужно было породить недоверие к царскому правлению в «монолите» племен и народностей, а затем, придя к власти, поддерживать взаимное недоверие и разобщенность. Владимир Ильич убедительностью своих трудов возбудил ненависть между богатыми и бедными. Но для победы этого было мало. Плюс вражда между верующими и атеистами – это уже кое-что. И, наконец, национальный порыв сделал свое дело. Империя рухнула.

– Ну, а дальше.

– Дело в том, что большевики были большинством только на известном съезде, но не в народном представительстве. Командовать большинством народа меньшинство может только репрессивными способами и древним принципом «разделяй и властвуй». А перед страной и властью в то время стояла задача выживания, и цена человеческой жизни отошла на второй план.

– А как же индустриализация, коллективизация, культурная революция? Ведь был же пафос, порыв! Вера в светлое будущее.

– Конечно же, был, иначе мы бы здесь сейчас не философствовали.

– Нам преподаватели в вузе на первом курсе читали лекции по истории партии, вкратце рассказывали о репрессиях, культах личности, перегибах в коллективизации, но не углублялись. И эта двусмысленная недоговоренность ощущалась.

– Зри в корень! Есть такая поговорка. А если это грозит утратой веры в идеалы. А если это сук, на котором сидишь.

– То есть вы решили опуститься на землю с ветки, на которой восседали, и не ждать, пока она обломается.

– А ты догадливый, доктор, хоть и молодой.

– Ветка была крепкой. Просто я не хотел быть ханжой.

– Но марксистско-ленинское мировоззрение ведь не религия.

– Вот я и не согласился делать его религией. Теперь занимаюсь простыми насущными житейскими делами.

– Вы остались в партии?

– Когда я менял профессию, после одного из жестких разговоров с парторгом гарнизона оставил партбилет у него на столе, но он мне его вернул. Ладно, спасибо за угощение. В другой раз продолжим наш диспут. Если ты коньячок сохранишь...

– Договорились.

– Ну, бывай.

Хлебников вышел из медицинского пункта и зашагал в сторону казарм. Дул сильный ветер, луна скрылась, блесло несколько одиноких звезд. Игнат закрыл дверь, погасил свет и тут же уснул на диване в своем врачебном кабинете.

## Наркоманы

Игнату показалось, что не прошло и мгновения сна, как раздался решительный стук в дверь медицинского пункта. Доктор мгновенно вскочил, обулся и, подойдя к входной двери, открыл ее. В помещение врвался холодный воздух, тут же превращавшийся в белые клубы пара.

– Товарищ, лейтенант, вас вызывает Хлебников в казарму третьей роты! – быстро проговорил, не заходя в помещение, посыльный в серой солдатской шинели с ефрейторскими лычками и шапке с завязанными клапанами.

– Что случилось?

– Там двое солдат без сознания.

– Сейчас буду.

– Разрешите идти! – проговорил посыльный и, получив утвердительный ответ, взял под козырек, развернулся и бегом исчез в направлении штаба части.

Камский взял медицинскую укладку и направился в третью роту. Там уже находился майор Хлебников и фельдшер младший сержант Акопян. Они стояли в проходе между двух кроватей. На первой слева лежал рядовой в обмундировании поверх одеяла с бледным лицом и приоткрытыми глазами, глазные яблоки спонтанно двигались слева направо, потом обратно справа налево, иногда замирали в крайней верхней точке, обнажая под веками белую роговицу. На противоположной стороне также в солдатском обмундировании и также поверх одеяла лежал второй солдат, но на правом боку.

– Док! – так Хлебников всегда обращался к Камскому, когда испытывал по какой-нибудь причине внутреннее волнение и ситуация была неординарной. – Это наши наркоманы со стажем. Где-то опять наширялись. Но, чтобы до потери сознания, это впервые. Кого только не набирают в стройбаты! Они осеннего призыва. Я смотрел их учетные карточки. Там есть отметка о склонности к употреблению наркотических средств. Отслужили всего-то пару месяцев. И где умудряются эту заразу добывать?

Лейтенант Камский начал осмотр первого рядового, который был в более тяжелом состоянии.

– Это Елисеев Семен, – указывая на лежащего наркомана с плавающими движениями глазных яблок, пояснил Хлебников.

Игнат приподнял веки рядового Елисеева и отметил, что реакция зрачков на свет имеется, хотя и ослаблена. Была резко снижена болевая чувствительность. Пульс учащен, артериальное давление повышено. Дыхание поверхностное, но ровное. На левой руке в области предплечья имелось свежее повреждение кожи точечного характера.

– А кто второй? – обратился Камский к Хлебникову.

– Это Звонарев Савелий. Из трудовой семьи, а надо же! – заместитель по тылу сокрушенно вздохнул.

Состояние Звонарева не вызывало опасений. Повреждений на коже не было. Он даже что-то пытался бормотать и сопротивлялся осмотру.

Личный состав роты сладко спал. Тишина иногда нарушалась похрапыванием и редким возгласом из яркого сновидения какого-нибудь солдата.

Лейтенант Камский распорядился перенести обоих в медицинский пункт. К рассвету Елисеев после капельницы, а Звонарев без лечения пришли в себя и начали перебрасываться шутивными репликами.

Вскоре прибыл командир части подполковник Самусев и сразу же вызвал к себе лейтенанта Камского.

– Ну, доктор, доложи обстановку!

Камский подробно рассказал о случившемся.

– Надо срочно изолировать этих наркоманов! – резко произнес Самусев. – Вот что, доктор, звони с моего телефона своему начальнику медицинской службы, объясни ситуацию, а потом передашь трубку мне.

Все сказанное командиру части Камский с некоторыми профессиональными дополнениями и уточнениями повторил своему гарнизонному медицинскому начальнику, а затем передал телефон подполковнику Самусеву.

– Иван Дмитриевич, мне очень необходимо, что бы вы договорились о госпитализации в психиатрическую больницу Семипалатинска двух моих рядовых на сегодня, – командир назвал фамилии наркоманов. – Нет, не как получится, а на сегодня, иначе ответственность нам придется нести вместе. Один сегодня ночью мог скончаться. В психбольнице нет мест?! Звоните в областной отдел здравоохранения. Я знаю, что у вас дел невпроворот. Если вы мне до двенадцати ноль-ноль не позвоните, я буду докладывать генералу...

На противоположном конце провода разговор был прерван. Подполковник Самусев был возбужден.

– Пусть только не решит мне этот вопрос! – командир части подразумевал начальника медицинской службы военных строительных отрядов. – Ты, доктор свободен. Готовь машину к поездке в Семипалатинск.

И действительно, около половины двенадцатого пришла телефонограмма – разрешение на госпитализацию в областную психиатрическую клинику двух военнослужащих.

История болезни №1

Рядовой Елисеев Семен призвался в армию из славного города Одесса и был кореным одесситом уже в нескольких поколениях. Отец его Аркадий Адамович как начинающий молодой актер находился только в начале пути к славе и широкой известности. Мать Шахова Валентина Павловна работала в заводской бухгалтерии. Через несколько лет эмоциональной экспансивной творческой артистической натуре Аркадия Адамовича стало тесно в окружении строгой математики его супруги, и он, оформив развод, затерялся на гастрольных просторах большой Родины. Валентина Павловна вырастила сына одна, получая скудные алименты от малоимущего артиста. Семен унаследовал отцовский габитус. Он был выше среднего ростом, худощав, веселого нрава, подвижен, общителен, всегда стремился стать душой кампании. Обучаясь в старших классах, освоил несколько торгово-практических иностранных диалектов и вместе с проверенными товарищами по парте использовал эти знания для общения с зарубежными представителями в лице матросов с кораблей, останавливающихся в одесском порту. Контакты с рабочим классом иностранных судов носили сугубо практический характер. Семен и его друзья приобретали у гостей импортный дефицит, включавший жевательные резинки, косметику, одежду, бижутерию и прочее, перепродавая затем все это на стихийных народных рынках. Валентина Павловна своей все пронзающей, как рентген, интуицией контролировала инициативного отпрыска, но не мешала его становлению. Какую-то часть заработанных подпольной торговлей денег Семен отдавал матери, остальные тратил по своему усмотрению. Заканчивался экзаменационный цикл, приближался выпускной бал, совершеннолетие и призыв в армию. Семен и несколько его дворовых друзей решили сходить в ночной ресторан для иностранцев. Весело болтая по-английски и дав швейцару пару долларов, они вошли внутрь и заказали недорогой коктейль. С их группой вскоре познакомился мужчина, хорошо говоривший на русском языке с едва уловимым акцентом. Он всех угостил тонкими сигаретами с ароматным дымом. После нескольких затяжек Семен почувствовал прилив душевного восторга, ему хотелось веселиться, петь, танцевать, летать. Нечто похожее испытали и его друзья. Один из официантов подозрительно посмотрел на развеселившуюся кампанию, а затем пригласил администратора. Молодые люди, решив не испытывать судьбу, поспешили удалиться.

Утром у Семена болела голова, он чувствовал себя разбитым и ослабленным. После нескольких чашек кофе он начал готовиться к последнему экзамену.

Через несколько дней, уже после выпускного вечера, к Семену заглянул один из его одноклассников, также бывший в ночном ресторане.

– Привет, Семен!

– Привет, Эдик!

– Какие планы на сегодня?

– Пока еще не придумал, – ответил Семен, продолжая лежать на диване.

– Твоя мать дома?

– Нет, а работе.

– Закурить хочешь? – Эдик достал из кармана пачку сигарет и открыл ее. – Помнишь того ирландца в ресторане? – продолжал он.

– Да. Какую-то наркоту нам подсунул. У меня после этого голова целый день болела.

– Это у тебя от коктейля. А у меня все было нормально. Держи! – Эдик вынул из пачки одну тонкую сигарету и протянул ее Семену.

После некоторых колебаний тот тоже закурил. Через несколько минут друзья уже были веселы и безучастны к будущим трудностям. Они витали в облаках грез. Как раз в это время возвратилась с работы мать Семена и застала неестественное веселье друзей в самом разгаре. Глаза их блестели, комната была полна дыма.

– Семен, я же тебе запретила курить! И ты дал мне слово. – Затем Валентина Павловна подозрительно нюхнула воздух несколько раз и с испугом в голосе спросила: – А что это вы курите?

Она вырвала сигарету из руки сына. Пустая пачка лежала на столе. Молодые люди сидели в креслах с безучастным блаженным видом. Страшная догадка пронзила Валентину Павловну. Она глянула в лицо сыну, затем его другу. Они спали с открытыми глазами, периодически бормоча что-то несвязное. Перепуганная женщина вызвала скорую помощь.

– Наркотическое отравление, – констатировал врач, осмотрев молодых людей.

– Ой, что же теперь делать? Они жить будут?

– Будут. Но я заберу их в токсикологическое отделение. Там разберутся.

Валентина Павловна была вне себя и рукой периодически касалась области сердца.

– Ранее вы замечали что-нибудь подозрительное в поведении сына? – продолжал спрашивать врач.

– Да нет же. Он школу с хорошими и отличными оценками закончил.

Уходя, доктор забрал с собой остатки сигарет для исследования, а санитары отвели в машину накурившихся зелья молодых людей.

На следующий день, когда Семен вернулся в дом, то увидел постаревшую осунувшуюся мать. А на столе в своей комнате он обнаружил повестку в военкомат.

История болезни №2

Семья Звонаревых прошла все естественные трудности жизненного становления. Поначалу она в составе Романа и Зинаиды проживала в общежитии, потом в коммуналке, через несколько лет после рождения ребенка они переехали в однокомнатную квартиру, выделенную мурманским портом. После рождения второго, а затем третьего дитя они увеличивали свою жилплощадь, доведя ее до четырех комнат. Первый сын Савва уже достиг совершеннолетия и числился в призывниках. Дочь Ирина и младший член семьи Аркадий были школьниками. Роман Филиппович Звонарев всю жизнь проработал крановщиком в порту и другой работы для себя не представлял. По своим стопам он хотел направить и старшего сына Савелия. Роман Филиппович был заядлым курильщиком. По настоянию своей супруги пытался несколько раз бросить, но из этой затеи ничего не вышло. Не сильно он огорчился, заметив, что Савелий тоже пробует курить.

Однако первой Зинаида, затем и младшие дети обратили внимание на то, что Савелий приходит порой от друзей в приподнятом настроении, с румянцем на лице, блеском в глазах. В такие моменты он с желанием делает рутинную домашнюю работу, делается каким-то неестественным. Затем его приподнятое настроение сменяется угрюмостью.

– Савелий, а ты часом наркотой не балуешься? – как-то спросил его отец.

– Ты че, батя! Не!

– Ну, может, травку какую-нибудь «безобидную» покуливаешь для подъема настрою. А с того все начинается. И не заметишь, как втянешься. А потом – кранты. Помнишь такого Хромова?

– Это тот, который на каре работал в твоей бригаде?

– Да. Так вот, он помер в больнице.

– А отчего?

– Наша фельдшерица сказала, что от наркоты. Он все какие-то сигаретки поначалу потягивал. Какой здоровяка то был! За пару годов сгорел человек. Скажи мне откровенно: пробовал какое-нибудь зелье?

– Ну, пацаны пару раз давали потянуть какую-то самоделку.

– Савелий, под любым предлогом отказывайся, если хочешь жить! Дай мне слово, что не прикоснешься к наркоте!

– Батя, обещаю!

По воле неумолимого случая рядовые Елисеев Семен Аркадьевич и Звонарев Савелий Романович попали в строительный батальон, дислоцировавшийся на площадке «Орион».

Уазик с красным крестом уже стоял возле медицинского пункта, в нем сидели рядовые Елисеев и Звонарев, за рулем был водитель.

– Доктор, если ты до двадцати трех ноль-ноль на обратном пути не пересечешь КПП полигона, мы вынуждены будем начать поиски. Будь осторожен. Зима, степь. Сам понимаешь! – напутствовал подполковник Самусев лейтенанта Камского.

Ехали по степной накатанной дороге, которую успел изучить водитель за полтора года службы. Мороз ослаб, но было ветрено. Примерно через четыре часа пути достигли цели и заехали на территорию областной психиатрической больницы. Оформлял больных дежурный врач Камского поразило, с какой невероятной скоростью психиатр покрывал чистые листы бумаги. На одну страницу у него уходило не более одной минуты. Когда выехали обратно, уже смеркалось, а вскоре стало совсем темно. Свет фар прорезал мрак. Заиндевшая дорога искрилась, словно млечный путь. Неожиданно машина, чихнув пару раз, заглохла и остановилась.

– Что случилось? – поинтересовался Камский у водителя.

– Все в порядке, – ответил тот. – Бензин закончился. Сейчас залью из канистры.

Через несколько минут поехали дальше и без четверти до условленного часа уже были на КПП полигона. Лейтенант Камский дозвонился до дежурного, сообщил, что солдат госпитализировал и скоро приедет.

Уже по весне пролеченных Елисеева и Звонарева забрал из клиники один из офицеров, ездивший в Семипалатинск по делам части.

## Случай на грейдере

Игнат ждал с нетерпением очередного отпуска. Командир части обещал дать его в марте, когда станет теплее. От Сильвии он получал то радостные, то грустные, иногда с упреками письма. Они решили быть вместе, и Камский договорился о выделении комнаты в общежитии.

На консультацию в Семипалатинск на медицинском узике везли четырех рядовых: двоих в неврологию, одного к онкологу, еще одного в наркологическое отделение. Старшим автомобилем был капитан медицинской службы Харитонов. Сопровождал больных фельдшер лазарета старшина Гурко. Лейтенант Камский ехал за медикаментами, которые должен был приобрести для воинской части на аптечных складах. Стоял февраль, самый снежный месяц в году. Восточно-казахстанские степи были открыты всем ветрам, и белые барханы кочевали по степным просторам, задерживаясь только в естественных складках местности, создавая в отдельных местах заносы толщиной в несколько метров. Грейдер, так называли насыпную автомобильную дорогу, начинался от станции «К» и, минуя Чаган, летел к областному центру имени семи палаток.

– Не торопись, дорога скользкая! – периодически сдерживал молодого водителя капитан Харитонов.

– Да дорога-то пустая! – возражал тот.

– Тем более. Случись чего и помощи не дождешься.

Встречные машины попадались редко. С правой южной стороны грейдера снега не было и дорога в одном месте полого, в другом круче переходила в степное пространство. С левой стороны грейдер, создав собой препятствие, затормозил движение снега. Его намело столько, что кое-где заносы возвышались над полотном дороги. Кабина в узике отделялась от пассажирского салона двумя раздвижными шторками, представлявшими собой металлические рамки со вставленными стеклами. Игнат сидел в салоне позади старшего автомобиля, за ним через вход двое солдат: первый грузный с тупым безразличным выражением лица, страдавший от наркотической зависимости, и второй с опухолью на шее. На другой стороне салона дремал фельдшер и двое рядовых с неврологическими нарушениями. Пейзаж был однообразным и скучным, а путь не близким. Предстояло преодолеть пространство около ста пятидесяти километров туда и потом обратно.

Колонна военных машин двигалась со скоростью около пятидесяти километров в час. Это был плановый марш по подготовке молодых водителей. Возглавлял колонну «Урал», старшим в его кабине сидел майор Зубов. Было раннее утро, стояло морозное марево, шли с включенными фарами.

– На этом ровном участке добавь газа, а перед поворотом, видишь вот там впереди, при тормози, – распорядился Зубов.

Рядовой Пашков послушно исполнял все распоряжения. Неожиданно на дороге возник медицинский узик, которого занесло на скользкой дороге, и теперь он стремительно приближался к колесам «Урала» своей правой стороной на которой виднелся красный крест. Столкновение было неизбежным.

– Тормози..и..и! – только и успел крикнуть Зубов, ожидая звона бьющегося стекла и железного скрежета.

Но узик внезапно исчез, как и появился перед этим. «Урал» проехал еще несколько метров, прежде чем остановиться. Колонна прекратила движение. Майор Зубов вышел из кабины и начал осмотр местности. Следов дорожного происшествия не было, как не было и самого встречного санитарного автомобиля. «Ну, не померещилось же мне все это!» – подумал Зубов. Он начал внимательно всматриваться в снежный занос, вначале отдаляясь, затем, приближаясь, к месту возможного столкновения и, наконец, заметил на снежном плато рыхлый квад-

рат размером примерно полтора на полтора метра. В то же мгновение квадрат ожил – кто-то открывал заднюю дверь автомобиля. Зубов и еще несколько подбежавших военных бросились на помощь. Вскоре из автомобиля, нырнувшего в снег, вытащили четырех рядовых, одного сержанта. Они были невредимы. Следом самостоятельно выбрался лейтенант медицинской службы. Лицо у него было в крови. Кровотечение продолжалось из ранки на левой брови. Кровь стекала на шинель. Выйдя на дорогу, лейтенант зажал пальцами ранку. Кто-то достал из автомобильной аптечки бинт и подал ему.

– Там в машине еще двое, – сказал лейтенант, – капитан Харитонов и водитель.

Помогли выбраться также им. У них травм не было.

– Машину техпомощи сюда! – распорядился Зубов.

Затем подцепили уазик и вытащили его на дорогу. Он был целехонек, даже стекла не потрескались. Послышался гул изумления. А когда мотор завелся с половины оборота, возгласы удивления переросли в восторг. Кровотечение из раны на брови у лейтенанта Камского прекратилось, ему помогли вытереть лицо. Затем он снял шинель и очистил ее с помощью снега. Еще минут через пятнадцать счастливицы продолжили путь. Зубов построил личный состав колонны и что-то эмоционально говорил.

– Пересядь на другую сторону! – приказал грузному наркоману лейтенант Камский.

Во время дорожного происшествия тот нечаянно рукой сильно толкнул голову офицера, тормозя свое падение, в результате Игнат распек бровь о раздвижную створку автомобиля.

Водитель уазика при заносе с испуга, вместо торможения еще сильнее нажал на педаль газа, колеса успели в самый последний момент зацепить твердую почву и бросить машину в рыхлую снежную подушку.

## Не изменяя цели

В первый год своей службы в качестве врача военно-строительного отряда лейтенант Камский до приезда семьи все свое свободное время посвящал штудированию немецкого языка в объеме необходимом для сдачи кандидатского минимума; продолжал также посещать местный госпиталь, где участвовал в некоторых оперативных вмешательствах. Через два года он планировал возвратиться на родину, имея великолепные шансы на поступление в клиническую ординатуру на кафедру, где занимался научной работой. За свои студенческие изыскания Игнат получил первую и высшую категории по итогам конкурсов. Ему уже поступило предложение от куратора после интернатуры присоединиться к научно-практическому сообществу, но уклониться от службы в армии каким-либо образом Камский себе даже в мыслях не позволил, решив, что опыт военной медицины не помешает. И вот теперь был вынужден проверять работу солдатской столовой и вести амбулаторный прием солдатского и сержантского состава, ездить в командировки.

Был воскресный день ноября. Игнат сидел за столом в читальном зале общежития и переписывал неправильные глаголы из немецко-русского словаря в тетрадь, чтобы неспешно их выучить. Он пытался познакомиться с людьми, знающими иностранные языки, для чего опрашивал своих сослуживцев и знакомых. К сожалению таковых не находилось, а немцы по национальности из числа призванных солдат забыли лексику Гете напрочь и общаться с ними не имело смысла. Правда, однажды к нему на прием в лазарет пришел офицер в звании старшего лейтенанта, родившийся в Казахстане в немецкой деревне и являвшийся «арийцем» в нескольких поколениях. Его отец был участником войны, на фронте выступал в качестве переводчика при допросах «языков» и прочих пленных. Шмидт Александр Стефанович – так было написано в медицинской книжке обратившегося за помощью служивого.

– Присаживайтесь вот на этот стул. Слушаю вас? – показал Камский.

Старший лейтенант выразительно посмотрел на санитарного инструктора, помогавшего вести прием.

– Нам нужно поговорить тет-а-тет.

– Александр, сходи в аптеку за перевязочными материалами, – сказал своему помощнику доктор.

Тот быстро удалился, прихватив с собой пустой бикс.

– Понимаете, – пациент замылся, затем, глубоко вздохнув, продолжил. – Это случилось года три назад. Я только окончил военное училище, получил лейтенантские погоны и ехал в поезде к своему первому месту службы. Настроение было прекрасное. В купе оказалась соседкой красивая женщина, можно сказать девушка, так как она была чуть старше меня. Познакомились, разговорились, потом сходили в ресторан. Естественно я угощал. Обменялись адресами. Я ей сказал, что на такой красавице, как она я бы, не раздумывая, женился. Купе было четырехместным, но верхние полки пустовали. Короче, ночью мы спали вместе. Утром она вышла на какой-то станции. Уже по прибытии в часть, я обнаружил, что пропал мой денежный запас в виде небольшого пакетика, который лежал в саквояже. Ну, да бог с ней с этой заначкой. Через пару недель, я понял, что подхватил какую-то венерическую болезнь. Лечился у местных врачей, стало лучше, и даже забыл об этом. Потом обострение, снова лечился. На службе был предельно занят. Месяц назад познакомился с приятной девушкой, но дело в том, что меня беспокоят боли в области копчика. Я хочу завести семью.

Далее Камский расспросил о симптомах более подробно, назначил анализы. Диагноз хронического простатита подтвердился. Уже на следующем приеме Игнат спросил у своего пациента:

– Почему вы решили обратиться ко мне? Надо к урологу.

– Да я был у него. Колот антибиотики. Как-то мало помогло. Мне сказали, что у вас есть метод с какими-то ферментами.

– Ну, да. С протеолитическими. Но нужно будет вначале определить чувствительность к антибиотикам секрета из уретры, а потом придется вытерпеть несколько инъекций прямо в воспаленный орган.

– Это очень больно?

– С новокаином нет. Но весьма неприятно.

– Доктор я согласен. У меня скоро свадьба.

– Скажите, а вы хорошо знаете немецкий язык? – перевел Камский разговор на интересующую его тему.

– По крайней мере, понимаю.

– А вы можете перевести мне этот текст? – камский подал ему медицинский журнал на немецком языке.

Старший лейтенант начал читать и переводить. По произношению и смыслу переведенного абзаца Игнат понял, что учиться тут нечему.

– Ладно, спасибо.

– Если надо, обращайтесь.

– Непременно.

Шмидт завел семью. В дальнейшем куда-то перевелся.

Игнат записал очередной немецкий глагол в тетрадь. В это время к нему подошел Романчук его товарищ однокурсник, а теперь врач одной из строительных частей.

– Не устал, все пишешь?

– Да делать то нечего.

– А я тут с одной дамой познакомился.

– Так у тебя же на родине сын родился!

– Но мы не расписаны. Я с ней всего полгода, как был знаком.

– Значит ребенок твой. Там полгода и здесь уже четвертый месяц.

– Возможно. Представляешь, она пришла после родов к моей матери с малышом и объявила, что это ее внук.

– И правильно сделала.

– Теперь живет в моей комнате.

– Она же все равно пустует.

– Представляешь, дама, с которой я познакомился, высокая такая, темпераментная... –

Снова перешел на прежнюю тему Романчук

– Уже успел выяснить? А привет от Богдановича не придет?

– Ну, ты что! Она же замужем. Правда, детей нет. С высшим образованием. Муж инженер. В командировку на пару недель уехал. Я вначале подробный анамнез собираю, а потом действую. Просмотри на ее фотку!

Дама выглядела броско, почти как Мэрилин Монро.

– Да, женщины тебя любят.

– По крайней мере, не отказывают.

– Иначе и не может быть при твоей комплекции, да и лицом не кривой.

– У нее, кстати, подруга есть. И тоже замужем, и супруг из одной отлучки в другую.

– Нет, Дима, с этой информацией не ко мне. А вот Благинина она заинтересует.

– Между прочим, – перейдя почти на шепот и слегка склонившись к сидящему Игнату, Романчук проинформировал, – здесь радиационный фон повышен.

– Ну, так в пределах допустимого уровня.

– Я о том, что у баб либидо при таком фоне аж зашкаливает.

– Есть экземпляры, у которых оно всегда зашкаливает. Что у нас на курсе таких не было? Я, думаю, это больше от безделья и скуки. Надо же чем-то развлекаться, когда только дом, улица и степь без конца и края.

– Ну, не скажи! Таких распутных замужних дам у нас поменьше.

– Тебе видней.

– Пойду, навещу Благинина.

В это время в читалку вошла Вересова с маленьким сынишкой. Романчук приветливо склонил голову и даже приклонился в знак почтения. Галина мягко ему ответила: «Привет, Дима!»

Игнат из осведомленных источников узнал, что Романчук пытался ухаживать и за Галиной Вересовой, но услышав в ответ: «Дима, ты преувеличиваешь свои возможности», благополучно ретировался и закрыл эту тему.

Мимо оставленной Романчуком открытой двери проходил Эдуард Марченко и, заметив Камского, с которым проживал в одной комнате, подошел к нему.

«Сегодня позаниматься не дадут», – подумал Игнат.

– Слушай, Игнат, я сейчас обедал в ресторане. Там продается токайское вино. Просто класс! Я такого никогда не пробовал. Что значит московское снабжение. Советую сходить при случае. Что ты себя сушишь этой наукой?! Не надоело в институте? Вообще-то, как знаешь. Ключ у тебя от комнаты?

– Нет, я оставил у вахтерши под нашим номером.

Марченко развернулся и ушел. Камский захлопнул увесистый словарь, взял тетрадь, чернильницу с тушью и перьевую ручку, сложил все в папку с молнией и отправился в свою комнату. Эдик, вольготно возлежал поверх одеяла, из одежды сняв только пиджак. Коричневый броский галстук скользил наискосок по белой с тонким узором рубашке, которая была заправлена в темные брюки, имевшие синий отлив; на поясе был, широкий кожаный ремень, на ногах светло-серые носки. Туфли валялись в позе стрелок часов рядом с кроватью. Если включить воображение, то обувь показывала три часа то ли дня, то ли ночи. Марченко блаженно улыбался. Он был одним из немногих холостяков после интернатуры. Его профессиональной ориентацией была терапия. В городке атомщиков можно было ходить на киносеансы в дом офицеров, которые шли по выходным, еще в ресторан и кафе. И все.

– Я вижу, Эдик, у тебя хорошее настроение.

– Да! Поел, выпил вина. О службе думать не хочется.

– Ты же собирался писать рапорт о зачислении в кадровые офицеры.

– Еще надо подумать.

– Что нового на родине?

– Да, все в норме. Брат школу заканчивает. Родители здоровы. А я накануне с одной женщиной познакомился.

– А почему не с двумя сразу?

– Если с двумя, это значит ни с какой.

– Убедительно. Ну, и что?

– Знаешь, она такая интересная!

– Моложе тебя?

– На пару годков.

– Женись, в конце концов. Тебе уже двадцать пять.

– Мой отец в тридцать завел семью.

– Прояви инициативу.

– Дело в том, что у нее уже есть ребенок.

– Усыновишь.

– Девочка.

– Удочеришь.

– Легко сказать. Дело в том, что она сама из неблагополучной семьи. Несколько лет жила в детском доме.

– А родители?

– О них она не хочет вспоминать.

– А где работает?

– В ресторане.

– Это там, где ты был?

– Ну, да.

– Чем она тебя так притянула?

Если бы Эдик был трезв, возможно, не ответил бы на этот вопрос. После некоторого раздумья он произнес:

– Она такая мягкая и нежная! А как вспыхивает от эмоций!

Камский подумал, «действительно здесь, наверно, повышенный радиационный фон скывается». Затем взял чайник и пошел на кухню, чтобы вскипятить воду. В общем холодильнике взял свои продукты и стал готовить ужин.

## Переезд

И вот он месяц март и полноценный очередной отпуск. Самолет на Москву вылетел без задержек, благополучно приземлился в Домодедово, затем Игнат переехал в Быково и через несколько часов был в родном городе. Встретила его Сильвия сдержанно и сухо, сообщив, что маленькая Дарья температурит и ей предложено снова лечь в больницу, потому что в крови ребенка был обнаружен стафилококк. Снова лечение. Когда температура у Дарьи нормализовалась, Сильвия выписалась под расписку и молодая семья рванула судьбе навстречу в Восточный Казахстан.

Игнат с Сильвией и маленькой Дарьей благополучно поездом добрались до Москвы, потом на такси переехали в аэропорт Домодедово. Вылет самолета несколько раз откладывали. Наконец ночью вылетели, а утром уже были в Семипалатинске. Переехали на пересыльный пункт. Там дождались поезда и в предвкушении скорого окончания пути расположились на своих местах.

- Как долго ехать? – поинтересовалась Сильвия.
- Со всеми проверками часа четыре.
- Скорее бы.

Уже заканчивались вторые бессонные сутки. Дарья вела себя спокойно всю дорогу. Несколько раз попыталась заплакать, но ее быстро успокаивали, предлагая попить, поесть или меняя пеленки. Личико у ребенка после всех болезней было бледное, вокруг глаз на веках просматривалась синева. При посадке проверили паспорта и другие документы. Накануне Игнат связался по коммутатору с частью и сообщил повторно вдобавок к посланной накануне телеграмме, что едет с семьей.

– Вот эта последняя остановка. Часа через полтора будем на месте, – сказал Игнат Сильвии, когда поезд остановился в пустой степи. Из окон был виден пустынный степной пейзаж с рядами колючей проволоки, уходивших к горизонту. Игнат заметил, что по лицу Сильвии пробежала тень ужаса, но взглянув на него и других пассажиров, среди которых были женщины, она быстро овладела своими чувствами.

Началась проверка документов. Лейтенант Камский протянул свое удостоверение, паспорт жены, свидетельство о браке, свидетельство о рождении ребенка. Сержант, проводивший проверку вагона, все внимательно изучил, а затем сообщил:

- Вашей жены в списках нет.
- Да не может этого быть! – воскликнул Игнат. – Я же давал телеграмму, звонил с пересыльного пункта.
- Ваша фамилия в списках есть, а жены нет, – опять повторил сержант.

Взглянув на сержанта и его рядовых помощников, Игнату показалось, что они испытывают какое-то внутреннее удовлетворение от таких властных полномочий, но он быстро прогнал эту мысль.

– Зовите вашего начальника! Мы возем ребенка прямо из больницы и не намерены рисковать его здоровьем.

- Собирайте вещи, мы вас высаживаем! – повторил настойчиво сержант.

Один из его помощников взялся за ручку коляски.

В это время из соседнего купе плацкартного вагона вышел офицер в звании подполковника и, подойдя вплотную к ретивому сержанту, сухо и с выражением произнес ему в переносицу:

- Чтоб через две минуты здесь был ваш командир. Время пошло.

Один из рядовых метнулся из вагона и быстро возвратился с капитаном заместителем начальника контрольно-пропускного пункта. Тот был непреклонен. Пришлось собираться

на выход. Сильвия понимала, что вышла случайная накладка, но она была не на шутку встревожена. В ее взгляде чувствовалась и ласка, и материнская нежность, и покорность, и какая-то жесткая и холодная сила сопротивления тому, кто попытается причинить вред ее дитяти. На пути у этой силы стоять было бессмысленно и опасно. Артем чувствовал себя виноватым. Дежурный наряд услужливо подавал коляску, чемодан и другие мелочи. Их временно разместили в небольшой комнате ожидания для лиц, которых снимали с поезда. Больше там никого не было.

– Делай же что-нибудь! – неожиданно зло и холодно сказала Сильвия Игнату.

Лейтенант Камский направился к начальнику КПП, представился и попросил позвонить в часть.

– Фомин, слушаю! – ответил начальник штаба.

Игнат изложил обстановку.

– Да, не может такого быть! Я же все оформил. Пусть поищут у себя на КПП. Ладно. Я сейчас продублирую. Через десять минут получишь. И еще, пролистай журнал телефонограмм у «ефрейтора Пупкина», – так майор Фомин называл нерадивых исполнителей из числа солдат. – Я посылал заявку позавчера.

Игнат у писаря потребовал нужный журнал и через минуту обнаружил необходимый документ, где была указана его фамилия и состав семьи. Затем он направился к начальнику и предъявил запись.

– Бывает... Накладка вышла, – прочитав текст, ответил начальник.

В это время в дверь постучали.

– Да, заходите.

Вошел писарь.

– Товарищ майор на лейтенанта заявка пришла! – сообщил он радостно.

– Хорошо. Можешь идти, – сухо ответил он своему нерадивому подчиненному.

Когда Игнат возвратился к Сильвии в комнату для задержанных пассажиров, то встретился с ее тревожным вопрошающим взглядом.

– Ну, что там? – спросила она и по веселому бодрому облику Игната тут же поняла, что все в норме.

– Да нашла и старая заявка, и уже новая пришла, и машину за нами выслали!

Сильвия быстро промокнула платочком набежавшие слезинки в уголках глаз и улыбнулась. Неожиданно Игнат заметил на ее лице при мимических движениях мышц несколько морщинок, которых ранее не было, но они быстро исчезли, как легкие облачные полосы на солнечном небе.

В общежитии для семьи лейтенанта Камского комендант тут же освободил комнату, уплотнив холостяков, живших поодиночке в апартаментах на двоих.

– О, даже горячая вода есть! – открыв кран умывальника, воскликнула Сильвия.

В это время к ним в дверь постучали.

– Да, входите! – ответил Игнат.

Это были жены его однокурсников Екатерина Иванникова и Галина Вересова. Сколько неподдельной радости производят такие встречи.

– Вадим Аркадьевич на лазаретном автобусе выехал встречать вас на конечной остановке, но не нашел. Заезжал в общежитие, чтобы узнать, в чем дело. А вас, оказывается, с поезда сняли, – тараторила Вересова.

– Какая глупость – снять жену офицера с маленьким ребенком! – поддакивала ей Иванникова.

– А кто такой Вадим Аркадьевич? – спросила Сильвия.

– Фельдшер с твоим мужем в одной части работает, – проинформировала Вересова. – А как себя малышка чувствует.

– Да вот прямо из больницы и сюда, – ответила Сильвия.

– Правильно сделали, что рискнули. Здесь климат сухой, не то, что наша слякоть. Девочке здесь будет лучше.

– Врачи в детской больнице также говорили. Я не думала, что в общежитии будет так тепло, – сказала Сильвия и сняла свитер. – И вода горячая есть. Это же здорово.

– Бедняжка! Намаялась, наверное, одна с ребенком да еще в доме без удобств, – сочувственно сказала Вересова.

Иванникова промолчала, так как тоже до этого жила с родителями в частном одноэтажном деревянном секторе города.

– Вот тут для вас несколько детских вещичек, – Иванникова протянула Сильвии пакет.

– А мы вам от ваших родственников тоже подарки привезли, – сообщила Сильвия.

Игнат достал из чемодана два небольших свертка и передал однокурсникам.

– Спасибо. Вы отдыхайте. А мы завтра зайдем, – подытожила разговор Вересова.

Когда гости ушли, Камские начали приводить в порядок комнату: мыли, чистили, драили, начиная от раковины и заканчивая оконными стеклами.

– Если бы удалось достать колибактерин, да подавать его с молоком, может быть, у ребенка аппетит появился бы, – сказала Игнату Сильвия, когда тот рано утром уходил на службу.

– Я обязательно раздобуду его, если не сегодня, то через несколько дней.

Игнат ушел, а Сильвия смотрела на бледное личико дочери и не могла уснуть. Вечером того же дня Игнат принес коробку драгоценного препарата.

– У врача одной соседней части оказался в наличии, – сообщил он.

Сильвия растворила в воде содержимое ампулы и добавила в молоко. Запах у смеси был специфический.

«Выплюнет», – подумал Игнат, когда Сильвия поднесла к губам ребенка чайную ложку приготовленной еды.

Дарья вначале слизнула несколько капель с губ, помедлила, как бы обдумывая и взвешивая все за и против, а затем, как птенец открыла рот и без передышки проглотила все приготовленное. Игнат смотрел, затаив дыхание.

– Молодец, моя маленькая! – проговорила Сильвия, вытирая салфеткой личико ребенка.

Через три недели прибыл контейнер с холодильником и книгами. Холодильник «Минск» был в упаковке и дошел в целости и сохранности а, вот книги, которые Игнат в спешке, не обернул бумагой, запылились. Их пришлось очищать. Семейный быт начал налаживаться. Глаза у Дарьи сразу по прибытии были без блеска радости, щечки бледные, она почти не улыбалась. По вечерам держалась субфебрильная температура. Однажды вечером, когда Игнат пришел домой, Сильвия ему сообщила:

– А у нас сегодня температура нормальна! Вот так!

Игнат заметил, что ребенок смотрит прямо на него, как бы изучая. Он подошел ближе и наклонился над коляской. И тут Дарья улыбнулась и четко произнесла:

– Гу-у...

Прошло еще несколько дней. В комнату к Игнату и Сильвии заглянула Галина Вересова со своим двухлетним мальчиком Сашей и сообщила, что в доме офицеров идет веселая музыкальная комедия.

– Я присмотрю за вашей девочкой, а вы с Игнатом ходите в кино, – предложила она.

– А в котором часу сеанс? – поинтересовалась Сильвия.

– Есть в три часа. Вы еще успеете.

– Это замечательно! – подключился к обсуждению Игнат. – Мы, как поженились, еще никуда не ходили.

– Дарья в это время спит. Мы тебе оставим ключ, а ты периодически посматривай. Ладно?

Сильвия запеленала Дарью, убаюкала и отдала ключ от комнаты. Время сеанса пролетело мгновенно. Игнат с Сильвией торопливо вернулись в общежитие.

– Ну, как там у нас обстановка, – спросил Игнат, забирая ключ.

– Недавно смотрела. Спит.

Когда Камские вошли в свою комнату, то были весьма удивлены тому, что увидели. Коляска непостижимым образом отъехала от стены, где стояла между кроватью и столом, и приблизилась к входной двери. В коляске лежала веселая розовощекая распеленатая, улыбающаяся во весь рот, Дарья и выдувала пузыри.

– Любопытно, а как это коляска проехала сама почти два метра? – вслух подумал Игнат.

В это время Дарья приподняла сразу две ноги и с силой ударила ими о подстилку. Коляска сразу продвинулась на несколько сантиметров вперед. Все стало сразу понятно.

– Милая моя, доченька, ты поправилась! Это же надо – сама распеленалась! – сказала Сильвия и подняла малышку на руки. Слезы потекли у нее из глаз, плечи вздрагивали. Игнат в тот момент подумал, что плакать от счастья, дано только женщинам.

Камский на несколько месяцев был откомандирован на одну из площадок. В субботу он возвращался домой, а в понедельник рано утром снова уезжал. Однажды, завершив служебные дела, лейтенант Камский шел домой. Впереди он заметил идущего навстречу улыбающегося офицера богатырского телосложения с женщиной под руку. Когда они поравнялись лейтенант, остановился вместе со своей спутницей.

– Доктор, а вы меня узнаете?

Внимательно присмотревшись к стоящему перед ним человеку, Игнат узнал в нем недавнего пациента:

– Хусаинов! Неужели это ты? Ну, и раздался! Богатырь прямо!

– А это моя жена, – представил он женщину. – Если бы не вы, меня, возможно, уже не было бы.

– Ну, ладно не преувеличивай! Николай Иванович удачно сделал операцию. Ты к нему заходил?

– Да. Он тоже меня сразу не узнал.

– Ты настолько изменился, что не удивительно.

– А когда вы возвратитесь в часть?

– Как только новый врач прибудет на площадку, я сразу же вернусь.

## Весна первого года службы

Лейтенант медицинской службы Камский трудился армейским врачом уже десять месяцев, перевез семью, с житейской перспективой пока не определился и пребывал в равновесии сомнений. В гарнизоне находилось немало исследовательских лабораторий, где велись научные изыскания в атомной отрасли людьми разных специальностей. Камский познакомился с несколькими из них. Экспериментаторы довольно быстро набирали материал и защищали научные степени. В кандидатский минимум в восьмидесятых годах двадцатого века включалось три экзамена: по специальности, иностранному языку, а также истории коммунистической партии. При поступлении в аспирантуру или адъюнктуру от сдачи иностранного языка освобождались те, кто имел соответствующее свидетельство. Игнат в тот период своей жизни воплощал в реальность именно эту задумку. Одним из его знакомых из среды ученых был Марат Пантелеймонович Комлев, биолог из какого-то российского вуза. Знакомство произошло на гарнизонном шахматном турнире, где участником был также некто Троицкий, однофамилец известного составителя этюдов, прикомандированный на несколько недель из Москвы. Его сопровождал высокий мужчина в возрасте около пятидесяти лет. Москвич сражался одновременно против двух соперников, одним из которых был Камский. У Игната были белые, и на доске возникла позиция из испанской партии вязкая и неприятная для черных. Троицкий отдавал ладью за активного слона белых, так как его король был в стесненном и опасном положении. Высокий спутник выражал свое нетерпение по поводу того, что так долго длится партия. На второй доске Марат Пантелеймонович уже что-то зевнул и сдался. Поразмыслив, Игнат забрал фигуру, выиграв качество, и тут же понял, что совершил оплошность, дав свободу действиям соперника. Еще один промах Камского в эндшпиле позволил Троицкому добиться победы. Пожимая руку лейтенанта, шахматист из Москвы поинтересовался:

- Какой у тебя разряд?
- Я любитель. Разряда нет.
- И все у вас тут так играют?
- Есть гораздо сильнее, например, Звягинцев. Он кандидат в мастера.

Высокий спутник Троицкого нервно прохаживался рядом, настойчиво его торопил, что-то тихо говоря и показывая на часы.

– Желаю удачи! – уходя, произнес столичный шахматист и быстро покинул холл дома офицеров, где происходили баталии.

Больше Троицкий на турнире не появлялся и ему выставили синие нолики.

Комлев наблюдал за окончанием партии.

– Зря ты ладью забрал. Там был мат в четыре хода.

Он расставил фигуры и показал выигрышную комбинацию. Камский расстроился окончательно.

- Он куда-то торопился. Это заставило меня ошибиться.
- А ты бы наоборот тянул время. Пускай бы предлагал ничью.
- Ну, что по домам?
- Да пора уходить.

По улице они шли вместе. Камский поинтересовался:

– Марат Пантелеймонович, когда у вас будет укомплектована группа для сдачи экзамена по иностранному языку.

- Для чего тебе?
- Я тоже хочу сдать кандидатский минимум.
- Ты кто по специальности?
- Хирург.

- А почему петлицы строительных частей.
  - Меня призвали на два года.
  - Собираешься наукой заняться?
  - Я еще, когда учился в институте, работы писал.
  - А когда срок службы заканчивается?
  - Через год.
  - Насколько мне известно, значительная часть двухгодичников становятся кадровыми военными. А давай к нам! Тема найдется.
  - Какая, например?
  - Влияние ионизирующих излучений при подземных ядерных взрывах на обезьян.
  - Вы, наверное, шутите?
  - Отнюдь.
  - Нет уж! Я привык с людьми работать. Да и зачем вам хирург?
  - Исследовать погибших животных можно, например. Или проводить какие либо имплантации, трансплантации и прочее. У нас за год, полтора набирают материал на кандидатскую степень.
  - Вам лучше подойдет ветеринар или патологоанатом. Я приобрел уже около сотни книг по хирургии. Мне доставляет удовольствие поставить диагноз, а затем излечить больного.
  - Правильно, жизненную позицию лучше не менять, иначе чувства самодостаточности не будет, да и значимых успехов не добиться, – после непродолжительной паузы задумчивости Комлев продолжил. – Насколько мне известно, выезд в Семипалатинск на кафедру иностранных языков запланирован на конец мая.
- И вот это время наступило. Для группы экзаменуемых в составе, по списку, из пятнадцати человек, не считая водителя, старшего автомобиля и случайных попутчиков был выделен один из гарнизонных автобусов. Выехали на рассвете, так как нужно было успеть к началу рабочего дня. Солнышко освещало бескрайнюю степь, покрытую зеленой майской травой. Обширные естественные плантации красных маков и разноцветных тюльпанов будоражили мировосприятие. Однако через некоторое время большинство пассажиров задремало. Лишь несколько человек, в том числе и Камский, продолжали любоваться степными просторами.
- Кафедра иностранных языков. Просторный класс, столы. Началось собеседование. Камский сдавал экзамен преподавателю по фамилии Вайнцвайг, по имени отчеству Петр Мартович. Без особых усилий Игнат перевел медицинский текст, газетный фрагмент на политическую тему, простая разговорная речь далась с трудом. В итоге он получил четыре балла. Оценкой он был не удовлетворен, и уже по пути назад зародилась мысль съездить еще раз, чтобы «хорошо» поменять на «отлично», что давало право быть освобожденным от вступительного экзамена по иностранному языку. Остальные участники мероприятия были рады полученным тройкам и кое-кто четверкам. На отлично не сдал никто.

## Эпидемия

В то лето эпидемия кишечных инфекций приняла угрожающие масштабы. Нетронутыми этой заразой оставалась только ближайшая площадка «Орион» и сам гарнизон, располагавшийся на окраине города атомщиков. Наверное, Игнат в какой-то момент пожалел о том, что согласился оставить свою часть, расквартированную на базе, и на какой-то срок прибыть на «Орион», вместо ушедшего оттуда врача. Все строительные части работали напряженно и нервно. Нужно было выполнять план по вводу объектов. За срывы графика командиры сразу же лишались должностей.

– Доктор, говори, что еще надо сделать, чтобы не было вспышки?

Вечером в кабинете подполковника Самусева были все его заместители, политработники, командиры рот. Санитарное состояние в столовой и казарменных помещениях было доведено до идеального, мытье рук солдатами перед приемом пищи лично контролировали офицеры. Стекла окон были покрашены синькой. В помещениях были развешены липучки для случайно залетевших мух. Доктор Камский на утреннем построении объявил, что все у кого имеются хоть малейшие подозрения на расстройство пищеварения, должны прибыть в медицинский пункт для осмотра. Таких набралось пятнадцать человек. У семерых своей хирургической рукой Камский выявил урчание слепой кишки и повышенную чувствительность при надавливании. Затем, приказав санитару взять лопату, он вывел всех обратившихся к туалетам и предложил справить нужду. Подозрительным стул оказался у двоих. Все же лейтенант Камский решил изолировать всю семерку. Возвратившись в медицинский пункт, он заметил своего фельдшера куда-то направляющегося с набором медикаментов.

– Ты куда?

– Подполковник Самусев приказал дать лекарство, у кого подозрение на дизентерию.

– Отставить! Медицинскими вопросами здесь занимаюсь я, а не командир части.

– Где медицинский узик? Водитель?

– Возле третьей роты хлорную известь разгружает.

– Давай его и всех семерых из изолятора сюда. Сколько у нас пустых чашек Петри?

– Много.

– Упаковывай все, что есть. Быстро. Нет времени.

В полевом инфекционном госпитале лейтенант Камский оставил несчастную семерку, а сам направился в санитарно-эпидемиологический отряд, где после краткой беседы с начальником, убедил его выдать триста чашек Петри со специальной средой для тотального обследования личного состава части. Взамен были оставлено такое же количество пустых чашек, привезенных с собой. Игнат на своем медицинском узике тут же отправился обратно в часть, не имея времени заглянуть к жене с дочкой, которых не видел уже неделю.

Едва Камский открыл дверь медицинского пункта, как примчался посыльный от командира части с распоряжением немедленно прибыть в штаб части.

– Давай, доктор, доложи обстановку, – сказал ему командир части, когда Камский вошел в его кабинет.

Внимательно выслушав медицину, Самусев сокрушенно произнес:

– А вообще зря ты сразу семерых отвез. Возил бы по одному или по двое. В гарнизоне все на ушах: «На „Орионе“ вспышка кишечных инфекций!». Было масса звонков от начальства всех родов и видов. В общем, завтра нас приедут пытаться. Тебе, доктор, тоже мало не покажется, хоть ты и прикомандированный. Ладно, говори, что ты там еще надумал.

– В дополнение к тому, что мы делаем, нужно провести полное обследование личного состава части на предмет бактериального носительства. Офицеров тоже.

– А ты, доктор, себя будешь обследовать? – поинтересовался заместитель по снабжению.

– Я регулярно контролирую состояние своего здоровья.

Наступила напряженная тишина.

– А когда начнем? – нарушил молчание Самусев.

– В медпункте все готово.

Представители Центрального военно-медицинского управления прибыли на армейском вездеходе. Их было двое. Оба в звании подполковников. Один высокий и худощавый с флегматичным выражением лица, второй маленький, быстрый, подвижный. Они решительно приближались к входу в медицинский пункт части, где в это время лейтенант Камский проводил обследование личного состава. Прошло уже более двухсот человек.

– Лейтенант медицинской службы Камский! – представился Игнат высокой проверяющей комиссии.

Инспектор, шагавший первым, ростом с циркового «Карандаша», с элегантной высокой фуражкой на голове, по осьминожке побагровел. Видимо это соответствовало историческому моменту.

– Как ты посмел допустить эпидемию кишечных инфекций в части! – грубо закричал он на стоящего перед ним лейтенанта Камского.

– Эпидемии... – попытался было возразить доктор.

– Это должностное преступление. Ты понимаешь, что ваша площадка последняя перед гарнизоном и городом. Чем вы тут все занимаетесь? – и он обвел взглядом вышедших из штаба части командира и его замов. – Погоны оборву!

Московский инспектор подпрыгнул, словно взлетел, и вцепился правой рукой в левый погон лейтенанта медицинской службы. Рубашка затрещала, но погон не отпустила. Вторую попытку, обещавшей быть более успешной, маленькому воинственному ревизору не дал осуществить высокий подполковник. Он произнес нечто неуловимое слухом, и шустрый штурмовик, сразу же заглушил мотор и повернулся назад. Игнат уловил только последнее: «... шем счету». Штурмовик неожиданно стал дирижаблем. Совершенно спокойно, как будто ничего и не было, он спросил.

– Ну, ладно! Расскажи подробно, что сделали и что делаете.

Чтобы поддержать своего врача в один из драматических моментов его жизни, офицеры, даже те, кто поначалу отказывался, прошли, поборов сомнения, обследование.

Уезжая, маленький инспектирующий подошел к доктору Камскому и сказал:

– Мне стало известно, что ты собираешься остаться в Вооруженных силах. Желаю успехов.

Через трое суток были получены результаты анализов. Было выявлено несколько бактерий-носителей и направлено на санацию. Воинская часть до следующего сезона забыла о слове эпидемия. Лейтенант Камский вскоре возвратился к прежнему месту службы.

## Глава четвертая

### Учеба, наука, интерес

Как пчелы собирают нектар, так и люди науки добывают драгоценные крупы знаний, исследуя «расцветшее» природное проявление, стараясь извлечь из него всю возможную информацию. На полигоне и в самом городке были открытые и замаскированные, доступные и засекреченные исследовательские лаборатории. В первый год службы лейтенант Камский не имел намерений задерживаться на военной службе, хотя ему о такой возможности уже несколько раз настойчиво намекал командир части. Переворот в жизненных планах Камского произошел после одного знакомства. К нему в медицинский кабинет однажды вошел высокий под два метра старший лейтенант с эмблемами инженерных войск на петлицах представился и попросил лекарственный препарат для лечения заболеваний печени. Таковой оказался в наличии. Фамилия военного инженера была Руднев, имя Михаил. Он сообщил Игнату, что тоже был призван на два года, что в институте занимался исследовательской работой. Уже служа в армии, узнал, что есть инженерная адъюнктура. Отправил туда документы и результаты своих изысканий. Пришел положительный ответ. Он сдал вступительные экзамены на удовлетворительно, но после собеседования был принят в инженерную академию, где ему предложили продолжить свои разработки и защитить кандидатскую. Сейчас он готовился к отъезду.

У Камского интереса к чистой науке не было. Научные поиски ему были любопытны только в увязке с хирургией. «На данный момент я занимаюсь совершенно не тем, о чем мечтал, и чему посвятил столько лет подготовки», – почти с отчаянием в душе подумал Игнат. Он с семьей жил в общежитии, но командир части сказал, что, если будет рапорт о дальнейшей службе в армии, сразу дадут квартиру, на первых порах однокомнатную. В беседе с женой Камский рассказал о возможных перспективах и получил уклончивый ответ, мол, решай сам. Игнат представил, как они возвратятся в родные места. Снова придется снимать квартиру, подыскивать место работы...

– Знаешь, Сильвия, я решил остаться на военной службе, – однажды во время разговора в обеденный перерыв осторожно с ожиданием ответной реакции сказал Камский.

Игнат увидел, как на мгновение просветлело лицо спутницы его жизни. В этом, едва уловимом движении чувств, он заметил сдержанную радость перспективы покинуть общежитие и устроиться на работу в городке, где требовались врачи. Река жизни несла вперед миллионы судеб и все старались пристать к ее берегам. Для Камских первым причалом оказался городок атомщиков в окружении бескрайней казахской степи.

Вечером того же дня лейтенант Камский принес командиру части подполковнику Шустову Ивану Дмитриевичу рапорт о желании продолжить службу в вооруженных силах. Командир прочел бумагу и, не скрывая своего удовлетворения, подписал ее, затем, вызвав начальника штаба, передал ему документ, приказав заняться оформлением. Через несколько дней семье Камских предложили однокомнатную квартиру в одном из домов на первом этаже. Семейное трио было радо этому известию, а особенно маленькая Даша, еще не умевшая говорить, но хорошо ловившая общее настроение. В квартире, которую предложили Камским, проживал их однокурсник Марченко, решивший связать свою судьбу с армией одним из первых. Он нашел себе в городке спутницу жизни с маленьким ребенком и после женитьбы получил право на передислокацию в жилье уже из двух комнат.

Гарнизонное общежитие, где проживали молодые семьи и вновь прибывающие офицеры после училищ, было четырехэтажным типовым зданием. На каждом этаже имелось по двадцать комнат, по десять с каждой стороны, разделенных длинным коридором, кухня и туалет. Душ

был только один общий на все здание, рядом прачечная с сушилкой. Эти помещения располагались в подвале. Комендант общежития, дородная средних лет женщина с пухлыми щеками, отечными верхними веками глаз и толстыми губами, покрытыми яркой кирпично-красной помадой, назначала женские и мужские банные дни для своих постояльцев. На первом этаже также был небольшой читальный зал.

Еще одной примечательной особенностью дома совместного проживания было множество тараканов в нем, точнее несметное их число, одним словом «тьматаракань». Они лезли во все щели, и особенно любили накапливаться в бытовых приборах. Однажды Игнат, еще до приезда Сильвии, придя в свою комнату со службы, открыл чехол электробритвы. Неожиданно оттуда выскочил коричнево-черный живой шевелящийся, разбегающийся во все стороны тараканий клубок. От неожиданности Игнат отпрянул и выронил бритву на пол. К такому соседству приходилось привыкать, потому что на этих насекомых ничего не действовало. Жильцы тщательно заделывали все щели в полу, плинтусах, везде, где только было возможно, но неудержимые насекомые преодолевали все преграды. Проще было примириться с существованием этой параллельной жизни, чем постоянно дышать средствами для дезинсекции.

Семейный осмотр предложенной квартиры показал необходимость ремонта, и Камский в обеденные перерывы стал шпаклевать, красить и белить новое жилье. После приведения в порядок потолка, стен и окон тараканьи усики рядами торчавшие через щели в дощатом полу были успешно окрашены. Оставалось только подождать, пока выветрится запах краски.

В городке подразумевалось московское снабжение, поэтому дефицита мяса, рыбы и круп не было, но с молочными продуктами дело было туго, поэтому семьи с детьми заблаговременно в отпусках запасались сухим молоком на весь срок его годности. Не хватало также овощей и фруктов. Игнату родные регулярно присылали в посылках чеснок, лук, морковку, сушеные яблоки, тыквенные семечки, сало, варенье...

Жизнь Камских постепенно налаживалась. Игнат купил велосипед, и появилась возможность ездить по вечерам за молоком в соседнее казахское селение, или аул, как называли его местные жители.

## Комсомол и дерзания молодости

А сейчас несколько подробнее о сомнениях, которые пришлось преодолеть действующему лицу данного повествования. Итак, после привоза семьи перед лейтенантом медицинской службы Камским Игнатом Павловичем возникла сложная проблема выбора. Через год можно было возвратиться на родину. В городской больнице, где он проходил интернатуру на должности хирурга, обязаны были сохранить для него место, или предложить другое равнозначное. Кроме того на хирургической кафедре в институте ему обещали зачисление в клиническую ординатуру, а также рекомендательное содействие для принятия в аспирантуру при наличии документов о сдаче кандидатского минимума. К минусам при таком развитии событий относилось отсутствие собственного жилья. Пришлось бы снова искать съемную квартиру и становиться в очередь на получение собственной. В семидесятые годы практиковалось кооперативное строительство, но сбережений у семьи молодых медиков не было.

Здесь же командир части обещал решение жилищного вопроса в течение короткого времени после подачи рапорта о продлении службы и ходатайство о внеочередном звании старшего лейтенанта. И что немаловажно было для Камского – степной сухой континентальный климат положительно сказался на здоровье дочери. В городке имелись также свободные рабочие места для гражданских врачей, и его жена могла занять одно из них. Короче говоря, герой этих повествований не стал ловить журавля в небе и взял в ладони маленькую птичку синичку.

После возвращения с площадки «Орион», где в сложной эпидемиологической обстановке Камский не допустил роста заболеваемости, он продолжил службу в своей части. Спустя всего несколько дней после написания рапорта командир части вызвал доктора в кабинет и вручил ему бумагу, подтверждающую выделение однокомнатной квартиры. После необходимого косметического ремонта, который Игнат проделал своими руками, его семья переместила на свою жилплощадь немногочисленные вещи, главными из которых были холодильник минского производства и детская коляска. Две кровати Игнат временно позаимствовал в хозяйственной службе части. В августе он получил звание старшего лейтенанта медицинской службы. Третью звездочку на погоны сослуживцы заставили достать губами из стакана с водкой. Такова была традиция.

В апреле Камский сдал кандидатский минимум по немецкому языку и сейчас имел свидетельство, где значилась оценка «хорошо». Уже, когда наступили зимние холода, он прочел в газете «Красная звезда» сообщение об объявлении конкурса в адъюнктуру при Военно-медицинской академии. Это его заинтересовало. Повторно внимательно перечитав текст, Игнат понял, что он также мог быть допущен к экзаменам, однако препятствием для приема было отсутствие двухлетнего стажа и должности по хирургической учетной специальности. Для освобождения от сдачи экзамена по иностранному языку в представлявшемся документе должна была красоваться запись «отлично». «Замечательно, – подумал Камский, – еще раз перечитаю купленные книги по медицине, улучшу теоретическую подготовку, одновременно напишу рапорт о переводе на хирургическую должность, пересдам иностранный, а если допустят к экзаменам, познакомлюсь с академическими преподавателями». И его журавлик снова мелькнул в поднебесье.

В начале лета доктор встал на учет в комсомольской организации части, заплатив взносы за просроченные месяцы. Задолженность образовалась в связи с переездом к месту службы и большой загруженностью работой. Накануне ему исполнилось двадцать семь лет. С комсомолом приходилось расставаться. Когда, начальник штаба капитан Фомин узнал, что Камский собирается оформлять документы для участия в академическом конкурсе, он предложил ему сдать «корочки» молодости и перейти в другую общественную весовую категорию. Творческая работа закипела. «Не отрываясь от производства», Игнат сделал запросы знакомым и в инсти-

тут, собрал материалы о своих студенческих работах, оформил их должным образом, получил рекомендации и стал кандидатом в члены компартии, начал перечитывать все имевшиеся у него учебники и монографии. Одновременно стал усиленно готовиться к передаче немецкого языка.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.